

Научно-техническое
обеспечение судопроизводства

Scientific and technical support
of legal proceedings

Редакционная коллегия

Editorial Board

Анисифоров Т.С., кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета по научной работе Государственного университета просвещения, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Anisiforov T.S., candidate of law, associate professor, deputy dean of the faculty of law for scientific work of the State University of Education; associate professor of the department of financial law Kutafin Moscow State Law University

Белкин А.Р., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения национальной безопасности Российского технологического университета (РТУ-МИРЭА), академик РАЕН

Belkin A.R., doctor of law, professor, professor of the department of national security of legal support of the Russian Technological University (RTU-MIREA), Academician of the Russian Academy of Sciences

Бережнев Г.В., заместитель начальника ЭКЦ МВД России, полковник полиции

Berezhnev G.V. Deputy Head of the ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel

Бертовский Л.В., доктор юридических наук, профессор, Директор института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук НИУ МИЭТ; профессор кафедры криминалистики московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Bertovsky L.V., doctor of law, professor, director of the Institute of high-tech law, social sciences and humanities of the national research university of electronic technology (MIET); professor of the department of criminology of Lomonosov Moscow State University

Бессонов А.А., ректор Московской академии Следственного комитета РФ

Bessonov A.A., Rector of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Вольнский А.Ф., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Volynsky A.F., doctor of law, professor, Professor of the Department of Criminalistics Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

Волчещкая Т.С., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующая кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского Федерального университета имени Иммануила Канта

Volchetskaya T.S., doctor of law, professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure, forensic science and Legal Informatics of Immanuel Kant Baltic Federal University

Гаврилов Б.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, генерал-майор юстиции

Gavrilov B.Ya., Ddoctor of law, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Major General of Justice

Гармаев Ю.П., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Кубанского государственного аграрного университета

Garmaev Yu.P., doctor of law, professor, professor of the department of criminalistics of the Kuban State Agrarian University

Енгибарян В.Г. доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Ереванского государственного университета

Yengibaryan V.G., doctor of law, professor, professor of the department of criminal procedure and criminalistics of Yerevan State University

Епифанов А.Е., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России

Epifanov A.E., doctor of law, professor, chief researcher of the research center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Жижица М.В., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник ФБУ РФЦСЭ при МЮ РФ
Zhizhina M.V., doctor of law, associate Professor, professor of the department of criminology of the faculty of law of Lomonosov Moscow State University; chief researcher of the Federal State Budgetary Institution of the Russian Federation at the Ministry of Justice of the Russian Federation

Исаенко В.Н., государственный советник 3 класса, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Государственного университета просвещения

Isayenko V.N., State Adviser of the 3rd class, doctor of law, professor, professor of the department of criminal procedure and criminalistics of the State University of Education

Кокорева Л.В., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Kokoreva L.V., candidate of law, associate professor, professor of the department of criminal procedure of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

Комаров И.М., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики МГУ имени М.В. Ломоносова

Komarov I.M., doctor of law, professor, head of the department of criminology of Lomonosov Moscow State University

Коршунова О.Н., доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ

Korshunova O.N., doctor of law, professor, head of the department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in the consideration of Criminal, Civil and Arbitration Cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Кустов А.М., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Вице президент гильдии экспертов в сфере образования, главный научный сотрудник НИЦ, профессор кафедры управления органов расследования преступлений Академии управления МВД России, академик РАЕН, старший советник юстиции
Kustov A.M., doctor of law, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Vice President of the Guild of Experts in the field of education, chief researcher of the research center, professor of the department of management of crime investigation bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, academician of the Russian Academy of Sciences, senior adviser of justice

Кутуев Э.К., доктор юридических наук, профессор
Kutuev E.K., doctor of law, professor

Кучина О.С., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия
Kuchina O.S., doctor of law, professor, professor of the departments of forensic examinations and criminalistics of the Russian State University of Justice

Лебедев Н.Ю., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института им. Генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

Lebedev N. Yu., doctor of law, associate professor, professor of the department of criminal procedure and criminalistics of the Novosibirsk Military Institute of the Internal Troops named after general of the Army I.K. Yakovlev of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Максимов А.В., заместитель начальника организационно-методического управления, полковник полиции
Maksimov A.V., Deputy Head of the Organizational and Methodological Department, Police Colonel

Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования России, Заслуженный деятель науки Кубани, Заслуженный юрист Республики Адыгея, заведующий кафедрой криминалистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
Meretukov G.M., doctor of law, professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia, Honored Scientist of Kuban, Honored Lawyer of the Republic of Adygea, head of the department of criminology of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Можаяева И.П., доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, полковник полиции

Mozhaeva I.P., doctor of law, associate professor, chief researcher of the department for the study of problems of branch management of the research center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police colonel

Надусева Э.Х., кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Государственного университета просвещения

Nadyseva E.H., candidate of law, associate professor, dean of the faculty of law, head of the department of criminal procedure and criminalistics of the State University of Education

Полянова Ж.А., начальник управления научных исследований, полковник полиции
Polyanova Zh.A., Head of Scientific Research Department, Police Colonel

Прокофьева Т.Ю., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной экономики Российского государственного гуманитарного университета
Prokofieva T. Yu., doctor of economics, associate professor, professor of the department of theoretical and applied economics of the Russian State University for the Humanities

Прошин В.М., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Государственного университета просвещения, руководитель кабинета адвокатов гор. Москва
Proshin V.M., doctor of law, associate professor, professor of the department of criminal procedure and criminalistics of the State University of Education, head of the cabinet of lawyers, Moscow

Рычкалова Л.А., доктор юридических наук, доцент
Richkalova L.A., doctor of law, assistant professor

Серов Я.В., начальник организационно-методического управления, полковник полиции
Serov Ya.V., head of the organizational and methodological department, Police Colonel

Соловей А.А., кандидат военных наук, доцент, проректор по учебно-методической работе Частного учреждения образовательной организации высшего образования Института экономики и культуры, кандидат военных наук, доцент
Solovey A.A., vice-rector for educational and methodical work, Private institution educational organization of higher education Institute of Economics and Culture

Харченко С.В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Московской Академии Следственного комитета РФ

Kharchenko S.V., doctor of law, professor, head of the department of criminalistics of the Moscow Academy of the Investigative committee of the Russian Federation, police colonel

Тишутина И.В., доктор юридических наук, доцент, профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, полковник полиции
Tishutina I.V., doctor of law, associate professor, professor of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Police Colonel

Шмонин А.В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Shmonin A.V., doctor of law, professor, professor of the department of criminal procedure and criminalistics of the North-Western Institute of Kutafin Moscow State Law University

Эриашвили Н.Д., кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования
Eriashvili N.D., candidate of historical sciences, candidate of law, doctor of economic sciences, professor Laureate of the Russian Federation Government prize in Science and Technology, Laureate of the Russian Federation Government prize in the Education

Ялышев С.А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия
Yalyshev S.A., doctor of law, professor, professor of the department of criminal procedure law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice

СОДЕРЖАНИЕ 1/2023

Главный редактор

А.М. Кустов,

доктор юридических наук,
профессор

Научный редактор

А.Ф. Вольнский,

доктор юридических наук,
профессор

Главный редактор

Объединенной редакции

Н.Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства РФ в области
науки и техники, лауреат
премии Правительства РФ
в области образования

В.Н. Закаидзе,

Генеральный директор
издательства «ЮНИТИ-ДАНА»
123298, Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1

Отпечатано в типографии
ООО «Буки Веди»
117393, г. Москва, вн. тер.
г. Муниципальный округ
Обручевский,
ул. Профсоюзная, д. 56,
этаж 3, помещение XIX,
ком. 321.

Редакция и внешние
рецензенты не несут
ответственности за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений
авторами статей.
Ответственность за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений
несут исключительно авторы
опубликованных материалов
Заказ №

**Свидетельство
о регистрации
ПИ № ФС 77-84463
от 29.12.2022**

**www.unity-dana.ru
www.niion.org**

К.Р. Аливердиева. Сделки с земельными участками: теоретико-правовой аспект	6
Г.А. Алиева. О криминалистических признаках тяжких преступлений в свете цифровизации сферы жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации	9
Л.В. Бертовский, А. М Кустов. История допроса	14
А.В. Богданов, М.С. Мустафин, Е.Н. Хазов. Основные направления противодействия молодежному терроризму и экстремизму в России	30
В.В. Бычков. Информационная модель криминалистической характеристики киберэкстремизма	36
Т.В. Горбенко. Криминалистическое обеспечение дистанционного производства следственных действий: гносеологические основы	44
В.О. Давыдов. Концепция криминалистического обеспечения расследования преступлений в особых условиях: постановка проблемы	53
С.Я. Казанцев, Р.Г. Амиров, К.Р. Ахметшина. Использование биометрических технологий в криминалистике на современном этапе	59
В.Н. Карагодин. Структура, связи и направления эволюционных процессов Российской криминалистики	63
А.А. Корчагин. Сквозная криминалистическая методика предварительного и судебного следствия по делам об убийствах, как элемент единого криминалистического обеспечения их предварительной проверки, предварительного и судебного следствия	68
А.М.Кустов, О.А. Макарова. О структуре частной криминалистической методики расследования преступлений экстремистской направленности	76
В.Н. Исаенко, Э.Х. Надысева. Системно-структурный подход к исследованию и оценке заключения эксперта субъектами досудебного уголовного судопроизводства	88
Д.Б. Орехов. О некоторых дискуссионных вопросах использования экономических знаний в расследовании преступлений	96
Х.Х. Рамалданов. Блокчейн технологии как средство модернизации цифрового уголовного судопроизводства	104
В.М. Редкоус. Приоритетные задачи обеспечения правосудия в условиях осуществления судебно-правовых реформ (опыт Республики Узбекистан)	109
Г.А. Смирнова. Осмотр места происшествия при расследовании хищений в сфере энергоресурсов	116
В.В. Ушакова. Личность несовершеннолетнего как элемент криминалистической характеристики преступлений против собственности	121
С.Д. Милицин. Серьезные игры серьезных людей или уголовное правосудие в необычном ракурсе	125
А.Ф. Вольнский. Судебная экспертиза в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства	129

Chief Editor

A.M. Kustov,
doctor of law, professor

Scientific editor

A.F. Volynsky,
doctor of law, professor

**Chief editor
of Joint editorial**

N.D. Eriashvili,
candidate of historical
sciences, candidate of law,
doctor of economics,
professor, Laureate of the
Russian Federation
Government prize in
Science and Technology,
Laureate of the Russian
Federation Government
prize in the Education

**Representations
in Russia:**

V.N. Zakaidze,
CEO of publishing house
«UNITY-DANA»
1 Irina Levchenko,
Moscow, 123298

**Registration certificate
ПН № ФС 77-84463
от 29.12.2022**

**www.unity-dana.ru
www.niion.org**

CONTENTS 1/2023

K.R. Aliverdieva. Land transactions: theoretical and legal aspect	6
G.A. Aliyeva. About forensic signs of serious crimes in the light of digitalization of the sphere of housing and communal services of the Russian Federation	9
L.V. Bertovsky, A.M. Kustov. Interrogation history	14
A.V. Bogdanov, M.S. Mustafin, E.N. Khazov. The main directions of countering youth terrorism and extremism in Russia	30
V.V. Bychkov. Information model of forensic characteristics of cyber extremism	36
T.V. Gorbenko. Forensic support of remote production of investigative actions: epistemological foundations	44
V.O. Davydov. Forensic support concept investigation of crimes under special conditions: setting the problem	53
S.Ya. Kazantsev, R.G. Amirov, K.R. Akhmetshina. The use of biometric technologies in criminology at the present stage	59
V.N. Karagodin. Structure, connections and directions of evolutionary processes of Russian criminalistics	63
A.A. Korchagin. End-to-end forensic methodology of preliminary and judicial investigation in murder cases, as an element of a unified forensic support for their preliminary verification, preliminary and judicial investigation	68
A.M. Kustov, O.A. Makarova. To the question of the structure of the private forensic methodology for investigating extremist crimes	76
V.N. Isayenko, E.K. Nadyseva. A system-structural approach to the study and evaluation of the expert's opinion by the subjects of pre-trial criminal proceedings	88
D.B. Orekhov. On some controversial issues of the use of economic knowledge in the investigation of crimes	96
Kh.Kh. Ramaldanov. Blockchain technologies as a means of modernizing digital criminal justice	104
V.M. Redkous. Priority tasks of ensuring justice in the conditions of implementation judicial and legal reforms (experience of the Republic of Uzbekistan)	109
G.A. Smirnova. Inspection of the scene of the incident during the investigation of theft in the field of energy resources	116
V.V. Ushakova. Identity of a minor as an element of forensic characteristics of crimes against property	121
S.D. Militin. Serious games for serious people or criminal justice from an unusual angle	125
A.F. Volynsky. Forensic examination in the system of scientific and technical support of criminal proceedings	129

УДК 349.41
ББК 67.407

© К.Р. Аливердиева. 2023

Сделки с земельными участками: теоретико-правовой аспект

Карина Рейзудиновна Аливердиева,
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина», Москва, Россия
E-mail: karinaaliverdieva2107@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется понятие сделок с земельными участками. Рассматриваются различные определения сделок с земельными участками, представленные в научной среде, обозначены особенности рассматриваемого института, приводится классификация сделок с земельными участками по различным критериям. Автором сделан вывод о том, что если в качестве предмета сделки выступает земельный участок, то такие сделки следует считать земельно-правовыми

Ключевые слова: сделка, предмет, земельный участок, договор, оборотоспособность, классификация

Научная специальность: 5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Для цитирования: К.Р. Аливердиева. Сделки с земельными участками: теоретико-правовой аспект // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 6—8.

Land transactions: theoretical and legal aspect

Karina Reizudinovna Aliverdieva,
Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
E-mail: karinaaliverdieva2107@gmail.com

Abstract. The article analyzes the concept of transactions with land plots. Various definitions of transactions with land plots presented in the scientific community are considered, the features of the institute under consideration are indicated, the classification of transactions with land plots according to various criteria is given. The author concludes that if a land plot acts as the subject of a transaction, then such transactions should be considered land-legal.

Key words: transaction, subject, land plot, contract, turnover, classification

Земля является ценным и уникальным ресурсом, исключительная важность которой объясняется социально-экономическим значением и незаменимостью в жизнедеятельности человека.

Развитие экономических отношений, общественная значимость и многофункциональное

значение земли, необходимость сохранения природных свойств земельного участка и обеспечение его рационального использования, обосновывают тщательную регламентацию оборота земельных участков и предполагают совершенствование правового регулирования рассматриваемых отношений. Современные реалии

таковы, что рынок земельных участков постоянно развивается, каждый день заключаются тысячи сделок с земельными участками, оборот которых достигает несколько миллиардов рублей. Сделки с земельными участками приобретают все большую значимость. Именно сделки являются тем юридическим средством, при помощи которого самостоятельные и равноправные субъекты отношений определяют границы своих взаимоотношений.

Рассмотрим некоторые доктринальные определения сделок. Так, С.С. Алексеева рассматривает сделки как «разновидность правомерных действий как юридических фактов. В гражданском праве в соответствии с принципом диспозитивности—преобладающая разновидность» [1, с. 150]. По мнению В.М. Лебедева, сделка — это «волевые действия физических и юридических лиц, выраженные в определенной форме и направленные на возникновение, изменение, приостановление, возобновление либо прекращение их прав и обязанностей» [2, с. 116]. Особое мнение высказывает О.В. Гутников, который отождествляет сделку и правоотношение, указывая, что «многие ученые, говоря о сделке, имеют в виду правоотношение», то есть права и обязанности определяются в законе, а в юридическом акте-сделке они раскрываются [3, с. 8].

Б.В. Ерофеев считает, что сделка — это действие, обладающее следующими признаками:

- свободная воля в совершении сделки;
- совершается в целях установления, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей;
- правомерность действия, то есть соответствия действующему законодательству и не противоречащему ему [4, с. 208].

Мы разделяем сложившееся в доктрине мнение, о том, что если в качестве предмета сделки выступает земельный участок, то такие сделки следует считать земельно-правовыми. В то же время Т.В. Кашанина считает, что подразделение земельного участка в качестве «прямого» или «косвенного» объекта при совершении сделок позволяет отличать земельно-правовые договоры от гражданско-правовых. Также этому способствует «принцип земельного рынка», который предполагает наличие прямого разрешения на отчуждение земли в земельном законодательстве [5, с. 51].

Совершение сделок с земельными участками занимает особое место, так как в качестве

предмет выступает земельный участок, имеющий свои особенности:

1) ограничения в оборотоспособности земельных участков. В настоящее время земельное законодательство (ст. 27 ЗК РФ) осуществляет правовое регулирование оборотоспособности земельных участков, разделяя их на изъятые из гражданского оборота и ограниченные в обороте.

Земельные участки, отнесенные к землям, изъятым из оборота, не могут предоставляться в частную собственность, а также быть объектами сделок, предусмотренных гражданским законодательством.

Земельные участки, отнесенные к землям, ограниченным в обороте, не предоставляются в частную собственность, за исключением случаев, установленных ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» и ФЗ «Об охране окружающей среды».

2) при совершении сделок необходимо руководствоваться категорией, целевым назначением, разрешенным использованием земель;

3) ограничение в субъектном составе, в частности, в отношении иностранных лиц, которые не вправе иметь в собственности земельные участки, находящиеся на приграничных территориях (ст. 15 ЗК РФ) и земель сельскохозяйственного назначения;

4) процедура заключения сделок может быть обусловлена проведением торгов (конкурсов, аукционов). В основном, это касается земельных участков, находящихся в публичной собственности (гл. V.1 ЗК РФ);

5) ограничение по использованию имуществом, которые выражаются в соблюдении требований градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов (ст. 40, 42 ЗК РФ и т.д.).

Классификация сделок имеет большое практическое значение для определения характера создаваемых сделками прав и обязанностей. Кроме того, она позволяет увеличить эффективность применения сделок в гражданском обороте посредством выявления установленных нормативных требований, определения их функциональной сути.

Сделки с земельными участками относятся к группе сделок, направленных на передачу имущества, однако они будут иметь свою специфику, поскольку их предметом является земельный участок [6, с. 273].

По числу субъектов сделки могут быть:

- односторонние (например, завещание земельного участка)
- двухсторонние и многосторонние (в частности, договоры дарения, мены, купли-продажи, аренды земельных участков, безвозмездного пользования).

В зависимости от перехода права собственности на земельный участок, можно выделить сделки:

- связанные с переходом права собственности (например, купля-продажи, дарение)
- не связанные с переходом прав (договор аренды, субаренды, безвозмездного пользования).

В зависимости от наличия или отсутствия встречного имущественного предоставления, можно выделить возмездные и безвозмездные сделки. В основном в гражданском обороте преобладают возмездные сделки с земельными участками. Как справедливо отмечают в литературе: «безвозмездные сделки не характерны для имущественных отношений, причем получатель имущественных благ в этих случаях менее защищен гражданским законодательством». В качестве примера можно назвать принятие несоответствующих федеральному законодательству закона субъекта РФ, в результате чего лица, получившие земельные участки на льготных условиях, оставались без соответствующей правовой защиты [7, с. 6].

Следует обратить внимание на то, что до совершения сделок с земельным участком необходимо обязательно пройти государственный кадастровый учет, а также государственную регистрацию прав на земельный участок, если они не были осуществлены ранее. Заметим, что регистрации ранее учтенного земельного участка предотвратит проблемы и «выгодна» контрагенту сделки, поскольку ненадлежащее оформление прав на земельный участок его правообладателем может явиться камнем преткновения для оформления соответствующих прав.

Таким образом, сделка с земельным участком — это земельно-правовая сделка, представляющая собой действия физических и юридических лиц, цель которых должна быть направлена на правомерное установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в отношении земельного участка как предмета сделки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Алексеев, С.С.* Гражданское право: учеб. пособие для вузов / С.С. Алексеев, С.А. Степанов. М.: Проспект, 2020. 448 с.
2. *Лебедев, В.М.* О понятии сделки в ГК РФ / В.М. Лебедев // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 115—116.
3. *Гутников, О.В.* Недействительные сделки в гражданском праве: теория и практика оспаривания. М.: Бератор-Пресс, 2003. 489 с.
4. *Ерофеев, Б.В.* Земельное право России: учебник для СПО / Б.В. Ерофеев; под науч. ред. Л.Б. Братковской. 15-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 416 с.
5. *Кашанина, Т.В.* Частное право: учебник. 2013 [Электронный ресурс] 2013. URL.: СПС КонсультантПлюс. URL.: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW (дата обращения: 13.04.2023).
6. *Костина, О.В.* Сделки с земельными участками как форма оборота гражданских прав / О.В. Костина // Бизнес в законе. 2007. № 3. С. 272—274.
7. *Болтанова, Е.С.* Место законодательства субъектов Российской Федерации в системе земельного законодательства / Е.С. Болтанова // Юрист. 2016. № 10. С. 23—27.

References

1. *Alekseev, S.S.* Civil law: studies. handbook for universities / S.S. Alekseev, S.A. Stepanov. M.: Prospect, 2020. 448 s.
2. *Lebedev, V.M.* On the concept of a transaction in the Civil Code of the Russian Federation/ V.M. Lebedev // Bulletin of Tomsk State University. 2012. No.361. pp. 115—116.
3. *Gutnikov, O.V.* Invalid transactions in civil law: theory and practice of contesting. M.: Berator-Press, 2003. 489 p.
4. *Erofeev, B.V.* Land law of Russia: textbook for SPO / B.V. Erofeev; under the scientific editorship of L.B. Bratkovskaya. 15th ed., reprint. and additional. M.: Yurayt Publishing House, 2019. 416 p.
5. *Kashanina, T.V.* Private law: textbook. 2013 [Electronic resource] 2013. URL.: SPS ConsultantPlus. URL.: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW (accessed 13.04.2023).
6. *Kostina, O.V.* Transactions with land plots as a form of turnover of civil rights/ O.V. Kostina // Business in law. 2007. No.3. pp. 272—274.
7. *Boltanova, E.S.* The place of legislation of the subjects of the Russian Federation in the system of land legislation/ E.S. Boltanova // Lawyer. 2016. No. 10. pp. 23—27.

УДК 343.985
ББК 67.73

© Г.А. Алиева. 2023

О криминалистических признаках тяжких преступлений в свете цифровизации сферы жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации

Гюнай Аладдиновна Алиева,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: alieva.ga@rea.ru

Аннотация. В рамках настоящей статьи авторы предлагают читателям рассмотрение криминалистических аспектов, касающихся одной из сфер экономической деятельности нашего государства — сферу жилищно-коммунального хозяйства. За последние годы она претерпевает ряд изменений, которые, в свою очередь, не могут не отражаться при совершении преступных посягательств в ней. Отмечаются изменения, которые произошли в сфере жилищно-коммунального хозяйства в связи с цифровизацией. Авторы делают обзор способов совершения преступлений в указанной сфере, отмечают о возможных следах, которые преступники могут оставлять на месте совершения преступления и др. Кроме того, читателям предлагается ознакомиться с фабулами из материалов уголовных дел по данной группе преступлений, которые имеют свои специфические особенности, о которых описано авторами в других трудах

Ключевые слова: методика расследования; экономические преступления; криминалистическая тактика; жилищно-коммунальное хозяйство; цифровизация

Научная специальность: 5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Для цитирования: Г.А. Алиева. О криминалистических признаках тяжких преступлений в свете цифровизации сферы жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 9—13.

About forensic signs of serious crimes in the light of digitalization of the sphere of housing and communal services of the Russian Federation

Gyunay A. Aliyeva
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: alieva.ga@rea.ru

Abstract. Within the framework of this article, the authors offer readers an examination of forensic aspects related to one of the areas of economic activity of our state — the sphere of housing and communal services. In recent years, it has undergone a number of changes, which, in turn, cannot but be reflected in the commission of criminal attacks in it. The changes that have occurred in the field of housing and communal services in connection with digitalization are noted. The authors review the methods of committing crimes in this area, note the possible traces that criminals can leave at the crime scene, etc. In addition, readers are invited to familiarize themselves with the plots from the materials of criminal cases for this group of crimes, which have their own specific features, about described by the authors in other works

Key words: investigation methodology; economic crimes; forensic tactics; department of housing and utilities, digitalization

Количественные показатели преступности в сфере жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (далее по тексту — ЖКХ) вновь набирают обороты. Так, по статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2020 г. в сфере ЖКХ совершено 1 993; в 2021 г. — 2 154; только за два месяца 2022 г. (январь — февраль) совершено 536 преступлений [1]. Отметим, что анализ специальной литературы и практики внедрения цифровизации показывает, что в тех регионах Российской Федерации, где наблюдается низкий показатель уровня жизни общества (в большинстве своем это Северо-Кавказский федеральный округ), количество исследуемых преступлений гораздо выше, отсутствует должный контроль со стороны органов государственной власти и правоохранительных структур. Помимо денежных вложений, направляемых из множества источников в данную сферу экономической деятельности (оборот составляет примерно 4—6 трлн. руб. в год), наблюдаются новые способы совершения указанных правонарушений, включая тяжкие преступления, связанных с внедрением нового элемента управления человеческой деятельностью — цифры.

Рассматривая цифровизацию с позиций криминалистической науки, мы наблюдаем, что наряду с открытием современных возможностей для граждан нашей страны, создаются и новейшие криминальные угрозы, с которыми ранее правоприменители никогда не сталкивались. К таковым относятся совершение преступлений в исследуемой сфере путем использования информационных технологий, в том числе Интернет, электронные площадки, электронные деньги и пр. В свою очередь, отмеченные обстоятельства приносят в криминальный мир новые цифровые инструменты совершения преступления, методы и способы их совершения, цифровые следы. К примеру, передавая — получая денежные средства при совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 204, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ, мы наблюдаем, с одной стороны, стандартную схему, при которой имеются взяткодатель, взяткополучатель, посредник во взяточничестве. Однако, накладывая сложившуюся на сегодняшний день ситуа-

цию на составы указанных преступных деяний, можно констатировать, что элементы, входящие в криминалистическую характеристику данных преступлений, изменились. Так, следовая картина с бумажного носителя перешла больше на электронную среду, отпечатки, оставляемые взяткополучателями и взяткодателями, исчезли, т.к. наличные деньги постепенно уходят в прошлое, преступники стараются различными схемами получать безналичные расчеты и пр.

Рассматривая составы преступных деяний, предусматривающие ответственность за преступления в финансовой сфере (ст. 174—188 УК РФ), создание и деятельность в организованной преступной группировке (ст. 209—210 УК РФ), наблюдается существенно новые для криминалистической науки аспекты, которые появились благодаря внедрению цифровых технологий. Людям не нужно встречаться, находиться в одном помещении и планировать, обдумывать совместно те или иные схемы совершения задуманного. Так, создание преступного сообщества, дальнейшее руководство им, координация действий, разработка планов и создание условий для совершения преступлений в сфере ЖКХ, последующий раздел полученных денежных средств, осуществляется с использованием средств связи (мобильный телефон, планшет, компьютер). При этом не всегда в обязательном порядке они должны иметь доступ к Интернету. Современные реалии позволяют преступникам совершать тяжкие преступления так, чтобы посткриминальные следы в реальной жизни не оставались, т.е. преступники очно друг друга не видели, не встречались, общие знакомые отсутствуют и пр.

Рассматривая глубже проблему финансовых преступлений в сфере ЖКХ, отметим, что наблюдаются схемы совершения преступлений, благодаря которым следователи с трудом могут выявить организаторов преступного деяния. Данные факты связаны в первую очередь с тем, что цифровизация и использование искусственного интеллекта приводят к тому, что звонки, направление и получение ответов, запись — передача — обработка информации и прочее реализуется благодаря ботам, т.е.

автоматизированным программам, которые имеют определенные повторяющиеся задачи. Вторая проблема при выявлении указанных преступлений — это обнаружение конечных ресурсоснабжающей организации и организации (-ий), через которые управляющие компании, товарищества собственников жилья и пр. осуществляют поставку — передачу соответствующих ресурсов. Практика свидетельствует, что зачастую они находятся за пределами Российской Федерации. При раскрытии и расследовании преступлений данное обстоятельство играет существенную роль в точки зрения эффективности и сроков раскрытия преступления.

Целесообразно отметить, что в сфере ЖКХ цифровые следы могут оставаться не только у управляющих компаний, товариществ собственников жилья, иных ресурсоснабжающих организаций и компаний, а также у самих граждан, которые могут даже не подозревать, что в отношении последних совершается преступление. Так, не каждый проживающий в многоквартирном доме собственник ежедневно проверяет наличие либо отсутствие в личном кабинете на официальном портале информации о, например, записях использования «умного домофона», детали ежемесячных начислений в квитанциях на оплату за ЖКХ, оплату шлагбаумов и пр. Также не проверяются со стороны представителей власти проводимые работы по благоустройству придомовых территорий, уборок подъездов, строительство детских площадок и пр. Встречаются факты закупки определенных деталей за пониженную стоимость вместо запланированных, что в последующем сказывается на сроках эксплуатации, факты использования фирм-однодневок, которые после получения денежных средств не выполняют определенные в договоре работы и пр.

К примеру, каждый из нас оплачивает ежемесячные сборы за обращение с твердыми коммунальными отходами не зависимо от того, заключен ли договор с региональным оператором и непосредственным потребителем или нет. Затрагивая вопросы, связанные с утилизацией отходов в больших городах, отметим, что модернизация «умных городов» предусматрива-

ет следующее. Цифровизация процесса сортировки и переработки мусора предполагает, что будет происходить путем использования интеллектуальных информационных систем, которые собирают мусор, выкладывают его на конвейер, после чего весь мусор путем оптического сканирования измеряется и распознается по категориям. После данного процесса в порядке очереди рассортированный мусор направляется на переработку либо на утилизацию. Здесь не используется человеческий фактор, все делают современные технологии. Однако требуется учесть, что растет количество расстояния транспортировки данного мусора в связи с дефицитом земли в рамках городов; с учетом происходящих событий в Российской Федерации (война; рост цен; пандемия и пр.) не хватает рабочей силы для сортировки твердых бытовых отходов; внедрение отмеченных технологий требует от государства немалых затрат и постоянного контроля (что сказывается на росте цен на оплату услуг по содержанию ЖКХ), но в связи с отсутствием интереса (материальной выгоды) это не делается. Таким образом, реализуя идею создания «умного города», государство выделяет немалые суммы денег для ее воплощения в реальность, но практика показывает на сколько медленно все происходит либо процесс замораживается в связи с тем, что выделяемые денежные средства не доходят до целевого субъекта. На отмеченной структуре наблюдаются множественные хищения денежных средств в разных уровнях государственного управления, преобладают мошеннические схемы, взяточничество, иные тяжкие преступления.

Ярким примером из следственной практики является возбужденное следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Ивановской области уголовное дело в отношении бывшего главы города Иванова, подозреваемого в получении взятки порядка 13 млн. руб., который обязался помочь предпринимателю в решении вопроса о переводе в аренду 37 земельных участков для оборудования «умных остановок» общественного транспорта [2].

Автор настоящей статьи примечательным считает высказывание профессора В.Н. Караго-

дина, отмечающего появление революционных идей относительно того, что арсенал криминалистических приемов и методов, которыми мы обладаем сегодня, являются непригодными с приходом цифровизации, неспособными выявлять следы в электронном пространстве [3]. Накладывая данную позицию на преступления в сфере ЖКХ, мы отмечаем, что запас криминалистических средств у следователя действительно не достаточен для выявления, раскрытия и расследования преступлений в обозначенной отрасли экономической деятельности.

Объективная реальность позволяет констатировать, что исследуемый процесс, внедряясь в ЖКХ, способствует избыточному регуляторному давлению, возрастанию конкуренции, стремительному развитию технологий, усложнению рыночных условий. Наряду с этим, предполагаемое уменьшение случаев хищения не наблюдается. Схема, в соответствии с которой ЖКХ должна представлять из себя прозрачную отрасль деятельности, где цифровизация и «умные счетчики» не позволят управляющим компаниям воровать у граждан многоквартирных домов денежные средства, выставлять не соответствующие использованным ресурсам квитанции на оплату и пр., не срабатывает. Наоборот, мы наблюдаем рост числа коррупционных преступлений.

Вместе с тем, сокращение и переучивание имеющегося персонала также не реализуется, не смотря на то, что из государственного бюджета выделяются крупные денежные средства. У мигрантов продолжают списывать заработную плату, фальсифицируя за последних подписи в бухгалтерских документах; используются инсценированные работы для списания денежных средств и пр. Так, за счет использования средств цифровизации государство пытается снизить трудовые и временные затраты граждан, работающих в производственных блоках с заявками по благоустройству, по техническому обслуживанию сетей и др. Т.е. бригады, используя компьютерные программы, направляют соответствующие задания подчиненным; диспетчеры выбирают имеющийся транспорт, который не задействован при вы-

полнении работ. При выполнении любых работ сотрудники обязаны выкладывать фото, видео отчеты. В период, когда в Российской Федерации был введен режим карантина в 2020 году, а также в последующем 2021 г. в период борьбы с пандемией, все наблюдали, как сотрудники ЖКХ «дезинфицируют» детские площадки, придомовые территории и пр. Под видом работы, один из сотрудников в камуфляже, обрабатывал химическим средством поверхность и протирал их, второй работник, находясь в обычной штатной одежде, шел за первым и фотографировал его на телефон для предоставления отчета.

Таким образом, цифровизация сферы ЖКХ двояко отражается на жизни нашего общества. С одной стороны, удобство, быстрота, эффективность и рациональность, экономия начинает давать положительные результаты, а с другой — наблюдаются проблемы как экономического, административного, организационного и иного характера. Криминалистические признаки давно изученных составов преступлений в связи с процессом цифровизации совершенствуются, становится проблематично их распознавать, меняются иные элементы криминалистической характеристики преступлений. Все это позволяет нам констатировать необходимость криминалистической науки в дальнейшем изучении и обобщении информации о влиянии современных технологий на механизм преступления.

Список источников

1. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения 04.05.2022).
2. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://sledcom.ru/news/item/1128051/1128051/> (дата обращения 11.05.2022).
3. Карагодин В.Н. Цифровизация и наука «криминалистика». // Криминалистика, оперативно-розыскная деятельность, № 3, 2021.

[Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-nauka-kriminalistika/viewer> (дата обращения 20.06.2022).

Библиографический список

1. *Воеводкин Н.Ю., Десятирикова Е.А.* Особенности функционирования сферы жилищно-коммунального хозяйства в условиях цифровизации // Экономика и бизнес: теория и практика, 2019. № 3-1. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-sfery-zhilischno-kommunalnogo-hozyaystva-v-usloviyah-tsifrovizatsii/viewer>;

2. *Попов Е.В., Семячков К.А., Симонова В.Л.* Оценка влияния информационно коммуникационных технологий на инновационную активность регионов // Финансы и кредит. № 46 (2016). С. 46—60.

References

1. Monthly collection on the state of crime in Russia. Portal of early statistics of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. URL of the electronic resource: <http://crimestat.ru/analytics> (accessed 05/04/2022).

2. Official site of the Investigative Committee of the Russian Federation. [Electronic resource] URL: <http://sledcom.ru/news/item/1128051/1128051/> (accessed 05/11/2022).

3. *Karagodin V.N.* Digitalization and the science of «forensic science». // Criminalistics, operational-search activity, No. 3, 2021. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-nauka-kriminalistika/viewer> (accessed 20.06.2022).

Bibliographic list

1. *Voevodkin N. Yu., Devyatirikova E.A.* Features of the functioning of the sphere of housing and communal services in the context of digitalization // Economics and business: theory and practice, 2019. No. 3-1. Electronic resource. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-sfery-zhilischno-kommunalnogo-hozyaystva-v-usloviyah-tsifrovizatsii/viewer>;

2. *Popov E.V., Semyachkov K.A., Simonova V.L.* Assessment of the impact of information and communication technologies on the innovation activity of regions // Finance and credit. No. 46 (2016). S. 46—60.

История допроса

Лев Владимирович Бертовский,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: bgl1980@yandex.ru

Анатолий Михайлович Кустов,
Академия управления МВД России, Москва, Россия

E-mail: amkustov@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена истории возникновения, становления и развития такого следственного действия как допрос. Выделены четыре исторических этапа развития в зависимости от степени процессуальной регламентации, а также количества и качества тактических рекомендации. Рассмотрены особенности допроса для каждого исторического периода

Ключевые слова: история, преступление, право, уголовный процесс, следственное действие, вербальная информация, допрос, верификации показаний, пытка, судебное разбирательство, послух, видок, ордалии

Научная специальность: 5.1.4 — уголовное право

Для цитирования: Л.В. Бертовский, А. М Кустов. История допроса // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 14—29.

Interrogation history

Lev Vladimirovich Bertovsky,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: bgl1980@yandex.ru

Anatoly Mikhailovich Kustov,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: amkustov@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the history of the emergence, formation and development of such an investigative action as interrogation. Four historical stages of development are identified, depending on the degree of procedural regulation, as well as the quantity and quality of tactical recommendations. The features of interrogation for each historical period are considered

Key words: history, crime, law, criminal process, investigative action, verbal information, interrogation, verification of testimony, torture, trial by ear, vidoc, ordeal

Получение вербальной информации при расследовании преступлений человечество интересовало с древних времен. Потребность в этой информации возникла вместе с возникновением правовых запретов

на совершение криминализованных деяний (убийства, кражи и т.д.). С развитием системы законодательства и накопление эмпирического материала получение такой информации становилось все более эффективным. Нужно от-

метить, что развитие человечества напрямую связано с развитием технологий. Каждый технологический прорыв, а считается, что сейчас человечество стоит на пороге четвертой промышленной революции, приводил к глубочайшим изменениям в обществе. Безусловно это отразилось и на таком регуляторе общественных отношений, которым является право. Выделяют четыре этапа развития права: архаичный (до XI — XII в.в.), сословный (XI — XVII вв.), государственный (XVII — конец XX в.в.) и нынешний, высокотехнологичный (XX — по настоящее время). Поэтому вполне обоснованно, что по уровню процессуальной закреплённости, качества и количества тактических рекомендации (связанных с уровнем развития различных наук), можно выделить четыре исторических этапа развития допроса.

Первый этап — зарождение допроса (XX в. до н.э. — XI в. н.э.). Зарождение допроса как способа установления истины характеризуется отсутствием тактики и определенного, процессуально закреплённого порядка его проведения. Законодателей того времени более всего интересовали вопросы, связанные с количеством свидетельствуемых и их статусом, который определял возможность участия в судебном разбирательстве. Особое внимание уделялось верификации показаний, которая в большинстве случаев осуществлялась путем пыток, испытаний или клятв.

В первобытном обществе, когда людям были неведомы такие понятия, как «право», «закон», «процесс», «суд», в качестве регуляторов общественных отношений использовались обычаи, а их выполнение гарантировалось авторитетом старейшины рода (племени). Его власть, как правило, строилась на уважении к нему сородичей и соплеменников, но каждая личность пользовалась полной свободой выйти из подчинения общине, обособиться. При разборе конфликтов старейшина рода прибегал к помощи посторонних лиц, которые могли засвидетельствовать воспроизводимые участниками спора события или факты. Видимо, с тех времен дошло до наших дней первое, содержащееся в словарях, значение слова «свидетель» — человек, присутствующий лично при каком-либо событии, происшествии,

очевидец [1, с. 1159]. «Мы видим, — отмечал В.И. Ленин, — государство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода, видим, что эта власть признавалась иногда за женщинами..., — но нигде не видим особого разряда людей, которые выделяются, чтобы управлять другими...» [2, с. 437]. При разборе конфликтов старейшина рода прибегал к помощи посторонних лиц, которые могли засвидетельствовать воспроизводимые участниками спора события или факты. На протяжении всей истории первобытного общества, от первоначальных этапов до его распада, у разных народов внутри родовых общин существовали разнообразные формы управления, при которых все возникающие споры разрешались самими заинтересованными людьми при участии старейшины (вождя, сахема) [3, с. 33—34].

Одним из первых более-менее структурированных норм, регламентирующих получения вербальной информации, содержится в дошедшем до нас законнике Хаммурапи (правил Вавилоном в XVIII в. до н.э.), где уже в самом начале, в 3 параграфе, устанавливается ответственность за дачу ложных показаний: «Если человек выступит в судебном деле для свидетельствования о преступлении и не докажет сказанных им слов, то, если это судебное дело о жизни, этого человека должно убить» [4]. Наказание заслуживает и свидетель, солгавший «в судебном деле о хлебе или серебре». Еще ряд норм рассматриваемого нормативно-правового акта (параграфы 9—11, 13) устанавливает обязательное участие свидетелей при рассмотрении дел о кражах и скупке краденого.

В законах Древней Индии, названных именем мифического прародителя людей Ману (Манавадхармашастра), составленных как указывает индийский историк и юрист К.П. Джаясвала в 150—120 годы до н. э. [5], положение свидетеля в судебном разбирательстве выглядит достаточно своеобразно. Так в п. 138 гл. IV, к свидетелю предъявляется требование о том, что «Надо говорить правду, говорить приятное, не следует говорить неприятную правду, не следует говорить приятную ложь —

такова вечная дхарма». При этом в п.255 указывается на то, что «кто говорит добродетельным людям о себе противное истине, тот в этом мире самый крайний злодей» и продолжая осуждать лжецов в п. 256 говорится о том, что «Все вещи определяются словом, имеют основанием слово, произошли от слова; кто же нечестен в речи, тот нечестен во всем».

Ну и конечно устанавливались требования к качествам допрашиваемых кого можно допускать или не допускать к свидетельствованию: «в судебных делах должны допускаться и выбираться свидетели из людей, достойных доверия, знающих свои обязанности, чуждых жадности, некорыстолюбивых, а других не допускать ... главы семейства, люди, имеющие детей мужского пола, жители той же местности, принадлежат ли они к классу воинов, купцов или рабов, могут быть допускаемы к свидетельству, а не первые попавшиеся, за исключением случаев необходимости».

Пусть дают свидетельские показания относительно женщин — женщины, относительно дважды рожденных — такие же дважды рожденные и т.д.».

- «не должны допускаться к свидетельству;
- ни заинтересованные в иске, ни родственники, ни соучастники, ни враги, ни ранее избалованные, ни пораженные болезнями, ни опороченные;
- ни лица, находящиеся под влиянием денежного интереса;
- ни больные люди, способные на преступление;
- ни друзья, ни люди заведомо недобросовестные.

Нельзя «позвать в суд свидетелем ни короля, ни рабочего низшего класса, ни ученика, ни аскета, отрешенного от всех мирских отношений, ни человека в скорби, ни пьяного, ни сумасшедшего, ни человека в гневе, ни вора, ни голодного, ни жаждущего, ни влюбленного, ни старика, ни ребенка, ни занимающегося запрещенным делом, ни человека, имеющего жестокое ремесло, ни человека, вполне зависящего».

В комментарии к законам «Ману» обращается внимание судьи на необходимость подмечать такие признаки поведения свидетелей, по которым можно сделать вывод («подозревать») о лжесвидетельстве «лживости жалобы или свидетельства»: «переступают с одного места на другое, облизывают языком углы рта, лица которых покрываются потом и меняются в цвете, отвечают медленно, голосом дрожащим и обрывающимся, шевелят губами и не отвечают ни голосом, ни взглядом и непроизвольно проявляют подобные изменения в деятельности духа, тела и голоса [6].

Другой индийский источник — «Нарада-смрити» предъявляя похожие требования к свидетелям, признавал лживыми тех, «Кто, угнетенный сознанием своей виновности, смотрит как бы больным, постоянно переходит с места на место и бежит за каждым; кто кашляет без всякой причины, вздыхает, двигает ногами, как будто ими пишет, машет руками; кто меняется в лице; чье лицо потеет, а губы сохнут; кто смотрит вверх и по сторонам, кто много болтает без удержу, как человек в спехе, отвечает без спросу. Однако все эти лица, а также рабы и тому подобные люди, тем не менее, должны быть допускаемы к свидетельству, причем их показания должны быть надлежащим образом оцениваемы». Таким образом, это одно из первых требований к оценке доказательств.

Однако сама оценка доказательств осуществлялась в достаточно специфичном формате. Нормы древнеиндийских законов, созданных на основе законов Ману «Дхармашастра Яджнавалкьи» для «очищения» обвиняемого предусматривал ордалии — испытания весами, огнем, водой, ядом или священной водой. Они применялись судом в процессе допроса.

Хотя применялись для оценки и такие способы, которые дошли и до наших времен. Так, другой древнеиндийский правовой источник — «Артхашастра» описывал рекомендации по производству допроса: «У взятого под подозрение надлежит выведать данные относительно орудий совершения преступлений, советчиков, сообщников похищения предмета

и посредников. Все это должно быть сопоставлено с фактическим местом действия, предметами и похищенным имуществом».

В этом историческом периоде значительный интерес вызывают нормы законодательства Древней Греции и Древнего Рима, «...потому что культура всех европейских народов тесно связана с их культурой, ряд правовых форм современности коренится в древнегреческих и древнеримских институтах; наконец, юридические формулы и афоризмы древности сохранились до наших дней» [7, с. 77].

Из истории Древней Греции нам известны такие широко известные исторические памятники как законы Драконта (около 621 г. до н.э.), реформы одного из «семи мудрецов» Солона (594 г. до н.э.), правовые нормы его ученика, а, по некоторым сведениям, и любовника Писистрата (560 г. до н.э.). Революция Клисфена (509 г. до н.э.) низвергла аристократию, а вместе с ней и остатки родового строя [8, с. 119—120]. Судебные инстанции в это время находились в состоянии переходного периода. С одной стороны, еще сохранялся старый вариант рассмотрения дел, как-то присяга или поединок. Но уже появляются судебные инстанции как органы государственной власти.

Главным уголовным судом Афин в тот период был гелия (суд присяжных), в котором гелиастами (судьями) были присяжные, избираемые населением страны. Законодатели того времени в который раз попытались создать суд, в котором будет отсутствовать коррупция.

Для исключения возможности психологического воздействия свидетелей на судей разбирательство дела происходило ночью, когда судьи не могли видеть выражения лиц выступающих, а только могли слышать их голоса.

Характерным для того времени подход заключался в том, что сверх доказательством считалось признание обвиняемого, которого было достаточно для вынесения решения. На ложные показания суд не реагировал¹. Также устанавливался перечень лиц, которые могут быть свидетелями. в гелиэе могли выступать только свободные люди-граждане или ино-

странцы². Показаниям гражданина предавался больший вес показаниям.

Следует отметить, что, несмотря на большое значение признание обвиняемого и полученных под пыткой показаний рабов, присяжные всегда заслушивали свидетелей, которым свои показания необходимо было изложить письменно, чтобы не извратить их смысла при толковании. По обычаю, каждый свидетель до своего появления в суде представлял актуариусу (по нынешним понятиям секретарю суда) краткое письменное изложение своих показаний. Свидетели могли давать и устные показания, которые обязательно заносились в протокол судебного заседания³. Свидетели, отсутствовавшие по уважительным причинам, присылали через доверенных письменные показания, подлинность которых удостоверялась другими свидетелями. Организация и осуществление судебного разбирательства в гелиэе строились на некоторых элементах современных принципов: плановости (день судебного заседания объявлялся заранее); гласности (судьи, стороны и свидетели выступали перед публикой, ораторы апеллировали к ней); разумной достаточности времени для разбирательства (для речей назначалось определенное время, одинаковое для обеих сторон, но водяные часы клепсидра — останавливались на время чтения законов, свидетельских показаний и других документов); равенства сторон (несмотря на то, что первым произносил речь обвинитель, равное время предоставлялось и защите, их одинаково внимательно выслушивали) [9, с. 10—15].

Законы XII таблиц (451—450 гг. до н.э.) в числе прочих правил поведения регламентировали судебное разбирательство в Древнем Риме, однако институт свидетеля здесь рассматривается крайне скудно. Так, определяя количество необходимых свидетелей в таблице VI указывается «...если кто заключает сделку самозаклада⁴ или отчуждения вещи в присутствии пяти свидетелей и весовщика, то пусть слова, которые пробросятся при этом, почитаются ненарушаемыми». А в таблице II определяется порядок вызова свидетеля, не явивше-

гося в суд: «Пусть [тяжущийся], которому недостает свидетельских показаний, идет к воротам дома [не явившегося на разбирательство свидетеля] и в течение трех дней во всеуслышание вызывает [к нему]». В таблице VIII, в которой устанавливалась смертная казнь за целый ряд правонарушений, требовалось, чтобы «уличенный в лжесвидетельстве сбрасывался с Тарпейской скалы» [10, с. 62—72]⁵.

Дальнейшее развитие римского уголовного судопроизводства связано с созданием специальных судов, восьми постоянных комиссии (*quaestio perpetuae*), каждая из которых рассматривала дела в соответствии со своей подсудностью. Большое число комиссии создано по законам Корнелия Суллы, диктатора в 81—79 гг. до н. э.

В соответствии с этими законами устанавливалось, что «показания одного — не свидетельство» при этом нужное количество свидетелей оставалось на усмотрения комиссии. Рассматривая дела о государственных преступлениях в качестве свидетелей привлекались и женщины, и даже рабы, которые давали показания под пыткой; если они свидетельствовали против своего господина, то после суда становились свободными. Но использование пыток для получения информации все больше и больше завладевало умами римских законодателей и при Августе (23 сентября 63 г. до н.э. — 19 августа 14 г. н.э.) впервые был подвергнут пытке при даче показаний римский гражданин.

В некоторых актах более динамично развивающегося Востока можно уже найти некоторые первоначальные разрозненные рекомендации по производству допросов и порядку их процессуального закрепления. Так, из древнекитайского Циньского руководства по расследованию уголовных преступлений (документ относится к 3 в. до н.э.) рекомендует судьям: «Во время допроса необходимо прежде всего внимательно выслушать показания и записать их, предоставив допрашиваемому излагать суть дела как можно более подробно. Даже если становится ясным, что дающий показания лжёт, не следует сразу же уличать его.

Только после того, как показания полностью записаны и в них обнаруживаются противоречия, следует уличить допрашиваемого. После этого вновь выслушивают и записывают объяснения и снова уличают его в том, что составляет противоречие в показаниях. Если допрашиваемый был полностью уличен и неоднократно давал ложные показания, но тем не менее отказывается признать себя виновным, к нему в соответствии с законом следует применить меры физического воздействия. В этом случае в деле делается запись: «Постольку имярек неоднократно менял показания и противоречил самому себе, его допросили с применением палок».

Второй этап (XI — XVII в.в.) развития допроса связан с начальной процессуальной регламентацией в нормативно-правовых актах и попыток сформулировать тактические рекомендации, основанные в основном на практическом опыте (т.е. придавалось особое значение определенным выражениям лица, жестам и другим внешним проявлениям чувств. Их описание обстоятельно вносилось в протокол допроса и им придавалось доказательственное значение), без использования данных других наук (да к тому времени они еще и не получили те данные, которые можно было использовать в практических целях при организации допросов).

Во время судебного разбирательства стороны представляли доказательства. Приговор выносился на основании полученных показаний. Самым весомым доказательством считалось признание подсудимого.

Свидетели, которых требуется не менее двух, подразделялись на тех, кто видел и тех, кто слышал от других или высказывает лишь свое мнение. Свидетельским показаниям придавалось важное доказательственное значение.

Основным средством получения информации становится пытка.

В зарубежных странах допрос приобретает строгую правовую регламентацию. Пыточный метод получения вербальной информации определяется различными правовыми нормами.

Пытать можно не всех свидетелей или подозреваемых, а только в определенных случаях.

Пытка применялась в отношении лиц, заподозренных в совершении преступления, либо в отношении тех, о ком была плохая молва. Пытка была основным средством получения от обвиняемого показаний. Так, во французском «Ордонансе о суде и охране порядка в королевстве. 1498 Года (изданный в Блуа в марте 1498 года после собрания нотаблей) пытка признается естественным способом получения доказательств.

В ст. 113 Ордонанса описывается ее процедура, т.е. «При производстве допроса с пристрастием или пытки присутствует названный секретарь, который заносит в протокол имена сержантов и других присутствующих, формы и способы указанного допроса, количество воды, данной названному заключенному, сколько раз повторялась пытка, если такое повторение имело место, вопросы и ответы, а также об упорстве заключенного, о подтверждении им (своих показаний) или об их изменении; а на другой день после указанного допроса названный заключенный допрашивается вторично не в том месте, где он подвергался пытке, чтобы убедиться насколько он упорствует в своих показаниях, и все это должно быть записано названным секретарем (в протокол).

И в другие нормативные акты того времени прослеживается тенденция к дальнейшей регламентации допроса и применяемых при этом приемов. В соответствии со ст. XXV Уголовно-судебного уложение Карла V «Каролина» (1498 г.) пытка допускается при наличии восьми оснований (подозреваемый, по слухам, (является) таким отчаянным и легкомысленным человеком с дурной славой; подозреваемый обнаружен или застигнут в месте, опасном и подозрительном касательно преступления; виновного видели на месте преступления или на пути туда или оттуда и т.д.).

В ст. XX Закона говорится о том, что «никто не должен подвергаться допросу доколе не будут получены улики и не будет доказано то преступление, допрос о котором желают произвести. ...Если же судьи нарушат сие, то они должны и повинны будут учинить надлежащее возмещение за бесчестие, страдания, судебные

издержки тому, кто вопреки праву, без предъявления доказательств, был подвергнут пытке».

Судье рекомендовалось прибегать к неясным или даже «ловушечным» вопросам. Обвиняемому нельзя было сообщать об обстоятельствах, ставших известными следователю. Так, в ст. 6 и 55 прямо указывалось, что «расследование может быть испорчено, если арестованному при задержании или допросе будут заранее указаны обстоятельства преступления, а затем станут о них допрашивать».

Для избличения обвиняемого по данному Закону могли проводиться очные ставки со свидетелями и предъявляться предметы, являющиеся вещественными доказательствами.

В соответствии с Законом в ходе допроса к обвиняемому могли применяться религиозные увещевания или разрешалась угроза применением пытки

В этом же Законе дается указание на то, что «если будет установлено преступление, караемое смертной казнью, или будут обнаружены прямые доказательства этого, то должно учинить допрос под пыткой в целях полного осведомления, потребного для открытия истины, а также для подтверждения ее признанием виновника ...».

Показания, данные под пыткой, протоколизировались и приобщались к делу. За увечье, причиненное рабу в процессе пытки, вознаграждение выплачивалось его хозяину за счет того, кто проиграл процесс [11].

В Большом уголовном ордонансе Людовика XIY (1670 г.) допрос уже получает более четкую регламентацию: задержанные должны были быть допрошены в течение 24 часов; допрос должен производиться лично судьей; обвиняемых надо допрашивать порознь и перед допросом они должны принести присягу; на заданный судьей вопрос обвиняемый должен был отвечать немедленно; допрос мог быть возобновлен всякий раз, когда это требовалось в интересах дела; протокол допроса прочитывался обвиняемым и им удостоверялся.

Этот Ордонанс подробно регламентировал порядок проведения допроса и очной ставки, которая признавалась особым видом допроса

подозреваемого или обвиняемого. Если против обвиняемого было собрано недостаточно улик или он не признавал себя виновным, несмотря на неоспоримые доказательства, его подвергали пытке.

В процессе допроса обвиняемому могли быть предъявлены предметы, являющиеся доказательствами по делу.

Расширяется и круг лиц, которые могут быть подвергнуты допросу. Теперь не допускаются лишь дети до 14 лет, безумные, глухонемые и «бесчестные» люди. Не могли также быть полноценными свидетелями женщины, слуги, ближайшие родственники обвиняемого и соучастники преступления.

Изменение показаний в суде, как правило, рассматривалось как лжесвидетельство и влекло наказание.

Нельзя обойти вниманием многочисленные в то время церковные суды.⁶ В 1215 году папой Иннокентием III был создан особый церковный суд католической церкви под названием «Инквизиция». Затем инквизиционные суды создавались по всей Европе. Их основной задачей являлось «обнаружение, наказание и предотвращение ересей».

Нужно особо выделить работу доминиканского инквизитора Генриха Крамера (латинизированный вариант имени — Генрикус Инститор) «Молот ведьм» (1486—1487 гг.), которая описывала не только методы распознавания ведьминских и сатанинских выходов, но и указывала каким образом проводить допросы и какие методы приводят к эффективным признаниям. Благодаря тому, что выход книги совпал с началом практики массовой печати Иоганном Гутенбергом, она получила широкое распространение и выдержала 12 переизданий.

Согласно этой работе к свидетельству привлекались практически любые люди, независимо от их социального статуса. «Позорное пятно ереси столь велико, что для разбора этого преступления допускаются также крепостные для свидетельства против своих господ, а также всяческие преступники и люди, лишённые прав». Также имеются достаточно четкие

рекомендации о тех вопросах, которые стоит задать обвиняемой, о порядке проведения пыток. Допрос во время пыток должен фиксироваться нотариусом.

Некоторые рекомендации Генриха Крамера актуальны и в наши дни при допросе обвиняемых: «Когда ведьма начинает признаваться, то судья ни в коем случае не должен прерывать ее показания. Даже если она стала признаваться ночью, то он должен продолжать снятие допроса. Если это случилось днем, то пусть он не заботится о том, что придется позднее позавтракать или пообедать. Надо дослушать ее до конца в один прием, хотя бы и в общих чертах. Иначе она вернется к записке и не откроет правды» [12].

Но в просвещённой Европе все чаще и чаще стали высказываться мнения о необходимости запрета пыток.

Чезаре Беккариа, итальянский юрист, опубликовал в 1764 году «Очерк преступлений и наказаний», в котором утверждал, что пытки несправедливо наказывают невиновных и не должны использоваться для доказательства вины [13].

Вольтер (1694—1778) также яростно осуждал пытки в некоторых своих эссе.

В Англии суд присяжных предоставил значительную свободу в оценке доказательств и осуждении на основании косвенных доказательств, что сделало ненужными пытки для получения признательных показаний. По этой причине в Англии никогда не существовало упорядоченной системы судебных пыток и их использование ограничивалось политическими делами.

Находясь в Египте, в 1798 году Наполеон Бонапарт писал генерал-майору Бертье относительно действительности пыток как инструмента допроса: «Варварский обычай избивать людей, подозреваемых в том, что у них есть важные тайны, должен быть отменен. Всегда признавалось, что этот способ допроса мужчин, подвергая их пыткам, ничего не стоит. Бедные негодяи говорят что-то, что приходит им в голову, и то, что они думают, что следователь хочет знать...

Следовательно, главнокомандующий запрещает использование методов, противоречащих разуму и человечности» [14].

В 1638 г. Англия первой из европейских стран отменила пытки, столетиями служившие обычным средством дознания в ходе следствия по уголовным и другим делам.

За ней последовали и остальные европейские страны.

В России, так же, как и на Западе, для выбивания показаний применялись пытки самых разных видов.

Когда дело касалось события, которое было общеизвестно, которое случилось перед глазами самого суда, всего мира, то, вероятно, никаких доказательств и не требовалось. Тут была очевидность, исключавшая возможность всякого опровержения. Точно такое же убеждение производили, кажется, некоторые вещественные доказательства преступления, например, раны, знамена (статья Русской правды о муже крове). Найденное у кого-нибудь поличное рождало такое подозрение в татьбе в отношении к лицу, у которого это поличное было опознано, что оно не иначе могло очистить себя, как сводом, т.е. указанием на того, от кого оно его получило.

Свод стоит в отыскании истцом надлежащего ответчика посредством заключи (объявление). В ст. 34—36 Русской правды (пространная редакция) устанавливалось, что: «34. Если у кого пропадет конь, оружие или одежда и он объявит о том на торгу, а после опознает пропажу в своем городе, то взять ему свое наличием, а за ущерб платить ему 3 гривны.

35. Если кто познает свое, что у него пропало или было украдено, или конь, или одежда, или скотина, то не говори тому <у кого пропажа обнаружена>: «Это мое», но поиди на свод, где он взял, пусть сойдутся <участники сделки и выяснят>, кто виноват, на того и падет обвинение в краже; тогда истец возьмет свое, а что пропало вместе с этим, то ему виновный выплатит; если будет конокрад, то выдать его князю на изгнание; если вор, обокравший клеть, то ему платить 3 гривны.

36. О своде. Если будет <свод> в одном городе, то идти истцу до конца этого свода; если будет свод по <разным> землям, то идти ему до третьего свода; а в отношении наличной <краденной> вещи, то третьему <ответчику> деньгами платить за наличную вещь, а с наличной вещью идти до конца свода, а истец пусть ждет остального <из пропавшего>, а где обнаружат последнего <по своду>, то тому платить за все и штраф князю.» [15].

В большей части случаев достоверность вины и решение дела обуславливались собственным признанием обвиняемого. Если добровольное признание не последовало, тогда надобно было прибегнуть к другим лицам, к послухам — свидетелям.

В то время преследование преступника было делом совершенно частное и суд к личности свидетелей не питал никакого доверия. Являясь по ссылке сторон, они считались участниками дела, людьми, принадлежащими к одной из двух борющихся партий, состоящими с одною из сторон в стачке, в заговоре. Сила их показаний зависела от сторон, против которых они были представляемы. При ссылке одной стороны на известные доказательства, например, на послухов, судья обыкновенно спрашивал другую сторону, шлется ли она на этих же послухов, т.е. допускает ли их к свидетельству.

Наконец, и по допущении послухов к свидетельству от сторон зависело согласиться с их показаниями или опровергать эти показания. Это согласие могло быть дано до вызова свидетеля, т.е. , ссылаясь на свидетеля, сторона могла прямо поставить исход дела в зависимость от показания этого свидетеля, обещать, что она подчинится тому, что окажется из слов свидетеля. Это называлось ссылкой с виноватого. Если обе стороны ссылались на одного и того же свидетеля, то это называлось общею ссылкой. В обоих этих случаях показания свидетелей приобретают безусловную силу, но только потому, что стороны наперед отказались оспаривать их. Во всех остальных случаях сторона, даже и допустив послуха к свидетельству, могла уничтожить силу его показания, прибегая к средству последнему,

крайнему, которое собственно судебным доказательством названо быть не может, а есть не что иное, как особенная форма суда — к суду Божию, поединку, полю. Большая часть исков приходила к этому исходу; большая часть споровщиков досуждалась до поля.

Свидетельские показания, называемые сказкой, были основным источником доказательств.

В литературе существует двойной подход к понятию «послух» и «видок». По первому, видок есть очевидец совершившегося факта; послух — человек, свидетельствующий по слуху. По второму, видок и послух означают две процессуальные роли, совершенно различные друг от друга. Видок есть простой свидетель в нашем смысле слова, а послух — пособник, на которого «послался» истец и ответчик.

Лучшим указанием на различие послухов от свидетелей в нашем смысле слова есть то, что закон прямо требует определенного числа в зависимости от квалификации исследуемого деяния: для дел о личных оскорблениях требуется по два с каждой стороны). Вероятно, столько же требовалось при исках о татьбе (и всех равных тому); это можно видеть из того, что при своде последний владелец вещи обязан выставить двух послухов («моужа») или сборщика торговых пошлин; в том, что он купил вещь, а не украл ее (ст. 37 Русской правды) [15]. Число два принято было и в договорах русских с немцами (по двое с каждой стороны: Дог. 1229 г., ст. 13).

При исках об убийстве обвинитель должен выставить 7 послухов чтобы они отвели обвинение; если же «обвиняемый» варяг или какой иной «иноземец», то выставить двух свидетелей (ст. 17 Русской правды).

Все эти разнообразны постановления упрощаются в эпоху Псковской и Новгородской грамот, когда во всяких делах, требующих послушества, выступает только один послух. Послух должен быть всегда один (Новг. судн. гр., 22; Пск. судн. гр., 27); свидетелей же, напротив, может быть несколько в том же самом деле, в котором именно требуется присутствие лишь одного послуха (Пск. судн. гр. 27, 55).

Послух должен быть свободный человек — «муж»; отсюда послушествовать и «мужевать» были синонимами (Рус. Пр., Кар. 99, ср. 77; Новг. судн. гр. 22). Но из этого допускалось прямое исключение: а) холопы высшего рода, именно дворские тиуны боярские (которые сами ведали суд в боярских вотчинах) и люди полусвободные — закупы — могут, по требованию необходимости (т.е. за недостатком послухов-мужей), быть признаны к послушеству (Кар. 77). Второе исключение состоит в том, что холоп всякого рода может быть допущен к послушеству в несобственном смысле, т.е. по словам холопа может быть начат процесс, но не окончен его показаниями; в самом процессе холоп не играет роли послуха, не принимает присяги (Кар. 99). Наконец, в Новг. судн. гр. постановляется, что «холоп на холопа послух» (Новг. судн. гр. 22), т.е. в исках против холопа послухом может быть выставлен холоп же.

Второе качество, требуемое от послуха, есть то, что он должен быть гражданин государства, а не иноземец (Новг. судн. гр., 22). Из этого начала делается необходимое исключение в исках граждан с иноземцами.

Наконец, из понятий о послухе, как муже, следует, что послухом не могла быть женщина.

Послух а) должен стать на суде: неявка его к суду ведет за собой потерю иска для стороны, его выставившей. (Пск. судн. гр., 22).

б) Должен был подтвердить словесно все, что говорила сторона, выставившая его. Тождество показаний должно быть буквальное: «...слово противу слова» (Рус. Пр., Кар. 24). Если он не договорит или переговорит, то его послушество теряет всякое значение. (Пск. судн. гр., 22). Формализм такого требования изъясняется значением показания послуха, как высшего (безусловного) доказательства на суде, и в свою очередь указывает на то, что послух вовсе не есть свидетель в нашем смысле слова [16].

Судебник 1550 г. положил конец «послушеству» и потребовал от свидетелей: «не видел не послушествовать, а видевши сказать правду».

Теперь для дел собственно уголовных, или так называемых губных, в которых государство считало себя непосредственно заинтересованным, возникла система судопроизводства чисто инквизиционная, которая в противоположность с прежним чисто обвинительным судом носит название розыска, сыска. Но как отыскать лихих людей? Как их обнаружить? Верховная власть для достижения этой цели прибегла к двум специфическим средствам получения вербальной информации: к повальному обыску и к пытке.

Повальный обыск — это тоже свидетельство, то же получение вербальной информации, но свидетельство целой общины. Его мы встречаем в средневековой Германии. Оно является и в Англии под названием *jurata*. Из него в этой стране и выросло знаменитое учреждение присяжных.

Повальный обыск есть повинность, которую государство в видах благоустройства возложило на общины: выдавать государству на казнь всех ведомых лихих людей, злодеев. Повальный обыск существенно отличается и от старинного послушества, и от уголовного свидетельства под присягою; он был переходною ступенью от одного к другому.

Община, где жил подсудимый, его соседи, люди одного с ним сословия, могли знать об его характере, об образе его действий, о роде его занятий, о его поступках, получивших огласку, хороших или худых, хотя бы никто из них не был лично очевидцем этих поступков. Государство только и добивалось от них удостоверения, добрый ли человек обвиняемый или лихой. Против возможных ошибок оно старалось заручиться многочисленностью привлекаемых к обыску людей и страшными наказаниями, постигавшими их за утайку истины. Обыск шел на все четыре стороны версты по две, и по три, и по шести, и больше; допрашивалось сряду, а где по выбору, человек двадцать, пятьдесят, сто; запрещалось принимать показания от семей и заговоров, а за солгание или утайку ведомых лихих людей пятый или шестой из обыскных подвергались сечению кнутом.

Однако осуждать только по одной догадке, по плохому поведению даже в те времена представлялось несправедливым. До полной достоверности не доставало собственного признания обвиняемого; надлежало добыть это признание во что бы то ни стало. И тогда очевидное решение-пытка!

Судья вел допрос; содержание допроса фиксировал в протоколе секретарь (подьячий); палач, растянув пытаемого на дыбы, по указанию судьи бил его кнутом и т.д.

«Пыточные речи», т.е. показания допрашиваемого, в протокол заносил подьячий. Допускалось пытать не более трех раз, а если при этом менялись показания, то пытать можно было еще три раза.

Задержав кого-то с поличным судья осуществлял повальный обыск, если задержанного негативно характеризовали его подвергали пытке и в случае признании своей вины казнили, нет помещали в тюрьму пожизненно.

Если в процессе пытки обвиняемый давал показания на других соучастников, проводили очную ставку (с очей на очи), делали повальный обыск в отношении оговоренных и их также пытали.

Со временем процедура изменилась: губный староста или воевода, созвав уездных жителей, допрашивал, кто у них лихие люди, и если они указывали на кого-нибудь, даже не обвиняя его в известном преступлении, его брали тотчас и подвергали пытке [17, с. 88].

Однако этот порядок вскоре стал исполняться недобросовестно, обыскные стали злоупотреблять своим служебным положением и брать взятки.

Как писал сторонник военных и экономических преобразований Петра I, Иван Тихонович Посошков в своем знаменитом социально-экономическом трактате «Книга о скудости и богатстве, сие есть изъявление от чего приключается скудость, и от чего гобзовитое богатство умножается»: «А что в проклятых повальных обысках, то сам сатана сидит, а божия правды ни следа нет. Всех свидетелей пишут заочно, а и попы и дьячки, не видя тех людей,

на коих кто послался и на словах не слыша, да руки к обыскам прикладывают» [18, с. 64].

Поэтому пытка и обыск все чаще стали мяться местами и на первое место прочно встала именно пытка.

В указанной работе И.Т. Посошков описывал значение фактора внезапности при допросе, а также необходимость тщательной к нему подготовки и проведения допроса наедине. Так, в работе автором рекомендовалось допрос наедине производить в «особых чуланцах, чтоб во время допроса никто посторонний тут не был, а судье никто не мешал».

В этой книге мы не найдем еще цельного учения о допросе. Там имеются отдельные рекомендации о необходимости тщательной подготовке к допросу, правильного выбора места допроса, о проведении подробного и раздельного допроса лиц, проходящих по одному уголовному делу.

«А буде же пред судьею в канторе не повинитца, а в словах своих станет мятца, то такового надобно с великим тужанием напорно всякими образы разными допрашивать: давно ль то было и товарищи ево, кои в росписи написаны, все ли тут были, и прежде ли ево они пришли или после, или все они вместе пришли, и отькуду пришли и где они сошлись, и отьчего у них случилось и как кончилось, и о ком часе дня или ночи и в какой хоромине или на дворе или в ином каком месте. И буде в хоромах, то в каком месте, в переднем ли углу или у дверей, или у печи или за столом, и сидя ли или стоя, и рано ль или поздно, и на дворе ведрено ли в то время или ненасливо было и после того случая, как разошлись и кто из них прежде пошел от него, или кто остался, или все вместе пошли и сколько их было и всех ли он знает, иль и никого не знает?» [18, с. 64].

Безусловно это были рекомендации тактического характера и к тому же не лишённые оснований.

Петр Великий придя к власти, будучи ярким приверженцем западного образа жизни, старается ограничить пытку, ставит ее применение только при недостатке иных доказательств, как-то:

- добровольное признание;
- изобличение преступника достоверными свидетелями, которых должно быть не менее двух (последние не очевидцы не могут свидетельствовать по молве, по слуху);
- полудоказательства, при этом как бы много не было улик, все они вместе взятые, не могут составить полного доказательства, но они важны тем, что их наличие предполагало использование пытки.

Пытка допускалась только при наличии трех обстоятельств: преступление очевидно, против обвиняемого есть полудоказательства, и он не сознается в совершении преступления.

Для своего времени это была очень полезная действенная система доказательств, направленная на ограничение произвола судей, злоупотребления пыткой, но именно потому она, предполагая пытку, без нее становится бессмысленной.

В Российской империи пытки были отменены в 1801 г. в царствование Александра I.

Третий этап развития допроса (середина XIX в. — конец XX в.). На этом этапе учеными-юристами формируется и совершенствуется учение о допросе.

Радикальная судебная реформа 1864 г., выразившаяся в принятии четырех уставов, в том числе и Устава уголовного судопроизводства, взяла на вооружение теорию свободной оценки доказательств, отменив теорию формальных доказательств. Впервые в России был систематизирован порядок проведения следственных действий, в том числе и допроса.

В Кратких Наказах волостным и сельским начальникам по раскрытию преступлений и поимке преступников (1884 г.) даются некоторые рекомендации по закреплению показаний в протоколах исходя из сложившейся жизненной ситуации. Так, п. 12. указывалось, что «если заподозренный или кто-либо из свидетелей окажется тяжело больной и можно полагать, что он умрет еще до прибытия судебного следователя, то его нужно расспросить при понятых и данное им показание записать; потом следует громко, вслух прочитать записан-

ные показания при больном, который должен подписать его, а если не может, то за него должен расписаться тот, кого он попросит. Кроме того, такое показание должно быть подписано тем, кто его отбирал, и понятыми» [19, с. 8].

На первых порах к свидетельским показаниям судьи относились с должным доверием, но в конце XIX в., в период обострения классовых противоречий, доверие к ним было поколеблено. Наблюдениями и опытами представителей экспериментальной психологии в юридической науке была разработана и обоснована частная теория, отрицающая доказательственное значение свидетельских показаний.

В результате этого *в уголовном процессе были предприняты попытки уменьшить значение свидетельских показаний, подменить их «немыми свидетелями», т.е. вещественными доказательствами) и так называемыми научными заключениями экспертов.*

В дальнейшем вопрос о личности свидетелей, доказательственном значении свидетельских показаний и возможности их использования в уголовном процессе стал объектом продолжительных споров среди ученых.

С позиции исторического аспекта вопросы оценки личности в уголовном судопроизводстве возникали задолго до официального основания криминалистики как науки. Так западно-германский криминалист, Л. фон Ягеманн, в 1838—1841 гг. представил типологию допрашиваемых лиц по их личным особенностям в своем «Руководстве по судебному расследованию» [20, с. 65]. Р.А. Рейс — автор книги «Научная техника расследования преступлений» (1912) [21] и А. Вейнгарт — автор «Уголовной тактики: руководства к расследованию преступлений» (1912) [22], также во главу своей научной работы ставили знания о личности участников процесса.

В 1910 г. на международном конгрессе Союза криминалистов в Брюсселе основным предметом обсуждения стал вопрос «опасность состояний преступника». В ходе работы этого научного форума, обсуждавшего пробле-

мы новой науки вопрос о психологии свидетельских показаний (который не предполагал прений) вызвал особый интерес присутствующих [23, с. 38—39].

Все это послужило тому, что в психологии появилось самостоятельное направление — психология свидетельских показаний. Наряду с правильными положениями о зависимости качества показаний от объективных и субъективных факторов восприятия, судебные психологи пришли к некоторым ошибочным выводам, например, о невозможности использования свидетельских показаний в уголовном судопроизводстве.

Подвергаются сомнению выводы ученых относительно утверждения Г. Гросса о том, что дети в возрасте 7—9 лет — самые лучшие свидетели, положение В. Штерна о меньшей достоверности показаний женщины, чем мужчины, а также о необходимости проведения психологической экспертизы для установления степени достоверности свидетельских показаний и возможности их допуска в качестве судебных доказательств. К данному мнению присоединились и российские ученые О.Б. Гольдовский, А.В. Завадский и др.

К чести русских юристов, в теории «недостоверности свидетельских показаний» быстро разобрались и поэтому сколько-нибудь заметного отрицательного воздействия на практику допроса она не оказала.

Критикуя данную частную теорию, А.Ф. Кони подчеркивал, что свидетельские показания являются одним из лучших и наиболее веских доказательств в новом уголовном процессе. По этой проблеме опубликовано много научных трудов, в том числе, Л.Е. Владимирова, А.И. Елистратова, А.Ф. Кони, А.В. Скопинского и др.

Первым среди советских ученых-криминалистов, обстоятельно рассмотрел проблемы тактики допроса и его психологические основы И.Н. Якимов. Он не только проанализировал психологические основания оценки показаний свидетелей, обвиняемых, но и дал сравнительное описание психологии показаний некоторых категорий свидетелей: женщин, детей, стари-

ков, больных, лжесвидетелей и «умалчивающих правду» свидетелей.

В конце 20-х годов XX в. И.Н. Якимов на психологической характеристике показаний построил тактику допроса названных лиц. А в 1930 г. в своей научной работе «Допрос: практическое пособие для опрашиваемых», совместно с И.П. Михеевым, разработал рекомендации для работы с преступниками исходя из особенностей их личности, он рекомендовал учитывать при общении с ними их склонности, которые привели к преступным намерениям субъекта. П.П. Михеев в работе «Допрос» делает попытку описать и классифицировать советы для получения правдивых показаний от обвиняемого [24].

И хотя в СССР пытки были отменены, однако в период с 1935 по 1953 г.г. физическое воздействие для получения информации допускалось руководством страны. Как это видно из следующего документа:

«ТЕЛЕГРАММА ШИФРОМ ЦК ВКП (б) СЕКРЕТАРЯМ ОБКОМОВ, КРАЙКОМОВ, ЦК НАЦКОМПАРТИЙ, НАРКОМАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, НАЧАЛЬНИКАМ УНКВД.

ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов-крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие допускается, как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, — следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показывает, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был загажен

мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим несколько не опорочивается сам метод, поскольку он правильно применяется на практике. Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП требует от секретарей обкомов, райкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим объяснением. № 1/с, 2/с, № 26/ш.

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП (б) И.СТАЛИН
10/1 — 39 г. 15 час» [25].

И только после смерти Сталина И.В. 4 апреля 1953 года был издан приказ МВД СССР «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия», где подобные деяния категорически запрещались.

К сожалению, до начала 50-х гг. специальных исследований в области тактики допроса практически не велось. Литература тех лет — это главы в учебниках по криминалистике для ВУЗов и отдельные журнальные статьи общего характера С.А. Голунского, Б.М. Шавера и некоторых других авторов.

В конце 50-х, начале 60-х гг. XX в. вновь возрос интерес к проблемам допроса, число публикаций по данной проблеме стало значительно расти, были проведены фундаментальные научные исследования. К их числу можно отнести работы Л.М. Карнеевой, С.С. Ордынского,

С.Я. Розенблита «Тактика допроса на предварительном следствии» (1958), Н.И. Порубова «Допрос в советском уголовном процессе и криминалистике» (1968).

В этих работах были рассмотрены ранее не исследованные вопросы:

- тактические задачи, разрешаемые при допросе свидетелей;
- тактические приемы оказания свидетелю помощи в припоминании забытых фактов, преодолении мотивов умолчания;
- использование для получения правдивых показаний обвиняемого особенностей его личности;
- тактика допроса обвиняемого, заявившего о своем алиби или изменившего свои первоначальные показания;
- пути установления психологического контакта с допрашиваемым;
- методы правомерного психологического воздействия на личность в процессе допроса;
- взаимодействие следователя с органами дознания на стадии подготовки к допросу;
- особенности судебного допроса и др.

Глубокая научная аргументация, в сочетании со знанием запросов и потребностей практики, стала залогом долгой жизни этих работ, не потерявших своей значимости и в наши дни.

Четвертый этап (XXI в. — наше время).

Дальнейшее развитие уголовного процесса пошло по пути дополнительной регламентации получения вербальной информации у различных категорий, допрашиваемых и использование высокотехнологичных средств в следственных действиях. Так, например, в ст.191 УПК РФ получил дальнейшую регламентацию порядок допроса малолетних свидетелей «следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности — более одного часа, в возрасте от семи до четырнадцати лет — более одного часа, а в общей сложности — более двух часов, в возрасте старше четырнадцати лет — более двух

часов, а в общей сложности — более четырех часов в день». Проводятся исследования о возможностях участия в уголовном процессе лиц, с ограниченными возможностями (в т.ч. пожилых [26] и иных, с нарушениями когнитивного развития [27]). Организуются и проходят научные и научно-практические мероприятия, в том числе международного уровня [28].

Получило развитие использование высоких технологий в вербальных следственных действиях. В статье 189.1 УПК РФ регламентируются особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи.

Использование новейших психологических, нейропсихологических и нейрофизиологических методов позволило получить новые научные данные о работе памяти человека, процессе восприятия, кодировании, сохранении, об извлечении и передаче информации. Появились достоверные сведения о внешних проявлениях различных эмоций человеком, разработаны новые методики активации памяти, оценки достоверности показаний и т.д. Все это позволило существенно обновить арсенал тактических рекомендаций по производству вербальных следственных действий, а в ряде случаев и сформулировать абсолютно новые принципы получения уголовно-релевантной информации.

Список источников

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.
2. Ленин В.И. О государстве // Полное собрание соч. Т. 29. 782 с.
3. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческом, феодальном и буржуазных государствах. СПб.: Равена, 1995. 846 с.
4. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Под ред. З.М. Черниловского. М.: Юрид. лит., 1984. 472 с.
5. К.Р. Jayasvala, Manu and Yajnavalkya, Calcutta, 1930, p. 46—49.

6. Законы Ману [Электронный ресурс] https://www.advayta.org/binaries/file/news/f_545.pdf. (дата обращения 03.02.2023)
7. *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческом, феодальном и буржуазных государствах. СПб.: Равена, 1995. 846 с.
8. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. Москва: Издательство политической литературы, 1982. 222 с.
9. *Родевич Л.И., Агалец Н.А.* Свидетель. Академия МВД РБ. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. 516 с.
10. Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. III. Рим. / под ред. акад. В.В. Струве, М.: Учпедгиз, 1953. 275 с.
11. *Каролина.* Уголовно-судебное уложение Карла V. Привилегия на право печатания, жалованная Иво Шефферу в год 1532 / Перевод, предисловие и примечания проф. С.Я. Булатова. Алма-Ата, 1967. [Электронный ресурс] <http://krotov.info/acts/16/1/1532karolina.htm> (дата обращения 03.02.2023).
12. *Генрих Крамер, Якоб Шпренгер.* Молот Ведьм, уничтожающий Ведьм и их ереси, подобно сильнейшему мечу [Электронный ресурс] <http://vekordija.narod.ru/R-HEXEN.PDF>. (дата обращения 10.02.2023).
13. *Беккариа Чезаре.* О преступлениях и наказаниях [Электронный ресурс] [https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.661ea3c5—63dcd5e-e35f84a0—74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/File:Essay_on_Crimes_and_Punishments_\(1775\).djvu](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.661ea3c5—63dcd5e-e35f84a0—74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/File:Essay_on_Crimes_and_Punishments_(1775).djvu) (дата обращения 10.03.2023)
14. Наполеон Бонапарт, Письма и документы Наполеона, том I: приход к власти, отбран и переведен Джоном Элдредом Ховардом (Лондон: The Cresset Press, 1961), 274.
15. Русская Правда [Электронный ресурс] <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения 10.03.2023)
16. *Владимирский-Буданов.* Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005 800 с.
17. *Спасович В.Д.* Избранные труды. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. Лекция 1. Редакция журнала «Промышленно-торговое право». Минск: Акад МВД., 2015. 307 с.
18. *Посошков И.Т.* «Книга о скудости и богатстве и другие сочинения» Издательство академии наук СССР. Москва: Акад Наук, 1951. 409 с.
19. *Муравьев Н.В.* Краткий наказ прокурора Московской судебной палаты Н.В. Муравьева волостным и сельским начальникам по раскрытию преступлений и поимке преступников. Изд. второе. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1885. 8 с.
20. *Сокол В.Ю.* Людвиг фон Ягеманн — основатель научной системы расследования преступлений и криминалистики // Вестник Краснодарск. ун-та МВД России. 2012. № 2 (16). С. 65—67.
21. *Рейс Р.А.* Научная техника расследования преступлений. СПб.: Сенат. тип. 1912. 178 с.
22. *Вейнгарт А.* Уголовная тактика: руководство к расследованию преступлений. СПб.: Вестник полиции, 1912. 463 с.
23. Брюссельский международный конгресс Союза криминалистов, 2—7 авг. 1910 г. / П.И. Люблинский. СПб.: Сенат. тип. 1910. С. 38—39.
24. *Якимов И.Н., Михеев П.П.* Допрос: практическое пособие для опрашиваемых. М.: Изд-во Нар ком. внутр. дел, 1930. 84 с.
25. Шифртелеграмма ЦК ВКП (б) «О мерах физического воздействия к арестованным» 10 января 1939 г. [Электронный ресурс] <https://istmat.org/node/65694>(дата обращения 10.03.2023)
26. *Курбатова С.М.* О правовом положении участников уголовного судопроизводства из числа лиц старшего возраста // Защита прав человека: теория и региональная практика: сб. мат. Всеросс. научно-практич. конф. Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2021. С. 114—115.
27. *Курбатова С.М.* О проблематике участия лиц с ограниченными возможностями

в производстве по уголовному делу // Современный ученый. 2020. № 2. С. 305—309.

28. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 18—19 июня 2021 года. В 2 Ч. Красноярск: Красноярский ГАУ, 2021.

¹ Вызванный стороной свидетель мог отказаться от дачи показаний, заявив, что ему ничего не известно о фактах, для подтверждения которых он был призван. Такой отказ от дачи показаний допускался, но неявка свидетеля каралась штрафом. Дело против лжесвидетелей могло возникнуть лишь тогда, когда обвинитель усомнился в правдивости свидетельских показаний (к которым прибег обвиняемый при предварительной подготовке дела), из которых следовало, что обвиняемый вообще не подлежит суду.

² Несовершеннолетние и близкие родственники сторон не допускались к даче показаний в качестве свидетелей, показания рабов под пыткой были самостоятельным источником доказательств, а не свидетельскими показаниями.

³ В этой связи следует отметить, что в афинских судах секретари различных рангов, подолгу работавшие на одном месте и обладавшие большим опытом, очень ценились. Несмотря на это, в основном они были государственными рабами или беднейшими гражданами. Секретари записывали свидетельские показания, даваемые перед должностными лицами, и сверяли правильность устных показаний с их именованным изложением в тех случаях, когда свидетели давали свои показания в письменном виде.

⁴ Самозаложиться мог свободный человек, отдавший себя в рабство за деньги, которые он был должен, на время, пока не выплатит долг.

⁵ Законы XII таблиц Текст приводится по изданию: Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. III. Рим. Под ред. акад. В.В. Струве, М., 1953, с. 21—33. Сверено и дополнено примечаниями по «Хрестоматии по истории Древнего Рима», под ред. д. и. н. С.Л. Утченко, М., 1962, с. 62—72.

⁶ Система органов, находящихся в юрисдикции той или иной Церкви, осуществляющая функции судебной власти на основании церковного законодательства (церковного права).

УДК 343.9.01
ББК 67.51

© А.В. Богданов, М.С. Мустафин, Е.Н. Хазов. 2023

Основные направления противодействия молодежному терроризму и экстремизму в России

Анатолий Васильевич Богданов,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: office@unity-dana.ru

Минтимер Станиславович Мустафин,

оперуполномоченный 1 отделения УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве

E-mail: mmustafin10@mvd.ru

Евгений Николаевич Хазов,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного

и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: evg.hazow@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы возникновения и распространения молодежного экстремизма. Анализируются вопросы появления агрессивных молодежных субкультур и их виды. Предлагаются способы и методы профилактики и противодействия молодежному экстремизму в современной России

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, несовершеннолетние, молодежные субкультуры, молодежный экстремизм, профилактика преступности

Научная специальность: 5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Для цитирования: А.В. Богданов, М.С. Мустафин, Е.Н. Хазов. Основные направления противодействия молодежному терроризму и экстремизму в России // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023.С. 30—35.

The main directions of countering youth terrorism and extremism in Russia

Anatoliy Vasil'evich Bogdanov,

candidate of law, associate professor, associate Professor of the Department of operational-investigative activities and special equipment Kikot

Moscow University of the MIA of Russia

E-mail: office@unity-dana.ru

Mintimer Stanislavovich Mustafin,

operative officer of the 1st Department of the Department of Internal Affairs for the CAO GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow

E-mail: mmustafin10@mvd.ru

Evgeny Nikolaevich Khazov,

doctor of law, Professor, Professor o of the Department

of operational-investigative activities and special equipment Kikot

Moscow University of the MIA of Russia

E-mail: evg.hazow@yandex.ru

Abstract. The article discusses the emergence and spread of youth extremism. The issues of the emergence of aggressive youth subcultures and their types are analyzed. The methods and methods of prevention and counteraction to youth extremism in modern Russia are proposed

Key words: operational investigative activity, minors, youth subcultures, youth extremism, crime prevention

Среди проблем связанных с преступностью несовершеннолетних особое место занимает проблема террористических актов совершаемых в учебных заведениях. В связи с участившимися случаями массовых убийств (mass-shooting, school-shooting), так называемых «колумбайнов», то есть массовыми убийствами учащихся и преподавательского состава со стороны как сторонних лиц, так и непосредственно лицами, из числа обучающихся (обучавшихся) в данном учебном заведении, в нашей стране на сегодняшний день появилась острая необходимость в разработке механизма выявления и предупреждения подобного рода криминальных явлений [1].

Масс-шутинг, в дословном понимании определения данного понятия, в переводе с английского «mass» — «множественное, по массе людей, большому скоплению», «shooting» — «стрельба», подразумевает использование огнестрельного оружия для поражения множества живых целей, стрельба ведется беспорядочно, цель такого противоправного деяния одна — убивать ради убийства, однако, не смотря на название, под этим может пониматься массовое убийство лиц, с использованием самодельных взрывных устройств, холодного оружия, транспортных средств в целом [2].

Преступления, совершенные несовершеннолетними — это один из негативных и разрушающих факторов жизни человека и общества в целом [3].

Данную тему в контексте криминологических аспектов и предупреждения убийств в образовательных организациях рассматривала Ю. Суходольская, заместитель Егорьевского городского прокурора Московской области, которая отметила тот факт, что в уголовной практике США, под массовыми убийствами подразумевается убийство 4 и более лиц, при этом в рамках уголовного законодательства РФ, согласно п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, под

«массовым» убийством подразумевается убийство 2 и более лиц [4].

Последние ужасные события показали, что от безопасности учебных заведений напрямую зависят жизни детей и преподавателей. Преступность несовершеннолетних стала носить более агрессивный, опасный характер, чем за все предыдущие годы существования государства [5].

Основными причинами преступлений и правонарушений, совершаемых несовершеннолетними являются влияние средств массовой информации и Интернета, точнее информации, которая носит деструктивный характер для психики несовершеннолетних, отсутствие контроля со стороны взрослых лиц, родителей, законных представителей и большое количество свободного времени у несовершеннолетних, т.е. они часто предоставлены сами себе.

У несовершеннолетних ввиду возраста, еще не сформировано рациональное мышление на всевозможную информацию в сети Интернет. Цифровая зависимость у несовершеннолетних выходит из под контроля [6].

Необходимо уделять большое внимание нашей молодежи, вернее ее родителям, проводить беседы с психологами, экспертами, учителями. Надо больше знать об увлечениях наших детей. Мы часто не успеваем заметить изменения в ребенке. Для подросткового возраста вообще очень важен процесс социализации, которую в нынешнее время обеспечивает Интернет.

Бесполезно работать с детьми, оставляя за скобками их родителей. Если раньше родители хоть как-то занимались детьми, то сейчас им проще дать телефон, планшет и дети воспитываются гаджетом и Интернетом. Этому поколению очень трудно концентрироваться, они с малых лет в социальных сетях и привыкли, что картинка меняется очень быстро. Если она не меняется, им становится скучно и именно поэтому между несовершеннолетними много конфликтов, в том числе в учебных заведениях [7].

Рассматривая данный вопрос, следует упомянуть некоторые из самых громких, на сегодняшний день, случаев масс-шутинга в истории России, а именно:

03.02.2014 года старшеклассник пришел с ружьем в московскую школу № 263 и выстрелил в учителя географии, который скончался на месте. Когда на место прибыли сотрудники правоохранительных органов, подросток начал стрелять в них. При этом был убит сотрудник полиции, еще один получил ранение. По результатам проведенной экспертизы старшеклассника признали невменяемым, суд отправил его на принудительное лечение. Этот инцидент был первым в России случаем масс-шутинга.

24.04.2017 года в компьютерном зале школы дагестанского села Агвали произошел взрыв. В СК сообщили, что причиной взрыва стала принесенная одним из школьников граната. В результате 2 человека погибли, 11 пострадали. Подросток нашел гранату на улице.

17.11.2018 года студент Керченского политехнического колледжа взорвал на первом этаже здания самодельную бомбу, а после этого начал расстреливать людей из помпового ружья. Погибли 20 человек, сам нападавший покончил с собой, ранено было 67 человек.

11.05.2021 года на школу № 175 в Казани совершили нападение с огнестрельным оружием. Один из нападавших — бывший ученик этой школы. Его задержали, второго злоумышленника ликвидировали, сообщили ТАСС и «Интерфакс» со ссылкой на источники. Власти сообщали, что известно только об одном стрелке. Погибли, по меньшей мере, 8 человек — 7 детей и 1 учительница. Пострадали 20 человек [8].

20.09.2021 года было совершено нападение на Пермский государственный университет, 6 человек было убито, ранено 43 [9].

И это лишь те нападения, в которых были убиты люди. Следует упомянуть, что были совершено большее количество нападений на школы, однако, в рамках освещения данной темы они рассмотрены не будут, так как пострадавшие остались живы, хотя и получили серьезные травмы.

Прежде чем перейти к вопросу выявления и предупреждения масс-шутинга в учебных заведениях в сфере оперативно-розыскной деятельности, на наш взгляд следует выделить и проблематику в законодательстве, а именно —

проанализировав законодательство в области профилактики правонарушений несовершеннолетних, Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [10], федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [11] и федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [12] нами не установлено правовых механизмов, которые позволяли бы действительно эффективно выявлять подготовку к масс-шутингу и похожим на них криминальные акции, так как все виды профилактики направлены, в первую очередь, на лиц, у которых явно выражено девиантное или криминальное поведение, а как показала практика вышеуказанных случаев масс-шутинга, преступники были тихими и спокойными, даже прилежными учениками, особо не выделялись «бунтарским», девиантными поведением [13].

Также отметим, что в Законе «Об образовании» не выделено отдельных положений, касающихся обеспечения безопасности обучающихся при нахождении в учебной организации вооруженной охраной учебного заведения, причем допустимо как наличие частной, так и государственной охранной организации, с соответствующей квалификацией для использования огнестрельного оружия.

С нашей точки зрения, после комплексного исследования проблематики, следует внести в закон «Об образовании» следующие поправки: в Главу 12 ФЗ «Об образовании» необходимо добавить статью об оценке безопасности образовательной организации (учреждения) от вооруженных нападений и террористических актов, по результатам которой будут даваться обязательные к исполнению указания уполномоченных на то органов, в целях обеспечения безопасности жизни и здоровья обучающихся и сотрудников образовательной организации (учреждения); в ч. 3 ст. 28 Закона «Об образовании» добавить пункт 15.2, который будет добавлять образовательной организации компетенцию по обеспечению физической безопасности обучающихся от вооруженных нападений и террористических актов; ст. 41 посвящена охране здоровья обучающихся. Считаем, что данную статью следует переименовать на «охрану жизни и здоровья обучающихся».

Следует также отметить, что п. 8 ч. 1 ст. 41 Закона «Об образовании» слишком размыт, и его следует дополнить, расширить и внести конкретику о том, каким образом должна быть обеспечена безопасность обучающихся во время пребывания в организации, осуществляющей образовательную деятельность, а п. 11 данной статьи следует дополнить, что навыкам оказания первой помощи должны быть обучены не только педагоги, но и хотя бы 10% обучающихся. В ч. 1 ст. 41 также следует внести пункт о ежеквартальном обязательном включении в учебный процесс учений по отработке сценариев террористического акта, масс-шутинга и иных событий криминального характера, представляющих опасность для жизни и здоровья обучающихся, на наш взгляд, для этой цели идеально подойдет система, используемая в США, а также ряде европейских стран, под названием «Беги-прячься-дерись» [14], содержание которой доступно на множестве Интернет-ресурсов.

Учебные заведения должны обеспечиваться вооруженной охраной для пресечения масс-шутинга и террористических атак. При этом нельзя возлагать все бремя обеспечения вооруженной охраны на учебные заведения, надо обеспечить государственную поддержку учебных заведений в виде выделения денежных средств на заключение контрактов по вооруженной охране учебного заведения с частными охранными организациями либо выделение государственных служащих, из числа сотрудников правоохранительных органов. Для этих же целей на данную роль идеально бы подошли сотрудники ныне упраздненной вневедомственной охраны МВД России, в настоящий момент идеальной кандидатурой на роль вооруженной охраны из государственных структур подходят сотрудники Росгвардии [15].

Масштабы и острота существующих проблем в сфере совершения несовершеннолетними правонарушений и преступлений, возникающие новые вызовы и угрозы современности обуславливают значимость оперативно-розыскной деятельности, а также обеспечения безопасности несовершеннолетних [16].

Одной из настораживающих проблем являются действия ЧВК «Рёдан» — частная военная компания, как ее называют сами участники, основывающаяся на идеологии по персонажу

японской анимации «Hunter X Hunter» и одноименном комиксе (манге). Появилась новая субкультура «пауков», которая исповедует насилие и готова его применить. Эксперты считают, что в этом сообществе около 200 тысяч участников. Беспорядки с задержанием членов движения ЧВК «Рёдан» прошли в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Новосибирске, Улан-Удэ. Драки произошли в городах почти одновременно. 12-лапый паук и цифра «4» — обязательный атрибут принадлежности к ЧВК «Рёдан». Масштабы этой субкультуры ответственности неизвестны, но к этому надо быть готовыми.

На наш взгляд, СМИ часто преувеличивают и искажают смысл идеологии, так как участники аниме-сообществ чаще мирные и неконфликтные. Вместе с тем, могут появиться и другие субкультуры, пропагандирующие диверсии и теракты, убийства в школах. Запрос на агрессию в молодежной среде есть и его нужно жестко пресекать [17].

Работа учреждений образования наряду с привитием каждому ребенку конкретных навыков физического, профессионального, духовного, патриотического и нравственного характера, имеет и типично правовой характер, способствует отрыву некоторой части нашей молодежи от улицы, от безделья, от совершения преступлений и правонарушений. Одним из важнейших составных процессов государственного строительства является воспитания общественного сознания всех граждан. Оно предопределяет комплекс мероприятий, проводимых не только с взрослыми гражданами, но и главным образом с несовершеннолетними, ибо от заложенного в детские и юношеские годы мировоззренческого фундамента во многом будет зависеть дальнейшее направление развития личности того или иного человека, формирования его установок, выработка устойчивого стереотипа поведения, его социальное, духовное, патриотическое и нравственное лицо [18].

Воспитание молодежи на данном этапе развития государства невозможно осуществлять без правильной и эффективной работы семьи, детских дошкольных и школьных учреждений, высших учебных заведений, деятельность которых имеет большое значение, научить подростка каким-то, может быть, даже ценным приемам, умениям, навыкам, но и

неизмеримо более широкое, представляющее собой один из элементов воздействия на мировоззренческое и поведенческие начала в жизни человека [19].

Главным управлением по противодействию экстремизму МВД России (ГУПЭ) в 2022 году организована и проведена ежегодное общероссийское оперативно-профилактическое мероприятие «С ненавистью и ксенофобией нам не по пути». В данном мероприятии приняли участие органы государственной власти субъектов Российской Федерации, представители институтов гражданского общества, духовенства, национальных диаспор и землячеств, творческих союзов и спортивных организаций [20].

Основная аудитория, охватываемая реализуемыми мероприятиями — несовершеннолетние и молодежь, в том числе имеющие склонность к радикальным взглядам и к агрессии, состоящих на профилактических учетах в психоневрологических диспансерах, находящихся в социально-опасном положении или трудной жизненной ситуации.

С учетом сложившейся геополитической обстановки ситуации, русофобии, проведение специальной военной операции (СВО), особо акцентировать внимание на молодежь в вопросах, посвященных духовно-нравственным, патриотическим и пропаганде социально значимых ценностей [21].

Пути борьбы с преступностью несовершеннолетних весьма разнообразны и определяются совокупностью всех мероприятий, проводимых государственными органами, общественными организациями и органами местного самоуправления [22].

Разумная система взысканий не только законна, отмечал А.С. Макаренко, но и необходима, она помогает оформляться крепкому человеческому характеру, воспитывает чувство ответственности, тренирует волю, человеческое достоинство, умение сопротивляться соблазнами и преодолеть их [23].

К сожалению, данные трагедии могут произойти в любом городе, в любой точке мира, будь то США, Россия, Израиль или Лондон, и к этому необходимо быть готовым [24].

Поэтому родителям, педагогам и особенно в обществе нельзя нагнетать обстановку, надо объяснить ребенку, что в школе и ином учеб-

ном заведении он находится в безопасности, при этом она действительно должна обеспечиваться системами безопасности, вплоть до выставления вооруженной охраны [25].

Террористическая и экстремистская преступность несовершеннолетних в России всегда относилась и относится к числу наиболее важных, а задачи ее минимизации и устранения, своевременного предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования составляют в настоящее время основную стратегию в правоохранительных органах [26].

Список источников

1. Михайлова Е.В., Хазов Е.Н. Террористическое молодежное движение «Колумбайн»: сущность, причины, предупреждение. Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2022. № 1. С. 103—109.

2. Лобзов К.М., Богданов А.В., Ильинский И.И. и др. Экстремистские организации: сущность, идеология, тактика их деятельности. Новосибирск, 2021.

3. Зинченко Е.Ю., Евсеева И.Г., Хазов Е.Н. Конституционно-правовые основы личной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации. Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 3. С. 140—144.

4. Суходольская Ю. Криминологические аспекты и предупреждение массовых убийств в образовательных организациях [Текст] / Ю. Суходольская // Законность. 2019. № 6. С. 44—46.

5. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Образовательные учреждения как наиболее уязвимые объекты террористических и экстремистских проявлений. Криминологический журнал. 2021. № 2. С. 26—32.

6. Богданов А.В., Хазов Е.Н. Криминогенный потенциал информационно-телекоммуникационных систем и их влияние на молодежную среду. Защити меня. 2022. № 2. С. 54—61

7. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Информационно-телекоммуникационные технологии и их роль обеспечение безопасности личности, общества и государства. Мировая экономика: проблемы безопасности. 2021. № 1. С. 17—23.

8. Информационный портал группы компаний РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/05/2021/609a5cdc9a7947237982ce4a>

9. Информационный портал группы компаний РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6149fe249a79471284fa59b0>
10. Федеральный закон от 23.06.2016 N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» «Собрание законодательства РФ», 27.06.2016, N 26 (Часть I), ст. 3851,
11. Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» «Собрание законодательства РФ», 28.06.1999, N 26, ст. 3177, <http://pravo.gov.ru>.
12. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «Об образовании в Российской Федерации» «Собрание законодательства РФ», 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598, <http://pravo.gov.ru>.
13. *Богданов А.В., Хазов Е.Н., Комахин Б.Н.* Преступность несовершеннолетних: новые решения и новые проблемы. Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4. С. 34—38.
14. Интернет ресурс URL: <https://unews.pro/news/88511/>
15. *Богданов А.В., Зинченко Е.Ю., Исаков В.М.* и др. Государственные органы власти в российской федерации (конституционно-правовые основы в таблицах и схемах). учебное пособие для курсантов и слушателей очной и заочной формы обучения системы: МВД России, МЧС России, ФСИН России, Войск национальной гвардии России, обучающихся по направлению юриспруденция, правоохранительная деятельность и правовое обеспечение национальной безопасности / Новосибирск, 2019.
16. *Богданов А.В., Комахин Б.Н., Хазов Е.Н.* Профилактические мероприятия, проводимые полицейскими подразделениями, по пресечению правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних. Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 202—208.
17. *Елков И.* «Паутина» Откуда появилось подростковое движение «ЧВК Рёдан» // Российская Газета. Неделя № 44 (8989). 1—14 марта 2023 года.
18. *Богданов А.В., Хазов Е.Н.* Основные причины и условия, способствующие росту преступности среди несовершеннолетних в Российской Федерации. Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 47—51.
19. *Богданов А.В., Хазов Е.Н., Хазова В.Е.* Применение информационно-коммуникационных технологий для вовлечения несовершеннолетних в противоправную и преступную деятельность. Международный журнал конституционного и государственного права. 2022. № 2. С. 5—12.
20. *Богданов А.В., Зинченко Е.Ю., Исаков В.М.* и др. Государственные органы власти в российской федерации (конституционно-правовые основы в таблицах и схемах) учебное пособие для курсантов и слушателей очной и заочной формы обучения системы: МВД России, МЧС России, ФСИН России, Войск национальной гвардии России, обучающихся по направлению юриспруденция, правоохранительная деятельность и правовое обеспечение национальной безопасности / Новосибирск, 2019.
21. *Богданов А.В., Румянцев Н.В., Хазов Е.Н.* Правовая культура и нравственное воспитание несовершеннолетних. Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 35—40.
22. *Богданов А.В., Хазов Е.Н.* Криминогенный потенциал информационно-телекоммуникационных систем и их влияние на молодежную среду. Защити меня. 2022. № 2. С. 54—60.
23. *А.С. Макаренко.* «Книга для родителей». М., 1950. стр. 34.
24. *Хазов Е.Н., Горшенева И.А., Иванцов С.В. Л.А.* и др. Организация деятельности полиции зарубежных стран. учебно-методическое пособие / Москва, 2017.
25. *Бышков П.А., Гасанов К.К., Егоров С.А.* и др. Основы национальной безопасности. Москва, 2022. (2-е издание, переработанное и дополненное)
26. *Пауков В.К., Богданов А.В., Зинченко Е.Ю.* и др. Соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности, учебно-методическое пособие / Москва, 2020.

Информационная модель криминалистической характеристики киберэкстремизма

Василий Васильевич Бычков,

декан факультета повышения квалификации Московской академии

Следственного комитета Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент

E-mail: bychkov_vasilij@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в части их совокупности, множественности и рецидива. Анализируется элементный состав криминалистической характеристики, в том числе, с точки зрения ряда ученых. Сформулирована блоковая информационная модель криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет, мобильная телефония, компьютер, расследование, криминалистическая характеристика, информационная модель

Для цитирования: В.В. Бычков. Информационная модель криминалистической характеристики киберэкстремизма // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 36—43.

Information model of forensic characteristics of cyber extremism

Vasily Vasilyevich Bychkov,

dean of the faculty of excellence of the Moscow academy of the Investigative

committee of the Russian Federation candidate of law science associate professor

E-mail: bychkov_vasilij@bk.ru

Abstract. The article deals with the problems of investigating extremist crimes committed using information and telecommunication networks, in terms of their totality, multiplicity and recidivism. The elemental composition of the forensic characteristic is analyzed, including from the point of view of a number of scientists. A block information model of forensic characteristics of extremist crimes committed using information and telecommunication networks has been formulated

Key words: extremism, crimes of extremist orientation, information and telecommunication networks, Internet, mobile telephony, computer, investigation, forensic characteristics, information model

XXI век в Российской Федерации ознаменовался не только научными открытиями и техническим прогрессом, но и качественно новыми

видами общественно опасных деяний, совершаемых с применением информационных технологий, в частности, киберэкстремизмом,

то есть преступлениями экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Следственная практика показывает, что до настоящего времени расследование преступлений указанного вида остается проблематичным. При этом следователи не уделяют достаточного внимания их криминалистической характеристике.

Применимо именно к киберэкстремизму следует обратить внимание на научные разработки в данной сфере А.А. Бессонова, выделяющего шесть этапов развития представлений о сути криминалистической характеристики преступлений и ее роли в формировании методики их расследования¹. Среди этапов следует отметить пятый и шестой. В пятом выделяются: углубленное изучение отдельных элементов криминалистической характеристики, их взаимных связей и использование в частных методиках расследования. Шестой характеризуется разработкой алгоритмов и программ, позволяющих с помощью компьютерной обработки характеристик преступления выявлять особенности преступных деяний, оценивать следственные ситуации, выдвигать следственные версии, планировать расследование.

Однако необходимо обратить внимание и на те положения в трудах ведущих ученых-криминалистов, в которых неизменно подчеркивалось, что криминалистические методики для обеспечения надлежащего расследования любых преступлений основываются на положениях уголовного и уголовно-процессуального права.

В частности, тесные связи криминалистической характеристики преступлений с действующим уголовным и уголовно-процессуальным законодательством отмечались Е.В. Смахтиным, который указал, что «уголовное, уголовно-процессуальное право и криминалистика образуют единый уголовно-правовой комплекс, соотносятся как полноценные части единого целого — уголовно-правовые науки»².

Криминалистическая характеристика преступлений, прежде всего, тесно взаимосвязана с уголовно-правовой характеристикой преступлений, включающей элементы состава преступления: объект, предмет, потерпевший, объективная сторона, субъект и субъективная сторона³.

При этом криминалистическая характеристика преступлений и предмет доказывания не

могут поглощать и подменять друг друга, которые хотя и находятся в определённой взаимосвязи и взаимообусловленности, но имеют различное содержание, так как относятся к различным наукам уголовно-правового блока.

Криминалистическая характеристика преступлений фактически является информационной моделью общественно опасного деяния. Она содержит сведения о взаимосвязанных криминалистически значимых признаках определённого вида преступлений и закономерных связях между ними. Поэтому и в теоретическом, и в практическом аспектах представленные совокупности взаимосвязанных элементов криминалистической характеристики киберэкстремизма нельзя подменять признаками предмета доказывания, перечень которых формализован в ст. 24 и 73 УПК РФ.

Фактически криминалистическая характеристика является одной из важнейших частей современного криминалистического инструментария, используемого при расследовании уголовного дела, который используется, в том числе, в качестве инструмента в установлении особенностей всех признаков предмета доказывания. То есть, можно согласиться с мнением ряда ученых о том, что криминалистическая характеристика преступления является «вторичной» по отношению к предмету доказывания⁴.

В то же время, предмет доказывания определяет структуру и содержание криминалистической характеристики преступлений рассматриваемого вида. При этом сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, рядом ученых предлагалось определять, как «ядро криминалистической характеристики преступлений»⁵. В свою очередь уголовно-процессуальное право тесно связано с уголовным правом, составляя неразрывный правовой фундамент уголовного судопроизводства⁶. Поэтому уголовно-процессуальное содержание элементов предмета доказывания, входящих в криминалистическую характеристику преступления, определяется уголовно-правовой характеристикой конкретного состава преступления. Это особенно важно учитывать при формировании криминалистической характеристики не только отдельных видов преступлений в сфере киберэкстремизма, но и для их совокупностей с различными формами соучастия.

Криминалистическая характеристика преступлений, как частная теория, позволяет раскрывать криминалистическую сущность предмета доказывания, включающего в себя уголовно-правовую и уголовно процессуальную характеристики преступления, применительно к различным видам преступлений для целей частных криминалистических методик⁷.

Вместе с тем, уголовно-правовые нормы, устанавливающие признаки преступлений в сфере киберэкстремизма, носят весьма сложный, бланкетный, отсылочный и смешанный характер. Поэтому для их правоприменения неизбежно приходится формировать развернутые уголовно-правовые характеристики этих преступлений с применением положений как уголовного, так и гражданского законодательства.

При этом важно обратить внимание на то, что в двух уголовно-правовых нормах, ч. 2 ст. 280 УК РФ и ч. 2 ст. 282 УК РФ прямо указано на совершение незаконных деяний с использованием, в частности, информационно-телекоммуникационных сетей. Поэтому вполне обосновано при формировании их развернутой уголовно-правовой характеристики использовать некоторые положения уголовно-правовых норм, включенных законодателем в главу 28 УК РФ.

То есть, здесь возникает необходимость применения определенных совокупностей уголовно-правовых норм, а развернутая уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере киберэкстремизма, как уже отмечалось выше, приобретает определенные признаки множественности преступлений. В этой связи было обращено внимание на особенности следующих видов множественности преступлений: совокупность преступлений (ст. 17 УК РФ) и рецидив преступлений (ст. 18 УК РФ). Идеальной совокупностью признается одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ. Реальной совокупностью признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за каждое из которых оно несет уголовную ответственность.

По преступлениям в сфере киберэкстремизма подобные совокупности вполне естественно образуются при организации деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ) и финансирование экстремистской деятельности

(ст. 282.3 УК РФ), организации экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) и финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и организации деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ) и т.п.

Кроме этого, нередко преступления, связанные с финансированием экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) сочетаются с некоторыми видами преступлений в сфере экономики — совершением валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193.1 УК РФ), контрабандой наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 УК РФ), а также рядом других.

Ряд совокупностей преступлений в сфере киберэкстремизма образуется при размещении призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) в сети Интернет путем неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), а также путем создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), позволяющих преступникам проникнуть на защищенные сайты определенных организаций, общественных объединений и отдельных граждан. В печати широко освещались подобные проявления киберэкстремизма, например, 9 мая 2020 г. хакеры атаковали сайт движения «Бессмертный полк», сайт трансляции победного шествия, а также сайт «Волонтеров победы», загружая их фотографиями нацистов под видом ветеранов и участников Великой Отечественной войны⁸. Кроме того, с 06:00 до 09:00 Дня Победы было произведено свыше девяти миллионов запросов к сайту, с целью выведения из строя системы единовременными запросами⁹.

Анализ реальной следственной практики показывает, что расследование подобных уголовных дел отличается высокой трудоемкостью, тем более, что оно связано с необходимостью обработки большого количества электронных документов и иной информации в электронной форме, а также привлечения специалистов и судебных экспертов, обладающих необходимыми специальными знаниями. Во многих

случаях требуется организации следственно-оперативных групп, а также оснащение их соответствующими криминалистическими методиками и современным информационно-технологическим инструментарием.

При этом в рамках расследования уголовных дел о совершении столь сложных совокупностей преступлений, нередко возникаю «нестандартные» ситуации, требующие применения новых криминалистических методик применительно к вновь обнаруженной совокупности преступлений. Это требует разработки не только криминалистических методик по определенным видам и разновидностям преступлений в сфере киберэкстремизма, а также их совокупностей.

Необходимо обратить внимание и на особенности второго вида проявлений множественности преступлений в сфере киберэкстремизма — рецидива преступлений. Законодателем предусмотрена привилегированность ряда уголовно-правовых норм по некоторым видам преступлений в сфере киберэкстремизма, а именно, освобождение лиц от уголовной ответственности, совершивших такие преступления впервые. Для многих граждан, случайно оказавшихся в сфере влияния экстремистов и осознавших неправомерность своего поведения, такая мера является весьма эффективным средством профилактики преступлений в сфере киберэкстремизма.

Вместе с тем, эта мера не дает 100%-ной гарантии, что лица, привлекавшиеся к уголовной ответственности за совершенные преступления в сфере киберэкстремизма по ст. 282.1, 282.2, 282.3 и 284.1 УК РФ и освобожденные от уголовной ответственности, поскольку в их действиях не содержалось иного состава преступления, не совершат нового преступления. Здесь также встает ряд проблем установления признаков рецидива преступления, которые требуют выполнения специальных уголовно-правовых исследований.

Криминалистическая природа преступлений в сфере киберэкстремизма существенно отличается практически от всех других видов преступлений. Если в криминалистических характеристиках большинства преступлений одной из ее составных частей является характеристика субъекта преступления, выявление особенностей мотива и цели его преступных действий, то для преступлений в сфере киберэкстремизма характерна «многосубъектность», включая различные формы соучастия. Поэтому наряду с исследова-

нием индивидуальных психологических особенностей отдельных субъектов преступлений рассматриваемого вида, необходима постановка и выполнение исследований в сфере групповой или массовой психологии преступного повеления в сфере киберэкстремизма.

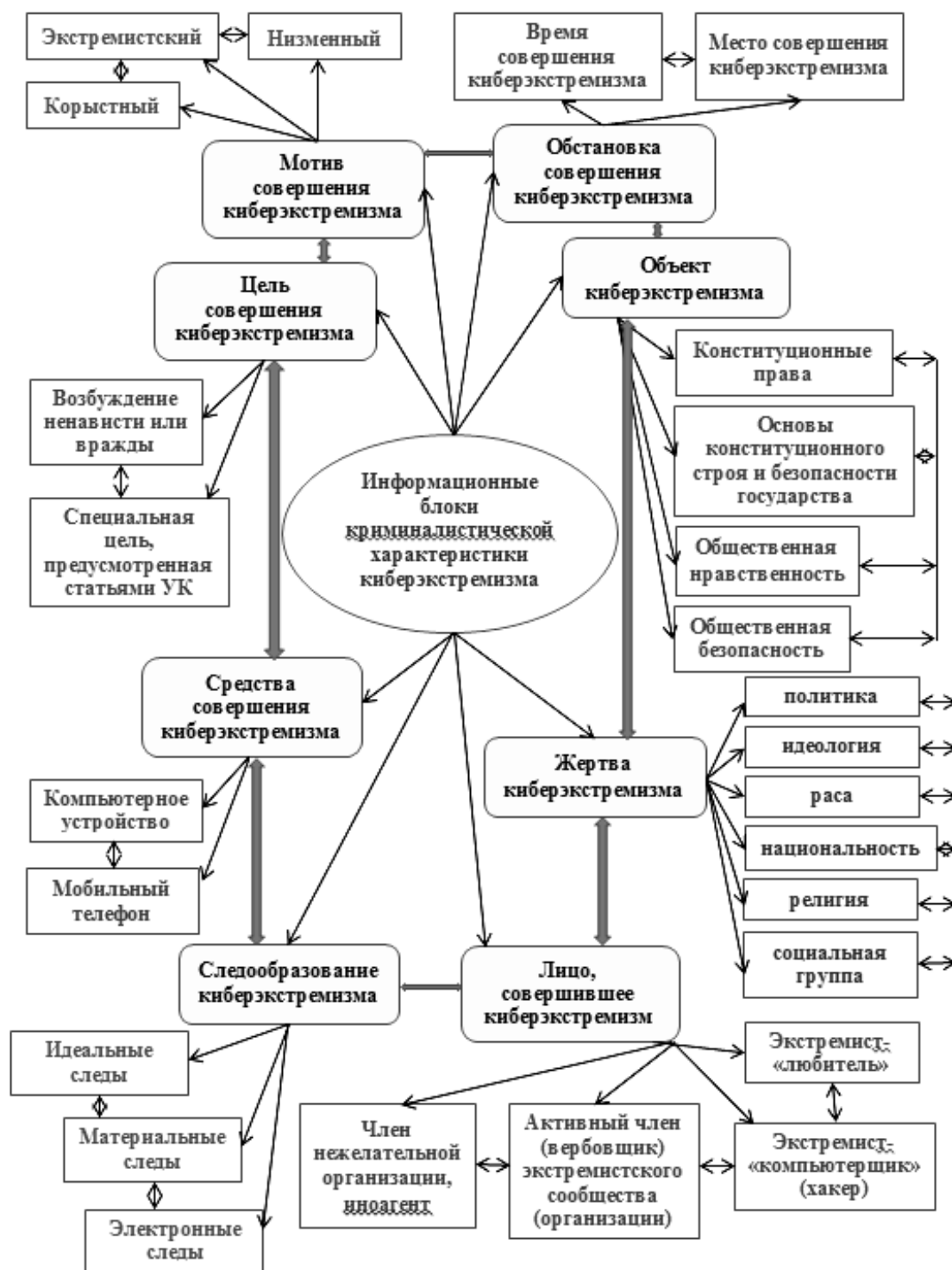
При этом важно учитывать особенности молодых людей, которые большую часть своего времени проводят в Интернете, что существенно изменяет их индивидуальную психологию по сравнению с «обычными» людьми, а также определяет особенности групповой психологии их «друзей», сформировавшихся при активном общении в социальных сетях.

Важно также обратить внимание на особенности «локальной» гносеологической природы криминалистической характеристики преступлений в сфере киберэкстремизма различного вида. С этой точки зрения она является не только средством теоретического познания криминалистической сущности преступлений данного вида и информационно-методологической основой формирования частных криминалистических методик их расследования. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере киберэкстремизма, а также их совокупностей с различными формами соучастия может использоваться и как инструмент познания динамики процессов, определяющих признаки каждого из преступлений данного вида в процессе их возникновения, включая установление причин этого, а затем в процессе их развития и формирования взаимных связей, характеризующих конкретное преступление в целом и его признаки, зафиксированные следователем в самом начале проверки данных о преступлении при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Особенно важно применение соответствующего инструмента познания динамики процессов, определяющих возникновение, формирование и развитие признаков проявлений множественности конкретных преступлений в сфере экстремизма, как реальных и идеальных их совокупностей, так и рецидива таких преступлений. Это позволит получить достаточно полную и подробную ретроспективную информационную модель совершённого преступления¹⁰.

Таким образом, рассматривая криминалистическую характеристику киберэкстремизма как информационную модель преступлений данного вида, предлагаются восемь информационных блоков (см. рис.):

**Блок-схема
«Информационные блоки криминалистической
характеристики киберэкстремизма»**

В *первом блоке* собрана информация об объектах киберэкстремизма:

- конституционные права (ст. 105, 111, 112, 115—117, 119, 136, 148, 150);
- общая безопасность (ст. 212, 212.1 УК);
- общественная безопасность (ст. 213, 214 УК);
- общественная нравственность (ст. 243, 243.4, 244 УК);
- основы конституционного строя и безопасности государства (ст. 280—280.4, 282—282.4, 284.1, 284.2 УК);
- мир и безопасность человечества (ст. 354.1, 357 УК).

Второй блок отражает *мотив* киберэкстремизма, который может быть не только экстремистским, но и любым, то есть как корыстным, так и низменным (зависть, месть, бытовая ненависть и вражда).

В *третьем блоке* размещена *цель* киберэкстремизма.

Причем целью данного вида преступлений может быть как возбуждение ненависти или вражды по политическому, идеологическому, расовому, национальному или религиозному мотиву и ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, так и специальная, предусмотренная конкретной уголовно-правовой нормой:

- оскорбление религиозных чувств верующих (ст. 148 УК);
- нарушение территориальной целостности РФ (ст. 280.1 УК);
- дискредитация использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами РФ своих полномочий в указанных целях (ст. 280.3 УК);
- обеспечение деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации (ст. 282.3 УК);
- пропаганда либо сбыт нацистской атрибутики или символики, атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, атрибутики или символики экстремистских организаций, иных атрибутики или символики, пропаганда

либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (ч. 2 ст. 282.4 УК).

В *четвертом блоке* размещены сведения об *обстановке* киберэкстремизма, к основным элементам которой относятся время и место его совершения.

Время киберэкстремизма может быть разовым и одномоментным либо в виде продолжительного периода до момента задержания экстремиста.

Место киберэкстремизма обычно характеризуется высокой степенью неопределенности, поскольку место входа в сеть Интернет может замаскировано с использованием соответствующих информационных технологий либо находиться за рубежом. Так, в ходе расследования хакерских атак 9 мая 2020 г. на сайты трансляции победного шествия, движений «Бессмертный полк» и «Волонтеры Победы» установлено, что для незаконного внедрения использовалось 646 уникальных IP адреса, из которых: 64% расположены на территории европейских стран, 27% — на территории Северной Америки, 3% — в Азии¹¹.

Кроме этого, для различных видов совокупностей таких преступлений, например, организации экстремистского сообщества и финансирования его деятельности, может быть зафиксировано несколько мест их совершения, а также иные особенности многозначной характеристики их обстановки.

Пятый блок отражает особенности *средств* совершения киберэкстремизма.

Следственная практика показывает, что в подавляющем большинстве средствами данного вида преступлений являются компьютерные устройства и мобильные телефоны, имеющие выход в Интернет.

В настоящее время создан ряд информационных технологий, позволяющих установить адрес рабочего места хакера, обеспечившего незаконный доступ к определенному сайту или совершившего иные противоправные действия. В то же время, для совокупностей преступлений, а также различных форм соучастия в них может возникнуть ряд неопределенностей, преодоление которых требует разработки специальных информационных технологий.

Шестой блок характеризует типовые следы преступления (идеальные, материальные и электронные) и вероятные места их локализации.

Следы киберэкстремизма представляют собой определенную часть электронного документа в текстовой или графической форме. Поэтому для их обнаружения и фиксации необходимо использовать определенные компьютерные программы, позволяющие осуществить визуализацию электронной информации, а затем использовать специальные знания специалистов или судебных экспертов для их идентификации. В ряде случаев оказывается необходимо использовать несколько циклов взаимодействия следователя со специалистом и экспертами, включая проведение комплексных судебных экспертиз.

Седьмой блок характеризует личность экстремиста.

Преступления данного вида могут совершаться: «любителями», случайно или по недомыслию выложившие в Интернет экстремистский материал, компьютерщиком (хакером), имеющим навыки составления вредоносных программ, членами экстремистских сообществ или организаций, иноагентами и членами иностранных организаций, признанных нежелательными, мигрантами и иммигрантами¹².

При этом для отмеченных выше совокупностей преступлений данного вида с учетом различных форм соучастия речь идет о формировании не только сведений о всех соучастниках этих преступлений, но и связях между ними. Важно также учитывать, что большая часть составов таких преступлений имеет не только квалифицированный, но и привилегированный характер, предоставляя преступникам возможности вовремя одуматься, прекратить свое участие в преступлении и начать сотрудничать со следствием для его пресечения.

В *восьмом блоке* аккумулированы сведения о потерпевших от киберэкстремизма: политических деятелях, лиц, придерживающихся иной идеологии, представителях иных рас, национальностей и конфессий, членах социальных групп.

В случае невозможности установления конкретного потерпевшего, целесообразно определить полномочного представителя или представителей государства и общественно-политических структур.

В заключение необходимо акцентировать, что формирование единой криминалистической характеристики киберэкстремизма приводит к весьма громоздкому описанию содержания перечисленных выше информационных блоков и связей между ними. Поскольку криминалистическая характеристика преступления рассматривается в качестве первой части частной криминалистической методики его расследования, то такое описание с точки зрения его правоприменения представляется нецелесообразным. Поэтому вместо комплексной криминалистической характеристики киберэкстремизма и создания соответствующей криминалистической методики его расследования необходимо формирование комплекса соответствующих криминалистических характеристик отдельных преступлений в сфере киберэкстремизма и их конкретных совокупностей, а также комплекса криминалистических методик их расследования

Список источников

1. *Бессонов А.А.* Частная теория криминалистической характеристики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Элиста, 2017.
2. *Бессонов А.А.* История развития криминалистической характеристики преступлений / Криминалистика. В 3 ч. Часть III Криминалистическая методика / под ред. В.В. Бычкова, С.В. Харченко. М.: Проспект, 2021.
3. *Бычков В.В.* Следственно-оперативная характеристика преступлений экстремистской направленности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 52—57.
4. *Бычков В.В.* Личность мигранта и иммигранта как элемент криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности, совершаемых в Российской Федерации // Сотрудничество правоохранительных органов государств — участников СНГ в противодействии незаконной миграции: материалы Международной научно-практической конференции (26.05.2022). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. С. 26—35.
5. *Бычков В.В., Прорвич В.А.* Алгоритмы выявления признаков экстремистской и террористической деятельности с использованием Интернета на основе информационных шабло-

нов возможных составов преступлений данного вида // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2022. № 2. С. 43—50.

6. *Бычков В.В., Прорвич В.А.* Особенности формирования алгоритмов выявления, раскрытия и расследования «высокотехнологичных» преступлений экстремистского характера, совершенных с использованием сети «Интернет» // *Российский журнал правовых исследований*. 2021. Том 8. № 1. С. 1—8.

7. *Кошелева И.С., Михальчук А.Е.* Ещё раз к вопросу о значении криминалистической характеристики преступлений // *Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы международной научно-практической конференции (16—17.10.2003). Часть III*. Уфа: РИО БашГУ, 2004. С. 130—131.

8. *Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки*. М.: Статут, 2017.

9. *Николайчик Н.И.* О соотношении понятий «криминалистическая характеристика преступлений» и «предмет доказывания» // *Криминалистическая характеристика преступлений: сборник научных трудов*. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. С. 78—82.

10. *Смахтин Е.В.* Соотношение криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2009. № 3 (9). С. 63—67.

¹ *Бессонов А.А.* История развития криминалистической характеристики преступлений. *Криминалистика*. В 3 ч. Ч. III. Криминалистическая методика / под ред. В.В. Бычкова, С.В. Харченко. М., 2021. С. 21—27.

² *Смахтин Е.В.* Соотношение криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2009. № 3(9). С. 65.

³ *Бычков В.В.* Следственно-оперативная характеристика преступлений экстремистской направленности // *Вестник Московского университета МВД России*. 2022. № 4. С. 52—57.

⁴ *Кошелева И.С., Михальчук А.Е.* Ещё раз к вопросу о значении криминалистической характеристики преступлений // *Проблемы противодействия преступности в современных условиях: мат-лы междуна. науч.-практич. конф.* (16—17.10.2003). Ч. III. Уфа, 2004. С. 130—131.

⁵ *Николайчик Н.И.* О соотношении понятий «криминалистическая характеристика преступлений» и «предмет доказывания» // *Криминалистическая характеристика преступлений: Сборник научных трудов*. М., 1984. С. 81.

⁶ *Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки*. М., 2017.

⁷ *Бессонов А.А.* Частная теория криминалистической характеристики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Элиста, 2017. С. 52.

⁸ Хакеры атаковали сайт «Бессмертного полка» перед Днем Победы. URL: <https://lenta.ru/news/2020/05/10/polok/>; Организаторы акции «Бессмертный полк» рассказали, с какими проблемами пришлось столкнуться из-за того, что в этом году мероприятие проходит в онлайн-режиме. Головной болью стали провокаторы и хакеры. URL: <https://bel.ru/news/society/12—05—2020>.

⁹ Проект «Бессмертный полк онлайн», стартовавший 9 мая, продлится в течение двух недель. В акции принимают участие почти три миллиона человек со всего мира. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/news/20200511/1030103404>.

¹⁰ *Бычков В.В., Прорвич В.А.* Особенности формирования алгоритмов выявления, раскрытия и расследования «высокотехнологичных» преступлений экстремистского характера, совершенных с использованием сети «Интернет» // *Российский журнал правовых исследований*. 2021. Том 8. № 1. С. 1—8.

¹¹ Проект «Бессмертный полк онлайн», стартовавший 9 мая, продлится в течение двух недель. В акции принимают участие почти три миллиона человек со всего мира. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/news/20200511/1030103404>.

¹² *Бычков В.В.* Личность мигранта и иммигранта как элемент криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности, совершаемых в Российской Федерации // *Сотрудничество правоохранительных органов государств-участников СНГ в противодействии незаконной миграции: мат-лы Междуна. науч.-практич. конф.* (26.05.2022). М., 2022. С. 26—35.

Криминалистическое обеспечение дистанционного производства следственных действий: гносеологические основы

Татьяна Витальевна Горбенко,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
Симферополь, Россия
E-mail: tatyana.com12@mail.ru

Аннотация. *Актуальность:* актуальность исследования обусловлена значением методологии криминалистики, основывающейся на положениях теории познания, для развития и совершенствования теоретических и прикладных разработок, необходимостью определения методологического инструментария познания и гносеологических основ криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий как условия эффективности расследования преступлений. *Постановка проблемы:* значение познавательной деятельности для целей раскрытия и расследования преступлений неоднократно становилось объектом научных исследований. Постоянная трансформация криминалистики, обусловленная изменением устоев общественной жизни, требует соответствующего методологического инструментария познания криминалистических явлений и уточнения отдельных криминалистических положений в целях придания результативности криминалистики как прикладной науки. *Цель исследования:* определение перспектив исследования криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий, осуществляемого на основе методологии теории познания; выработка и определение сущности гносеологических основ криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий. *Методы исследования:* система общенаучных и частных научных методов криминалистики (логический метод; методы системного анализа, синтеза и обобщения; метод моделирования; технико- и тактико-криминалистические методы и др.). *Результаты и ключевые выводы:* Гносеологические основы криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий составляют знания о его объекте, предмете и субъекте, то есть базовые, основополагающие компоненты этой криминалистической системы, выполняющие интегрирующую роль в функционировании и развитии криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий как целостного криминалистического института. Изучение гносеологических основ рассматриваемого криминалистического института определило решение следующих задач: определение методологического инструментария для познания сущности рассматриваемого вопроса; описание содержания гносеологических основ; формулирование объекта и предмета; определение субъекта; анализ «субъект-объектных» и «объект-предметных» отношений, возникающих при этом. Для чего были проанализированы различные философские концепции и суждения относительно особенностей природы познания криминалистического обеспечения следственных действий, возможности цифровых технологий для дистанционного производства следственных действий, вопросы отношения полученных знаний к условиям действительности, а также условия их истинности и достоверности

Ключевые слова: гносеология, гносеологические основы, научное познание, следственные действия, дистанционное производство следственных действий, криминалистическое обеспечение, методология, криминалистика

Научная специальность: 5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Для цитирования: Т.В. Горбенко. Криминалистическое обеспечение дистанционного производства следственных действий: гносеологические основы // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 44—52.

Forensic support of remote production of investigative actions: epistemological foundations

Tatyana Vitalievna Gorbenko,

Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Simferopol, Russia

E-mail: tatanacom12@mail.ru

Abstract. *Relevance:* the relevance of the research is due to the importance of the methodology of criminology, based on the provisions of the theory of cognition, for the development and improvement of theoretical and applied developments, the need to determine the methodological tools of cognition and the epistemological foundations of criminalistic support for the remote production of investigative actions as a condition for the effectiveness of crime investigation. *Problem statement:* the importance of cognitive activity for the purposes of disclosure and investigation of crimes has repeatedly become the object of scientific research. The constant transformation of criminology, due to the change in the foundations of public life, requires appropriate methodological tools for understanding criminalistic phenomena and clarifying certain criminalistic provisions in order to give the effectiveness of criminology as an applied science. *The purpose of the study:* to determine the prospects for the study of forensic support for the remote production of investigative actions carried out on the basis of the methodology of the theory of cognition; development and definition of the essence of the epistemological foundations of forensic support for the remote production of investigative actions. *Research methods:* a system of general scientific and private scientific methods of criminology (logical method; methods of system analysis, synthesis and generalization; modeling method; technical and tactical forensic methods, etc.). *Results and key conclusions:* The epistemological foundations of forensic support for remote production of investigative actions are knowledge about its object, subject and subject, that is, the basic, fundamental components of this forensic system that perform an integrating role in the functioning and development of forensic support for remote production of investigative actions as an integral forensic institute. The study of the epistemological foundations of the criminalistic institute under consideration determined the solution of the following tasks: definition of methodological tools for cognition of the essence of the issue under consideration; description of the content of the epistemological foundations; formulation of the object and subject; definition of the subject; analysis of «subject-object» and «object-subject» relations arising in this case. For this purpose, various philosophical concepts and judgments were analyzed regarding the peculiarities of the nature of cognition of forensic support for investigative actions, the possibilities of digital technologies for remote production of investigative actions, the relationship of the acquired knowledge to the conditions of reality, as well as the conditions of their truth and reliability

Key words: epistemology, epistemological foundations, scientific knowledge, investigative actions, remote production of investigative actions, forensic support, methodology, forensic science

Человек, являясь венцом исторической эволюции, беспрестанно стремится к познанию логики и закономерностей окружающего мира. Познание, в этом смысле, есть исторически сложившаяся динамическая и фундаментальная потребность современного человека. Философия, будучи древнейшей мировоззренческой наукой, насчитывает ряд концепций о познаваемости окружающей действительности: гностицизм (познавательный оптимизм), агностицизм (познавательный пессимизм), скептицизм, идеализм, материализм, рационализм, иррационализм, эмпиризм.

Кратко освещая основные идеи названных концепций, следует обозначить их отличительные особенности. Согласно философской концепции гностицизма (познавательного оптимизма) явления действительности познаваемы, хотя мир — в силу своей неисчерпаемости — до конца не познаваем. В свою очередь, концепция агностицизма (познавательного пессимизма) провозглашает невозможность познания окружающей действительности вследствие ограниченности ресурсов человеческого разума. Сторонники концепции скептицизма сомневаются в возможности получения достоверных

знаний о мире, абсолютизируя момент относительности в истинном знании, указывая на его формальную недоказуемость [1]. Идеализм, в свою очередь, описывает происхождение знаний из нематериального источника (некого духовного начала). Материализм исходит из утверждения существования объективного мира как источника знания и отражения этого мира в сознании человека в виде субъективных образов [2, с. 6]. Сторонники концепции рационализма превозносят человеческий разум и признают его основой познания. Иррационалисты утверждают непостижимый разумом характер окружающей действительности, предполагая существование областей миропонимания, недоступных разуму, и достижимых только через такие вещи как интуиция, чувства, вера, инстинкт, откровения и пр. Концепция эмпиризма полагается на личностный опыт индивидуума в вопросах познания мира.

Современная философия, по большей части, берет за основу концепции агностицизма и скептицизма, хотя и не умаляет значения других названных концепций [2]. При этом, базирясь на идеях непознаваемости мира и сомнениях возможности познания объективной действительности, познание существующих явлений приобретает более достоверный характер, поскольку при восприятии конкретного явления или предмета разум придает знаниям о нем системность и единство.

Учитывая то обстоятельство, что всякое явление окружающего мира воспринимается человеком исходя из совокупности имеющихся у него знаний, следует определить методологию научного познания, призванную объективировать получаемые знания. Истинность познания зиждется на объективных, независимых от личностного восприятия, инструментах и механизмах познания. Одним из таких инструментов познания являются гносеологические предпосылки исследования конкретного явления, поскольку предполагают уход от субъективного восприятия исследуемого явления, используя «субъект-объектные» и «объект-предметные» отношения, посредником которых является система средств (методов) познания.

Познание явлений в первоначальном виде является неким идеалом, достижению которого препятствует относительность человеческих

знаний, вызванная постоянным расширением способов и практики познания мира. Иными словами, результаты познавательной деятельности повсеместно будут свидетельствовать об отсутствии каких-либо знаний об исследуемых явлениях. Принимая во внимание тот факт, что познание идет по пути «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике» [2], целесообразно говорить о повышении эвристического потенциала методологии познания.

Вышеизложенное позволяет заключить что все, что существует объективно, то субъективно познаваемо. Вопрос лишь кроется в том, какие способы и методы исследователь использует для максимально достоверного и полного изучения интересующего явления.

Криминалистика в этом отношении не является исключением. Опираясь на положения философии науки, представляется возможным проведение анализа сущности криминалистического обеспечения следственных действий, производимых в дистанционном формате. Вместе с тем, деятельность по расследованию преступлений, традиционно рассматривается в качестве одного из объектов криминалистической науки. Независимо от вида совершенного преступления, наличия или отсутствия информации о лице его совершившем, а также ее объема и характера, основным содержанием криминалистики является познание события преступления [3] и определение способов получения криминалистически значимой информации, что соотнобразуется с сущностью теории познания.

Криминалистическое обеспечение дистанционного производства следственных действий предполагает наличие структурных элементов (теория, тактика, техника, методика и др.), изучение в отдельности которых обращает к сущности общих положений криминалистического обеспечения.

Цель настоящего исследования, состоит в конструировании гносеологических основ криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий как одного из элементов методологии криминалистических исследований рассматриваемого вопроса. Основу исследования составляет система представлений об объекте, субъекте и предмете криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных

действий, поскольку именно они дают понимание того, что именно, кем и в каком аспекте изучает данный раздел криминалистической науки, какова сущность получаемого при этом знания [4, с. 18].

Представляется необходимым решение следующих задач: определение методологического инструментария для познания сущности рассматриваемого вопроса; определение содержания гносеологических основ криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий; формулирование объекта и предмета криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий; определение субъекта, деятельность которого связана с криминалистическим обеспечением производства следственных действий с использованием дистанционных технологий; исследование «субъект-объектных» и «объект-предметных» отношений рассматриваемого криминалистического аспекта; систематизация знаний о криминалистическом обеспечении дистанционного производства следственных действий, отвечающая потребностям теории и практики.

Методологический инструментарий познания криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий можно представить совокупностью следующих методов:

1. Общефилософские методы. Данная группа методов является универсальной, поскольку они используются при исследовании всех сфер действительности и на всех этапах каждого конкретного познавательного процесса [5]. К данной группе относимы: метафизический и диалектический методы:

- метафизический метод в рассматриваемом контексте призван исследовать криминалистическое обеспечение дистанционного производства следственных действий в неизменном и независимом от иных криминалистических явлений виде. С позиции данного метода, криминалистическое обеспечение дистанционного производства следственных действий является результатом дифференциации научного знания, поскольку представляет собой изолированную область знаний, вычлененную из криминалистики, и подлежащую самостоятельному

изучению и рассмотрению вне связи с другими явлениями криминалистики;

- диалектический метод направлен на объективное рассмотрение определенного явления, достигаемое путем его исторического анализа, учета противоречий, которые могут лежать в его природе. Применительно к криминалистическому обеспечению дистанционного производства следственных действий диалектический метод заключается в определении философской сущности данного явления, роли его положений как для криминалистики, так и для практики в вопросах раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

2. Частнофилософские методы. Данная группа методов является узкоспециализированной, поскольку предполагает применение методов лишь в рамках определенной науки. Учитывая тематику настоящего исследования и область науки, под которую подпадает сущность рассматриваемого явления, частнонаучными методами выступают:

- физические методы, предполагающие использование технико-криминалистических средств для исследования вещественных доказательств (микроскопическое исследование объектов, фотографирование, использование лазерной техники и пр.);
- химические методы (микрохимический анализ веществ, химические методы выявления следов и пр.);
- биологические методы, используемые для цифрового исследования объектов биологической природы (кровь, сперма, слюна, волосы, частицы кожи, тканей внутренних органов, пыльца и семена растений, их плоды и пр.) [6, с. 193], а также для генотипоскопического анализа (идентификация биологических объектов по их биоследам);
- антропологические, в том числе антропометрические, методы (для детального описания внешности человека, составления субъективных портретов подозреваемых, компьютерного моделирования их внешности и др.) [7];

- социологические методы (интервьюирование, анкетирование, опрос для выявления потребности трансформации порядка производства следственных действий в техническое русло);
- психологические методы (для разработки криминалистами тактических приемов, обеспечивающих результативность дистанционного производства следственных действий, в том числе посредством правомерного психологического воздействия на лиц, невольно или преднамеренно противодействующих установлению объективных обстоятельств произошедшего) [7].

3. Специальные научные (гносеологические) методы. Названная группа методов имеет особую ценность для целей прикладной гносеологии. С учетом тематики исследования, к числу названных методов относимы:

- метод идеализации, направленный на выявление сущности криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий в «чистом» виде, вне зависимости от иных криминалистических явлений. Позволяет выделить его существенные признаки;
- метод отождествления и различения, ориентированный на сопоставление признаков явлений, смежных с криминалистическим обеспечением дистанционного производства следственных действий, и выделение их отличительных признаков;
- метод конструирования и формализации рассчитан на теоретическое исследование криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий путем ухода от содержания существующих положений;
- метод гипотетических признаков предполагает выделение признаков, обуславливающих существование криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий как отдельного аспекта криминалистики;
- метод «раздвоения единого» состоит в единстве двух противоположных процессов познания: анализа (разделение криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных

действий на отдельные аспекты: теоретический, тактико-криминалистический, технико-криминалистический, методико-криминалистический, организационный, управленческий и др.) и синтеза (нахождение взаимосвязи выделенных частей);

- метод индукции применяется для познания сущности криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий путем движения мысли от частных фактов к общим выводам;
- метод дедукции служит для систематизации теорий о сущности криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий, содержащих отражение отдельных его положений;
- метод исторического и логического воспроизведения предполагает последовательное изложение исторических событий и фактов, раскрывающих исторический путь становления и развития криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий, исключая случайности и несуществующие факты;
- метод восхождения от абстрактного к конкретному предполагает переход от эмпирического к теоретическому. В рассматриваемом контексте данный метод реализуется следующим образом: назревшая необходимость практического использования технико-криминалистических средств для целей расследования обуславливает теоретическое осмысление потенциала современных технологий для целей расследования, аспектов, связанных с организацией взаимодействия при их использовании и порядка их применения правоохранителями;
- метод эффективизации определений, состоящий в переходе от менее эффективным понятиям, связанным с криминалистическим обеспечением дистанционного производства следственных действий посредством критического анализа существующих определений исследуемому явлению;

- метод введения понятий. Содержание названного метода в данном контексте раскрывается посредством альтернативы дедуктивного или индуктивного способов познания. Дедуктивный способ состоит в определении объема и содержания криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий через анализ имеющихся в криминалистической науке вариаций его формулирования, а индуктивный способ — в определении объема и содержания криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий через анализ примеров и контр-примеров его осуществления;
- метод обоснования теорий состоит в социологическом подтверждении выдвигаемых положений. В частности, существование воззрений криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий видится обоснованным посредством построения гипотез и теорий путем сбора и анализа социологических данных (опрос, анкетирование, интервьюирование и др.).

Комплекс приведенных методов теории познания представляется обоснованным и достаточным для достижения объективных знаний о сущности рассматриваемого явления, поскольку предполагает изучение такого сложного объекта познания как криминалистическое обеспечение дистанционного производства следственных действий с позиции различной интерпретации.

Решение обозначенных задач обусловлено обращением к понятийной категории криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий. В научной литературе содержится достаточно много позиций относительно определения сущности криминалистического обеспечения предварительного расследования [8, с. 57], [9, с. 143], [10, с. 116], [11, с. 277], [12, с. 54]. При этом, вопросам криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий внимание практически не уделено. Поэтому видится логичным определение названного понятия через понятие криминалистического обеспечения предварительного расследования, что обосновывается диалекти-

ческим подходом в познании, согласно которому все существующие в мире явления находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности.

Отсюда, фактически криминалистическое обеспечение дистанционного производства следственных действий можно определить как специализированную систему теоретико-прикладных и криминалистических (криминалистическая техника, тактика и методика) знаний, умений и навыков, направленных на создание условий готовности и реализации следственной деятельности в удаленном режиме посредством криминалистических приемов, методов и средств, интеграции цифровых технологий в правоохранительную сферу, совместного планирования и дистанционного проведения следственных действий в целях получения, соответствующей запросам практики, юридически значимой информации.

Приведенное определение позволяет выделить основополагающие характеристики криминалистического обеспечения дистанционного проведения следственных действий, идентично воспринимаемых и вербализируемых всеми субъектами научного познания. К таковым, по мнению автора, относимы: мотивированность на получение необходимого и достаточного объема доказательственной информации; ориентация на раскрытие и расследование преступления; технико-, тактико- и методико-криминалистически обеспеченный характер; единство составляющих его элементов; интеграция сил и ресурсов, обеспеченная четко отлаженным взаимодействием субъектов расследования; информационно-содержательная направленность.

Исходя из смыслового значения гносеологии как философской категории и предложенного определения криминалистическому обеспечению дистанционного производства следственных действий обнаруживается возможным определение содержания гносеологических основ рассматриваемого вопроса. Поскольку познание является специфической формой взаимодействия субъекта и объекта познания, конечной целью которого является получение знания (искомого предмета) [13, с. 73], то убедительными представляются доводы относительно выделения составляющих элементов процесса познания (объект, субъект и предмет познания). По этой причине, вопросы,

касающиеся объекта, субъекта и предмета как результата познания логично рассматривать в качестве гносеологических основ криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий.

Объектом криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий, с позиции автора, являются общественные отношения, складывающиеся в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [14, с. 7], в которых реализуются задачи криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий, а также задачи, осуществляемые посредством совместной деятельности следователя с лицами, оказывающими ему содействие в удаленном проведении следственных действий.

В рассматриваемом дискурсе субъектом выступает лицо, осуществляющее познавательную деятельность при помощи следственных действий, производимых в дистанционном формате (следователь, дознаватель, сотрудники подразделений и ведомств, привлекаемых для организации и проведения следственных действий).

Предмет криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий релевантно рассматривать через призму закономерностей, к которым отнесены следующие: закономерности, обуславливающие разработку теоретических рекомендаций по использованию технико-криминалистических методов, средств, приемов и методик при дистанционном производстве следственных действий; закономерности собирания (поиска, обнаружения, изъятия, фиксации), исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации и доказательств [10], полученных посредством использования современных научно-технических средств; закономерности информационно-отражательного и системно-деятельностного взаимодействия субъектов расследования при удаленном проведении следственных действий.

«Субъект-объектные» и «объект-предметные» отношения, под рассматриваемым углом зрения, состоят в непосредственном восприятии субъектом познания всего эмпирического материала об исследуемом объекте с последующим вычленением наиболее приемлемой

и выработкой личной позиции. В аспекте раскрытия и расследования преступлений сказанное трансформируется в русло решаемых задач и достигаемы целей. То есть субъект расследования во взаимодействии с привлекаемыми, территориально удаленными, субъектами, производя следственное действие, получает информацию о расследуемом событии, после чего сопоставляет ее с имеющимися сведениями и приходит к выводу об адекватности версий, выдвигаемых на первоначальном этапе расследования с последующей их корректировкой.

Упорядочение накопленного эмпирического материала, в частности об объекте, предмете, субъекте криминалистического обеспечения дистанционного производства следственных действий, отношениях, возникающих в процессе исследования заявленного вопроса, целях и задачах, решение которых преследует криминалистическое обеспечение дистанционного производства следственных действий, способах их достижения, а также порядке закрепления полученной информации, призвано систематизировать знания об изучаемом вопросе, придав им достоверный и объективный характер.

Резюмируя изложенное, стоит отметить, что нынешнее представление о криминалистическом обеспечении дистанционного производства следственных действий как условия эффективности расследования преступлений не позволяет решать актуальные проблемы противодействия крайне негативному явлению как преступность, поскольку анализируемый вопрос полностью непознан. Сказанное подтверждается, как минимум, отсутствием общепринятой дефиниции изучаемому термину, разнообразием и несогласованности системно-структурного подхода к определению составляющих его элементов и пр. В этой связи положения и методологический инструментарий гносеологии обеспечивают возможность абсолютного познания объекта, исключив противоречия и громоздкость научного знания, а также способны свети к минимуму эклектичность научного познания, что в современных условиях является насущной проблемой. Более того, исследование вопросов, касающихся дистанционного производства следственных действий через гносеологические основы, дисциплинирует научный поиск и позволяет достичь желаемых целей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Материализм и идеализм в философии / Студопедия. URL: https://studopedia.ru/3_71996_materializm-i-idealizm-v-filosofii.html. (Дата обращения: 26.02.2022).

2. Ильин В.В., Машенцев А.В. Философия в схемах и комментариях: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2005. 304 с.

3. Руководство для государственного обвинителя. Учебное пособие // Под общ. ред. О.Н. Коршуновой. СПб. ООО «Юридический центр-Пресс», 2011. URL: <https://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/108600-rukovodstvo-dlya-gosudarstvennogo-obvinitelya-kollektiv-avtorov.html> (Дата обращения: 28.02.2022).

4. Чельшьева О.В. Гносеологические основы отечественной криминалистики: теоретико-прикладное исследование: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.09: Санкт-Петербург, 2003. 300 с.

5. Общеполитический (универсальный) метод, Общеполитические методы, Отдельные методы, Эмпирическое исследование объекта Философия. URL: https://mobile.studbooks.net/37609/filosofiya/obschepoliticheskiy_universalnyy_metod (Дата обращения: 03.03.2022).

6. Ищенко Е.П. Криминалистика в вопросах и ответах: учебное пособие / Е.П. Ищенко. Москва: Проспект, 2015. 304 с. ISBN 978-5-392-16333-5. Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/54584> (Дата обращения: 04.03.2022).

7. Ищенко Е.П. Криминалистика: Курс лекций. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», АСТ-МОСКВА, 2007. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/ischenko_ep_kriminalistika/ (Дата обращения: 05.03.2022).

8. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: Учеб. для высш. и сред. учеб. заведений МВД России / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, А.И. Бородулин [и др.]; Под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина; Акад. М-ва внутрен. дел России. М.: Новый юрист, 1997. 398 с.

9. Аксенов Р.Г., Акимов С.Р. Криминалистическое обеспечение расследования криминальных банкротств: учебное пособие. Тюмень, 2006. 218 с.

10. Корчагин А.А. К вопросу о криминалистическом обеспечении предварительного и судебного следствия по делам об умышленных убийствах // Актуальные проблемы расследования преступлений. Екатеринбург, 2020. С. 114—122.

11. Перишин А.Н., Белов И.Т. Содержание криминалистического обеспечения расследования преступлений // Ученые криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства (часть 2): Сб. науч. Трудов Академии МВД России. М. С. 275—280.

12. Щеглова Е.В. Криминалистическое обеспечение расследования легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.09: Москва, 2009. 195 с.

13. Чельшьева О.В. Проблемы содержания первого раздела криминалистической науки // Вестник института: преступление, наказание, исправление. № 8. 2009. С. 72—76.

14. Гусев А.В. Концепция формирования специального криминалистического познания и механизма его реализации в уголовном судопроизводстве вне судебно-экспертной деятельности: диссертация ... доктора юридических наук; 12.00.12: Краснодар, 2015. 515 с.

References

1. Materialism and idealism in philosophy / Studopedia. URL: https://studopedia.ru/3_71996_materializm-i-idealizm-v-filosofii.html. (Accessed: 02/26/2022).

2. Ilyin V.V., Mashentsev A.V. Philosophy in schemes and comments: Textbook. St. Petersburg: Piter, 2005. 304 p.

3. Guidelines for the public prosecutor. Textbook // Under the general. ed. O.N. Korshunova. St. Petersburg. LLC «Legal Center-Press», 2011. URL: <https://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/108600-rukovodstvo-dlya-gosudarstvenno-go-obvinitelya-kollektiv-avtorov.html> (Accessed: 02/28/2022).

4. *Chelysheva O.V.* Epistemological foundations of domestic criminalistics: theoretical and applied research: dissertation ... Doctor of Law: 12.00.09: St. Petersburg, 2003. 300 p.
5. General philosophical (universal) method, General scientific methods, Individual methods, Empirical research of the object Philosophy. URL: https://mobile.studbooks.net/37609/filosofiya/obschefilosofskiy_universalnyy_metod (Accessed: 03.03.2022).
6. *Ishchenko E.P.* Criminalistics in questions and answers : textbook / E.P. Ishchenko. Moscow: Prospekt, 2015. 304 p. ISBN 978-5-392-16333-5. Text : electronic // Lan : electronic library system. URL: <https://e.lanbook.com/book/54584> (Accessed: 03/04/2022).
7. *Ishchenko E.P.* Criminalistics: Course of lectures. M.: Law firm «CONTRACT», AST-MOSCOW, 2007. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/ishenko_ep_kriminalistika/ (Accessed: 03/05/2022).
8. Forensic support for the activities of the criminal police and preliminary investigation bodies: Proc. for higher and avg. textbook institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia / T.V. Averyanova, R.S. Belkin, A.I. Borodulin [and others]; Ed. T.V. Averyanova, R.S. Belkin; Acad. M-va internal affairs of Russia. M.: New lawyer, 1997. 398 p.
9. *Aksenov R.G., Akimov S.R.* Forensic support for the investigation of criminal bankruptcies: a tutorial. Tyumen, 2006. 218 p.
10. *Korchagin A.A.* To the question of forensic support of preliminary and judicial investigation in cases of intentional murders // Actual problems of crime investigation. Yekaterinburg, 2020. P. 114—122.
11. *Pershin A.N., Belov I.T.* The content of forensic support for the investigation of crimes // Scientific criminalists and their role in improving the scientific foundations of criminal justice (part 2): Sat. scientific Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M. P. 275—280.
12. *Shcheglova E.V.* Forensic support for the investigation of the legalization (laundering) of proceeds from crime: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.09: Moscow, 2009. 195 p.
13. *Chelysheva O.V.* Problems of the content of the first section of forensic science // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. No. 8. 2009. P. 72—76.
14. *Gusev A.V.* The concept of the formation of special forensic knowledge and the mechanism for its implementation in criminal proceedings outside of forensic activities: dissertation ... Doctor of Law; 12.00.12: Krasnodar, 2015. 515 p.

УДК 343.326:343.98
ББК 67.52

© В.О. Давыдов. 2023

Концепция криминалистического обеспечения расследования преступлений в особых условиях: постановка проблемы

Владимир Олегович Давыдов,
профессор кафедры правосудия и правоохранительной деятельности,
доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России,
Лауреат премии МВД России в области науки
E-mail: VladDv71@yandex.ru

Аннотация. В статье с позиций криминалистики на содержательном уровне рассматривается обобщающее универсальное понятие «обстановка особых условий» и его структурные части — «чрезвычайное обстоятельство» и «чрезвычайная ситуация», формулируются их авторские определения, выделяются их криминалистически значимые признаки. Делается вывод о том, что нестандартное сочетание объективных и субъективных факторов требует не только принятия чрезвычайных мер, но и формирования в интересах решения задач расследования условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций в обстановке особых условий. Отстаивается позиция о потребности не только в системно выдержанном криминалистическом знании о функциональной стороне противоправной деятельности, как повлекшей наступление, так и реализуемой в обстановке особых условий, но и в комплексах научно обоснованных и апробированных на практике рекомендаций по криминалистическому обеспечению процесса их расследования

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, концепция, обстановка, особые условия, чрезвычайное обстоятельство, чрезвычайная ситуация, расследование преступлений, правовое обеспечение, организационное обеспечение, информационное обеспечение, научно-методическое обеспечение

Для цитирования: В.О. Давыдов. Концепция криминалистического обеспечения расследования преступлений в особых условиях: постановка проблемы // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 53—58.

Forensic support concept investigation of crimes under special conditions: setting the problem

Vladimir Olegovich Davydov,
Professor of justice and law-enforcement activity, Dock. Jurid. Sciences,
the associate professor, the Honorary police officer of Russia, the Winner of an award
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the field of science
E-mail: VladDv71@yandex.ru

Abstract. The article from the standpoint of forensic science at a substantive level considers the generalizing universal concept of «situation of special conditions» and its structural parts — «emergency circumstance» and «emergency situation», their author's definitions are formulated, and their criminally significant signs are distinguished. It is concluded that a non-standard combination of objective and subjective factors requires not only the adoption of emergency measures, but also the formation in the interests of solving the problems of investigating

the conditions of the constant readiness of law enforcement agencies to effectively use forensic methods, means and recommendations in an environment of special conditions. The position is defended about the need not only for systemically sustained forensic knowledge about the functional side of illegal activities, both resulting in an offensive and implemented in a situation of special conditions, but also in complexes of scientifically based and proven in practice recommendations on the forensic support of the process of their investigation

Key words: forensic support, concept, situation, special conditions, emergency, emergency, crime investigation, legal support, organizational support, information support, scientific and methodological support

Начало третьего десятилетия XXI века характеризуется достаточно противоречивой реальностью: с одной стороны — динамичное поступательное развитие разнообразных сфер жизнедеятельности российского социума, вызванное научно-техническим прогрессом, а с другой — усиление детерминант, оказывающих существенное влияние на формирование, как внешних, так и внутренних вызовов и угроз для национальной безопасности Российской Федерации [1, С. 5].

В аспекте последних следует вести речь об увеличении числа региональных конфликтов вблизи российских границ, террористических актов, действий экстремистской направленности, провоцирующих массовые беспорядки, религиозные и межнациональные столкновения. На фоне неблагоприятного состояния окружающей среды по экологическим параметрам на наиболее развитых экономических территориях страны угрожающие масштабы принимают стихийные бедствия, аварии и катастрофы техногенного характера.

Безусловно, в случае наступления вышеназванных кризисных ситуаций такая обстановка самым существенным образом отличается от обычных условий функционирования органов правопорядка: трансформируется структура преступности; возникает необходимость расследования преступлений, достаточно редко встречающихся на практике (в их числе, например, массовые беспорядки, террористический акт, деятельность незаконных вооруженных формирований и диверсионно-террористических групп и другие); деятельность местных органов государственной власти и управления в ряде случаев оказывается частично парализованной; возникает необходимость в эвакуации части населения из того или иного региона.

Полагаем, что с позиций науки криминалистики обстановку особых условий следует рассматривать как субъективную детерминирующую систему взаимосвязанных элементов, представляющую двуединый объект познания:

- во-первых, как не предусмотренную обычным ходом дел, нестандартную обстановку, носящую чрезвычайный (исключительный) характер, возникающую в конкретный временной промежуток на определенной территории, объекте или в определенной зоне ответственности;
- во-вторых, как специфическую среду функционирования социальных систем, субъектов и объектов государственного управления, в том числе осуществляющих деятельность по раскрытию и расследованию преступлений.

Наступление подобной обстановки является результатом, как ситуаций социально-политического и криминального характера, вызванных опасными и особо опасными преступными проявлениями, так и ситуаций природного, техногенного и биолого-социального характера, вызванных опасными природными явлениями, катастрофами, массовым распространением заболеваний, стихийными и иными бедствиями, авариями и катастрофами разного масштаба и степени общественной опасности, уровнем людских и материальных потерь.

Несомненно, обстановке особых условий присущ ряд типичных свойств, значимых в криминалистическом аспекте, а именно: внезапность её возникновения, спонтанность и непредсказуемость развития во времени, в пространстве и по кругу лиц до острого кризисного состояния; масштабность, напряженность, конфликтность, стрессовость событий, явлений и действий; сохранение в течение определенно-

го временного периода: от нескольких часов до нескольких суток, месяцев, лет; реальность угроз и тяжесть последствий для личности, общества и государства; дезорганизация жизнедеятельности на определенной территории, объекте или в зоне ответственности.

Изложенное выше, в порядке научной дискуссии, позволяет предложить следующее видение дефиниции обобщающего универсального понятия «обстановка особых условий» — это повышенная по степени опасности, не предусмотренная обычным ходом дел (нестандартная) обстановка, сложившаяся в конкретный временной промежуток на определенной территории, определенном объекте или в определенной зоне ответственности, характеризующаяся криминалистически значимыми свойствами, возникшими в результате действий (событий, явлений) социального, природного, биологического или техногенного характера, создавшую угрозу жизни и здоровью людей, окружающей среде, конституционному строю и территориальной целостности Российской Федерации, деятельности государственных органов, а также жизнедеятельности людей, требующая принятия и реализации специальных правовых, организационных, тактических мер воздействия и ресурсного обеспечения с целью ее нормализации, защиты интересов личности, общества и государства в мирное или военное время.

Думается, что структурными частями понятия «обстановка особых условий» должны являться категории «чрезвычайное обстоятельство» и «чрезвычайная ситуация», в качестве сопряжения которых должна выступать лексическая единица «чрезвычайный», обозначающая относительное негативное качество, а сам критерий «чрезвычайности» должен находиться в прямой зависимости от степени воздействия, оказываемого на ту или иную социальную систему.

При этом под категорией «чрезвычайное обстоятельство» предлагается понимать обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате противоправных деяний, сопровождающихся насильственными действиями, создающими непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, нормали-

зовать которую невозможно без применения чрезвычайных мер.

В свою очередь, категорию «чрезвычайная ситуация» следует рассматривать как обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате процессов или явлений, представляющих опасность для окружающих, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Нестандартное сочетание объективных и субъективных факторов требует не только принятия чрезвычайных мер, но и формирования в интересах решения задач расследования условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций в обстановке особых условий.

В этой связи возникает закономерная потребность не только в системно выдержанном криминалистическом знании о функциональной стороне противоправной деятельности, как повлекшей наступление, так и реализуемой в обстановке особых условий, но и в комплексах научно обоснованных и апробированных на практике рекомендаций по криминалистическому обеспечению процесса их расследования.

В то же время, потребность в формировании концептуальных основ криминалистического обеспечения расследования преступлений в обстановке особых условий, отвечающих современным реалиям (а события, связанные с проведением специальной военной операции, этот тезис подтвердили и продолжают подтверждать), представляется нам более универсальной. Даже при стабилизации обстановки в государстве она не утратит своего значения для практики: в жизни социума с объективной неизбежностью на достаточно регулярной основе проявляются различные кризисные ситуации, а также события того или иного рода, относящиеся к категории «чрезвычайный». Нет никаких гарантий, что через какое-то время они не проявятся вновь, причем в самых неожиданных и изощренных формах. Очевидно и то, что правоохранительные органы должны постоянно поддерживать оптимальный уровень готовности к работе в условиях подобной обстановки, содержать для

этого специальную систему. Одним из элементов такой системы, на наш взгляд, должна выступить концепция криминалистического обеспечения расследования преступлений в обстановке особых условий.

В современной криминалистической литературе, как правило, принято различать общие закономерности криминалистического обеспечения расследования преступлений, закономерности криминалистического обеспечения расследования однородных групп преступлений и закономерности криминалистического обеспечения расследования конкретных видов преступлений [2, С. 20].

Полагаем, что одной из сторон объекта концепции криминалистического обеспечения расследования преступлений в обстановке особых условий должны выступать специфические закономерности криминалистического обеспечения расследования однородных групп преступлений, послуживших причиной возникновения особых условий, создавших для них обстановку либо иным образом связанных с ними. Более того, в этом качестве должны выступить лишь те закономерности криминалистического обеспечения, которые вызваны особыми условиями расследования и проявляются в ситуации подобного характера.

В зависимости от того, о какой конкретной стороне деятельности, направленной на формирование условий постоянной готовности к решению возникающих в этой связи задач идет речь, в аспекте объекта рассматриваемой концепции также надлежит различать общественные отношения, складывающиеся в процессе криминалистического обеспечения расследования преступных деяний в особых условиях.

Заметим, что в традиционных условиях ведения следствия проявляются и иные закономерности криминалистического обеспечения, например, касающиеся психологии, научной организации труда [3, С. 12] и прочие. Однако применительно к обстановке особых условий в силу определенных оснований, на наш взгляд, выделять их не имеет смысла. В частности, психологические закономерности не являются в особых условиях специфическими только лишь для расследования преступлений, а, как правило, составляют объект более общей концепции о психологии деятельности сотрудников правоохранительных органов (в т.ч. следовате-

лей, дознавателей, оперативных уполномоченных, экспертов) в экстремальных ситуациях. В отношении же научной организации труда следует отметить, что невысокий в целом ее уровень в обычных условиях не позволил проявиться каким-либо особым закономерностям и при расследовании преступлений в обстановке особых условий.

Таким образом, изложенное выше приводит к выводу о том, что объектом концепции криминалистического обеспечения расследования преступлений в особых условиях выступают действия (события, явления, юридические факты), которые послужили причиной, создали условия для возникновения или иным образом связаны с обстановкой особых условий, а также общественные отношения, складывающиеся в процессе криминалистического обеспечения расследования преступных деяний в особых условиях, нашедшие отражение в ранее разработанных комплексах рекомендаций по криминалистическому обеспечению процесса расследования преступлений, правовых и организационно-управленческих документах, уголовных делах, опыте работы сотрудников правоохранительных органов в чрезвычайной обстановке.

Представляется, что объект в значительной мере предопределяет систему рассматриваемой концепции, которую образуют теоретические положения о вызванных особыми условиями специфических закономерностях: характеристики обстановки особых условий; правового обеспечения (особенно в контексте закономерностей, детерминируемых фактом введения особого правового режима того или иного вида); организационного обеспечения; информационного обеспечения; научно-методического и научно-технического обеспечения расследования. Остановимся на некоторых из названных элементов подробнее.

Положения о характеристике обстановки особых условий должны выступать в качестве базового структурного элемента концепции ввиду того, что основанием выделения комплексов тех или иных методических рекомендаций по криминалистическому обеспечению расследования преступлений в такой обстановке, в первую очередь, являются особенности нестандартных чрезвычайных условий, в которых осуществляется процесс расследования.

Данные положения должны структурно объединять, во-первых, характеристику обстановки особых условий в разрезе образующих её составляющих — обстановки, связанной с категорией «чрезвычайное обстоятельство» и категорией «чрезвычайная ситуация», как факторами, определяющими специфические закономерности криминалистического обеспечения расследования преступлений, а, во-вторых, криминалистическую характеристику групп и видов преступлений, составляющих предмет расследования в обстановке особых условий.

В этой связи следует согласиться с научной позицией А.М. Багмета, В.Н. Григорьева, Я.В. Комиссаровой, С.В. Маликова, Е.Н. Холоповой и других авторов, согласно которой криминалистическая характеристика подобных преступлений обладает некоторыми общими признаками, среди которых исследователи выделяют: признаки, характерные для всех преступлений, независимо от конкретных обстоятельств, при которых они совершены; признаки меньшей степени общности, присущие той или иной группе преступлений, которые обусловлены конкретными чрезвычайными обстоятельствами (авт. обстановкой особых условий); традиционные криминалистические признаки, присущие отдельным видам преступлений [4, С. 13].

В аспекте правового обеспечения следует вести речь об изменениях и дополнениях отдельных элементов существующего порядка расследования, безусловно, не затрагивающих его основ, но учитывающих сложившуюся специфическую ситуацию деятельности следователя, вызванную обстановкой особых условий. Помимо особенностей уголовно-процессуального порядка правовое обеспечение расследования в обстановке особых условий, безусловно, включает в себя и особые правовые режимы (а именно, режим чрезвычайного положения [5], режим военного положения [6] и правовой режим контртеррористической операции [7]), которые призваны создать надлежащие условия для стабилизации складывающейся обстановки, восстановления законности и правопорядка, ликвидации последствий кризисной ситуации.

Организационное обеспечение как элемент криминалистического обеспечения расследования в обстановке особых условий, с одной стороны, должно включать в себя вопросы,

касающиеся системы управления деятельностью органов предварительного следствия в особых условиях и составлять самостоятельный «управленческий» элемент рассматриваемой концепции, а, с другой — вопросы управления деятельностью органов предварительного следствия по расследованию отдельных видов преступлений в обстановке особых условий, входящие в содержание частных криминалистических методик.

В аспекте направлений организационного обеспечения особо акцентируем внимание на необходимости разрешения проблематики, связанной с функционированием специальной организационной формы расследования преступлений в обстановке особых условий — специализированной следственно-оперативной группе, в части: разработки её оптимальной организационно-штатной структуры; порядка комплектования при наступлении кризисной ситуации того или иного характера; определения профессиональной пригодности её членов для работы в обстановке особых условий; всестороннего ресурсного обеспечения применительно к обстановке особых условий; привлечения необходимых специалистов, а также иных участников процесса; организации взаимодействия с местными органами государственной власти, структурными подразделениями правоохранительных органов и подразделениями Министерства обороны Российской Федерации.

Говоря о научно-методическом обеспечении как структурном элементе рассматриваемой нами концепции, позволим акцентировать внимание на его двукомпонентности в аспекте обеспечения субъекта расследования криминалистическими методами и приемами ведения следствия:

- во-первых, свое значение для деятельности следователя в обстановке особых условий будут сохранять уже ставшие традиционными частные криминалистические методики расследования отдельных видов преступлений (например, убийств, фактов умышленного причинения вреда здоровью, изнасилований, разбойных нападений, грабежей, поджогов и т.д.);
- во-вторых, видится крайне значимой необходимость формирования базовой (укрупненной) криминалистической методики расследования преступлений [8, С. 18],

охватывающей несколько видов и даже родов преступлений, совершаемых не вообще, а именно в специфической ситуации, связанной с обстановкой особых условий.

Рассматриваемая концепция, предполагает, прежде всего, адекватное разрешение с учетом имеющегося опыта уголовно-процессуальных проблем, возникающих при применении в районах возникновения обстановки особых условий, обычного порядка криминалистического обеспечения процесса расследования. Речь следует вести об изменениях и дополнениях отдельных элементов существующего порядка криминалистического обеспечения следственной деятельности, не затрагивающих его основ, но, однако, учитывающих нестандартные чрезвычайные условия деятельности в подобной обстановке.

Новизна поставленных в статье проблем, безусловно, требует проведения дальнейших комплексных криминалистических исследований. Достаточно часто те или иные инновации, даже если они лояльны существующей парадигме, с большим трудом прокладывают себе дорогу. Однако время покажет. Главный заказчик и потребитель — правоприменитель, либо освоит новый «продукт», либо оставит его без внимания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общей ред. А.С. Коржевского. М.: Изд-во РГГУ, 2021.

2. *Волынский А.Ф.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.

3. *Можяева И.П.* Основы научной организации деятельности следователя: Монография. М.: Юрлитинформ, 2012.

4. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: учебное пособие / Отв. ред. Я.В. Комиссарова. М.: Проспект, 2021.

5. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (в редакции Федерального кон-

ституционного закона от 03 июля 2016 года № 6-ФКЗ).

6. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ «О военном положении» (в редакции Федерального конституционного закона от 01 июля 2017 года № 2-ФКЗ).

7. Федеральный закон от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в редакции Федерального закона от 26 мая 2021 года № 155-ФЗ).

8. *Давыдов В.О.* Научные основы базовой методики расследования преступлений и их развитие в практике борьбы с транснациональным экстремизмом: Монография. М.: Юрлитинформ, 2019.

References

1. Predicted challenges and threats to the national security of the Russian Federation and the directions of their neutralization / under the general editor A.S. Korzhevsky. M.: Publishing House of the Russian State Humanitarian University, 2021.

2. *Volynsky A.F.* Forensic support for the disclosure and progression of crimes: a textbook. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, 2016.

3. *Mozhaeva I.P.* Fundamentals of the scientific organization of the investigator's activities: Monograph. M.: Yurlitinform, 2012.

4. Investigation of crimes in emergency conditions: training manual / Отв. ред. Y.V. Komissarova. M.: Prospect, 2021.

5. Federal Constitutional Law of May 30, 2001 № 3-FKZ «On the State of Emergency» (as amended by Federal Constitutional Law of July 03, 2016 № 6-FKZ).

6. Federal Constitutional Law of January 30, 2002 № 1-FKZ «On Martial Law» (as amended by Federal Constitutional Law of July 01, 2017 № 2-FKZ).

7. Federal Law of March 06, 2006 № 35-FZ «On Countering Terrorism» (as amended by Federal Law of May 26, 2021 № 155-FZ).

8. *Davydov V.O.* Scientific foundations of the basic methodology for the investigation of crimes and their development in the practice of combating transnational extremism: Monograph. M.: Yurlitinform, 2019.

Использование биометрических технологий в криминалистике на современном этапе

Сергей Яковлевич Казанцев,
доктор педагогических наук, профессор

E-mail: office@unity-dana.ru

Равиль Гайсович Амиров,
кандидат юридических наук

E-mail: office@unity-dana.ru

Камилла Рафисовна Ахметшина,
курсант КЮИ МВД России

E-mail: mailbox_expert@mail.ru

Аннотация. В данной статье акцентируется внимание на биометрических технологиях идентификации человека. Дается точное определение понятия «биометрия идентификация», что означает систему распознавания людей по одной или более физическим, или поведенческим чертам. Основная цель исследования заключается в изучении данных технологий, раскрытии их сущности и практика применения их на деле. Данная тема актуализируется в условиях научно-технического прогресса, а также совершенствованием информационных технологий.

В основу исследования положены описательный, аналитический методы, методы формализации и обобщения, методы индуктивных и дедуктивных умозаключений.

Авторы приходят к выводу о необходимости более детального изучения и внедрения в практику применения биометрических технологий идентификации личности в процессе правоохранительной деятельности. Это связано с тем, что объекты, которые подлежат идентификации — уникальны, а использование биометрических методов, обеспечивающие безусловную идентификацию, исключит возможность фальсификации.

В качестве ключевых выводов авторы обобщают существующие в современной науке перспективные пути распознавания личности по тем или иным признакам при помощи методов биометрической аутентификации

Ключевые слова: интернет-технологии, криминалистика, идентификация, аутентификация, киберпреступления, биометрическая идентификация

Для цитирования: С.Я. Казанцев, Р.Г. Амиров, К.Р. Ахметшина. Использование биометрических технологий в криминалистике на современном этапе // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 59—62.

The use of biometric technologies in criminology at the present stage

Sergey Yakovlevich Kazantsev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

E-mail: office@unity-dana.ru

Ravil Gaisovich Amirov,
Candidate of Law

E-mail: office@unity-dana.ru

Kamilla Rafisovna Akhmetshina,
cadet of the CUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: mailbox_expert@mail.ru

Abstract. This article focuses on biometric technologies for human identification. An accurate definition of the concept of «biometrics identification» is given, which means a system for recognizing people by one or more physical or behavioral features. The main purpose of the study is to study these technologies, reveal their essence and practice their application in practice. This topic is updated in the context of scientific and technological progress, as well as the improvement of information technologies.

The study is based on descriptive, analytical methods, methods of formalization and generalization, methods of inductive and deductive conclusions.

The authors conclude that there is a need for a more detailed study and introduction into practice of biometric technologies of identity identification in the process of law enforcement. This is due to the fact that the objects that are subject to identification are unique, and the use of biometric methods that provide unconditional identification will exclude the possibility of falsification.

As key conclusions, the authors summarize the promising ways of recognizing individuals by one or another feature using biometric authentication methods that exist in modern science

Key words: internet technologies, forensics, identification, authentication, cybercrime, biometric identification

Современная структура преступлений в мире претерпела, за последние годы, значительные изменения. Так все больше, с развитием интернет-технологий, преступления совершаются дистанционно. Совершаемые с неправомерным использованием компьютера, компьютерной сети или сетевого устройства, киберпреступления направлены на получение денежных средств пострадавших. Киберпреступники незаконно завладевают персональными данными пострадавших: доступом к интернет-банкингу, госуслугам, номерам карт, счетов и т.д., а после от имени потерпевших совершают незаконные финансовые и иные операции, сделки. Например в 2021 году было зарегистрировано более 500 тысяч киберпреступлений, годом ранее их было в два раза меньше.

Увеличивается доля мошенничеств совершаемых в России гражданами других государств. Так только за 2021 год, по оценке экспертов, ущерб России от действий хакеров составил более 160 миллиардов рублей.

Все это способствовало созданию в Генеральной Ассамблеи ООН комиссии по предотвращению преступлений, совершаемых с помощью интернет-технологий [1].

В этой связи, наряду с другими возможностями применения технических средств в раскрытии, расследовании и предупреждении, большое значение придается использованию биометрических технологий, в частности идентификации личности, что подтверждается ана-

лизом отечественных и зарубежных источников [2,3,4,5,6,7].

Биометрическая идентификация применяется в качестве специальной процедуры, направленной на измерение уникальных физических и поведенческих характеристик конкретного лица с целью удостоверения его личности или опознания. Иными словами, биометрические технологии признаны осуществлять распознавание того или иного лица по его индивидуальным чертам. Идентификация человека по биометрическим показателям проводится по дактилоскопическим отпечаткам, рисунку сетчатки и радужки глаза и т.д. Эти биометрические параметры врожденны и уникальны для каждого человека. Аутентификация пользователей по этим биометрическим показателям обладает высокой степенью надежности защиты информации.

Для криминалистики наиболее важной чертой биометрии является уникальность. Это позволяет устанавливать личность подозреваемого на основании его уникальных характеристик. При этом метод дает крайне низкий процент ошибок и достаточно надежен для целей криминалистики.

Применение технологий для идентификации человека по биометрическим показателям в криминалистике чрезвычайно актуально. В первую очередь, это связано с задачами успешного и оперативного раскрытия и расследования преступлений, установления лиц причастных и иных признаков состава преступления.

Это связано с тем, что объекты, которые подлежат идентификации — уникальны, а использование биометрических методов, обеспечивающие безусловную идентификацию, исключит возможность фальсификации.

Аутентификация по биометрическим показателям может быть двух видов:

- статическая, при которой считываются физические параметры человека, неизменные в течение всей жизни: дактилоскопические отпечатки, параметры сетчатки и радужки, геометрические параметры лица и кистей рук, ДНК;
- динамическая, считывающая двигательные паттерны человека, особенности его движений, манеру разговора, клавиатурный почерк и т.д.

Статический метод наиболее часто применяется для защиты персональных данных и информации. Идентификация по динамическим параметрам или комбинированный способ определения личности используются нечасто, их доля на рынке биометрической защиты небольшая, примерно 20% от общего [8]. Тем не менее, за последние несколько лет, наблюдается интенсивное развитие динамических методов защиты. Наиболее перспективными динамическими способами аутентификации считаются аутентификация по клавиатурному почерку и по цифровой подписи.

Системы биометрической идентификации и аутентификации пользователя строятся по следующему принципу. Биометрическая информация пользователя собирается, оцифровывается и хранится в базах данных. При необходимости пользователь прикладывает к сканеру верифицируемый образец. Система распознает образец и оцифровывает его. После этого происходит сравнение введенного образца с образцами, хранящимися в базе данных. Система выносит заключение о сходстве или различии образцов и открывает доступ пользователю или блокирует его.

В настоящее время во всем мире стремительно проводятся исследования по усовершенствованию биометрических технологий идентификации личности. Мнение экспертов основано на том, что международный рынок устройств для биометрической идентификации и аутентификации устойчиво развивается и в ближайшем будущем также будет наблюдаться рост рынка.

Распознавание голоса в 2018 году признали самым популярным видом биометрической аутентификации. Спрос на данные системы стремительно рос по мере того, как потребители стремились все больше применять наиболее безопасные механизмы идентификации. Подъем данного сегмента основан на технологическом прогрессе в области биометрии и увеличение использования возможностей распознавания голоса в финансовом секторе. В конце 2018 г. самой крупной в мире системой биометрической идентификации стала система Aadhaar, которая была основана в Индии. В этой системе зарегистрировали более 1,19 млрд. человек, что составляет свыше 99% граждан страны в возрасте от 18 лет.

Северная Америка в 2018 году стала лидером по продажам биометрических технологий. Этому поспособствовало то, что, во-первых, там наблюдается интенсивная цифровизация в компаниях, во-вторых, в данном регионе повышается популярность интеллектуальных технологий, в-третьих, внедрение биометрии в США и Канаде одна из первоочередных государственных инициатив.

Система безопасности США активно применяют биометрию. Например, на основе использования системы распознавания лиц в базах правоохранительных органов США имеется биометрическая информация о 117 млн. граждан данной страны. У нас же, в России, одним из таких примеров может служить криминалистическая система «АДИС Папилон». АДИС расшифровывается как автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система. АДИС выступает как дактилоскопический банк данных с возможностью создания мультибиометрических файлов. При этом процесс снятия отпечатков пальцев и ладоней, их оцифровка, хранение, распознавание и сравнение автоматизированы. При помощи этой системы криминалист может провести оперативную проверку личности подозреваемого в режиме реального времени, а также получить информацию по ранее совершенным им преступлениям.

Важно отметить, что на законодательном уровне использование биометрических технологий в РФ регулируется статьей 11 Федерального закона «О персональных данных» № 152-ФЗ от 27 июля 2006 года, который регламентирует

основные особенности использования биометрических данных [9]. Биометрическая идентификация может использоваться для подтверждения личности при совершении банковских операций, для получения образовательных услуг и в иных сферах, что закреплено в Федеральном законе № 482-ФЗ от 29 декабря 2017 г. Также следует отметить, что идентификация на основе биометрии нашла практическое применение и в пенитенциарной практике. В США биометрические данные заключенных вносят в общую базу данных тюрьмы. На каждого заключенного заводится файл, включающий персональные данные заключенного, оцифрованный скан кистей рук, дактилоскопический отпечаток и рисунок сетчатки глаза. Таким образом, исключается возможность подмены лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что актуальность использования систем биометрической идентификации с каждым годом только набирает свои обороты. Это обуславливается общественной опасностью преступных проявлений, которая и понуждает к созданию всемирной базы данных биометрической информации. С ее помощью предполагается расширить спектр задач, стоящих перед оперативно-розыскными и следственными подразделениями ОВД, существенно сократить время проверки и снятия информации, что непременно внесет вклад в решение глобальной проблемы-борьбы с преступностью.

Список источников

1. Резолюция 65230 Генеральной ассамблеи ООН.
2. Болл, Р.М. Руководство по биометрии / Р.М. Болл. М.: Техносфера, 2018. 273 с.
3. Кухарев, Георгий Александрович. Методы обработки и распознавания изображений лиц в задачах биометрии / Кухарев Георгий Александрович. М.: Политехника, 2018. 246 с.
4. Картан, Э. Внешние дифференциальные системы и их геометрические проблемы / Э. Картан. М.: [не указано], 2020. 168 с.

5. Кухарев, Г.А. Биометрические системы. Методы и средства идентификации личности человека / Г.А. Кухарев. М.: Политехника, 2020. 240 с.

6. Мыльников, С.В. Азы биометрии / С.В. Мыльников. М.: Н-Л, 2020. 847 с.

7. Плохинский, Н.А. Биометрия: моногр. / Н.А. Плохинский. М.: Издательство МГУ, 2020. 368 с.

8. Тульских, В.Д. Использование биометрических технологий в экспертно-криминалистической деятельности / Юрист-Правовед. 2014. № 18 (204). С. 233—235.

9. О персональных данных: [федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ: по состоянию на 10.01.2022 г.] // Собрание законодательства РФ. 2006. № 2. Ст. 11.

References

1. UN General Assembly Resolution 65230.
2. Ball, R.M. Guide to biometrics / R.M. Ball. M.: Technosphere, 2018. 273 p.
3. Kukharev, Georgy Alexandrovich Methods of processing and recognition of facial images in biometrics tasks / Kukharev, Georgy Alexandrovich. Moscow: Polytechnic, 2018. 246 p.
4. Kartan, E. External differential systems and their geometric problems / E. Kartan. M.: [not specified], 2020. 168 p.
5. Kukharev, G.A. Biometric systems. Methods and means of identification of a person's personality / G.A. Kukharev. M.: Polytechnic, 2020. 240 p.
6. Mylnikov, S.V. The basics of biometrics / S.V. Mylnikov. M.: N-L, 2020. 847 p.
7. Plokhinsky, N.A. Biometrics: monogr. / N.A. Plokhinsky. M.: Publishing House of Moscow State University, 2020. 368 p.
8. Tul'skikh, V.D. The use of biometric technologies in forensic activities / Jurist-Pravoved. 2014. № 18 (204). Pp. 233—235.
9. On personal data: [Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006: as of 10.01.2022] // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 2. Article 11.

Структура, связи и направления эволюционных процессов Российской криминалистики

Валерий Николаевич Карагодин,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
криминалистики Екатеринбургского филиала ФГКОУ ВО
«Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации»
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. В статье предлагается рассматривать эволюционные процессы криминалистики, понимаемой не только системой специальных знаний, но и как социальный институт, познавательная деятельность, форма общественной жизни и элемент социальной культуры. Все эти элементы связаны между собой, а протекающие в них эволюционные процессы являются составляющими эволюции криминалистики в целом.

Отмечаются попытки изменения парадигм криминалистики, констатируется отсутствие позитивных результатов этого направления деятельности. Высказываются мнения, что в настоящее время большинство исследований и полученных при их проведении результаты основываются на устоявшихся парадигмах криминалистики.

В работе также анализируются некоторые направления современных криминалистических исследований, их результаты и перспективы

Ключевые слова: эволюция, познавательная деятельность, парадигмы, объект и предмет криминалистики, цифровизация, признаки научности, экстраполяция

Для цитирования: В.Н. Карагодин. Структура, связи и направления эволюционных процессов Российской криминалистики // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 63–67.

Structure, connections and directions of evolutionary processes of Russian criminalistics

Valery Nikolaevich Karagodin,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of Criminology Yekaterinburg branch of FGKU UVO «Moscow Academy
of the Investigative Committee Of the Russian Federation»
E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. The article proposes to consider the evolutionary processes of criminology, understood not only by the system of special knowledge, but also as a social institution, cognitive activity, a form of social life and an element of social culture. All these elements are interconnected, and the evolutionary processes occurring in them are components of the evolution of criminology as a whole.

Attempts to change the paradigms of criminology are noted, the absence of positive results of this activity is stated. Opinions are expressed that currently most of the studies and the results obtained during their conduct are based on established paradigms of criminology.

The paper also analyzes some areas of modern forensic research, their results and prospects

Key words: evolution, cognitive activity, paradigms, object and subject of criminology, digitalization, signs of scientific character, extrapolation

Эволюция, как известно, понимается как необратимое изменение любого процесса, объекта, представляющее собой систему постепенно осуществляемых и накапливаемых микроизменений¹.

Обращает на себя внимание, что отечественная криминалистика оценивается только как система знаний. Однако, в настоящее время наука представляется как система взаимосвязанных структурных элементов, измерений: система знаний, познавательная деятельность, социальный институт, подсистема культуры, особая форма жизни, основа инновационной системы общества².

Представляется, что оценка состояния названных элементов, измерений дается для получения более полного и объективного представления о динамике и результативности как меганауки, так и отдельных научных отраслей, в том числе — криминалистики.

Наука, как социальный институт, объединяет временные, постоянные научные коллективы, объединяющиеся в рамках отдельных учреждений и вне каких-либо официально зарегистрированных организаций, исследователи, осуществляющие научные изыскания индивидуально.

В большинстве стран, в том числе и в России, финансирование науки, как социального института и как познавательной деятельности в основном осуществляется государством. Естественно, что органы государственного управления принимают меры к определению наиболее перспективных направлений научной деятельности, ставят цели достижения конкретных результатов, пытаются контролировать и стимулировать получение желаемых результатов.

Некоторые меры органов управления наукой вызывают определенные сомнения. Так, в настоящее время, руководители экспертного совета по юридическим специальностям Высшей аттестационной комиссии, ссылаясь на укрупнение научных специальностей, при подготовке диссертаций настоятельно рекомендуют проведение межотраслевых исследований, не учитывая специфики избранной соискателем темы, особенностей отрасли научного знания, в рамках которого осуществляется изыскание. Представляется, что большинство соискателей ученой степени кандидата юридических наук, в том числе и по специальности «криминалистика», не обладают качествами необходимыми

для подобных исследований. В лучшем случае, проведение подобного исследования будет подменяться весьма краткими сентенциями, сомнительными рекомендациями и предложениями по совершенствованию законодательства. Например, в одной из диссертаций разработаны рекомендации по применению тактических приемов по получению согласия потерпевших (подозреваемых) на производство расследования в сокращенной форме³. Подобные «рекомендации», на наш взгляд, не соответствуют ч. 2 ст. 226¹ УПК РФ, по смыслу которой инициатором проведения дознания в сокращенной форме является исключительно подозреваемый. Разъяснение права ходатайствовать о производстве такого дознания не является следственным действием, а значит и не предполагает реализации тактических приемов.

Думается, что попытки всеобщего перевода диссертационных исследований в форму междисциплинарных противоречит современным тенденциям все большего углубления специализации, как научных изысканий, так и отраслей научного знания.

Междисциплинарные исследования обязательны там, где решение научной проблемы или реализация творческого подхода к ее преодолению невозможно другим образом.

Свобода творчества предполагает самостоятельный выбор исследователем темы, пределов, подходов и средств исследования. В ведомственных научных учреждениях выбор тематики исследования может инициироваться учредителем, с учетом выявленных потребностей практики. Однако, в подобных случаях у исследователей сохраняется право избрания подходов, методов, средств научного изыскания. Уместно заметить, что во многом благодаря инициативе Председателя Следственного комитета России в учебных заведениях этого ведомства были проведены серьезные исследования, позволившие разработать ранее неизвестные теории частные методики расследования таких видов преступлений как: умышленные посягательства против жизни, здоровья, половой неприкосновенности и свободы несовершеннолетних; деяния, связанные с причинением по неосторожности вреда жизни и здоровью несовершеннолетних при получении ими образовательных, медицинских услуг, в сфере организации досуга, при проведении

свободного времени; коррупционные деликты в сфере проведения закупок, услуг и товаров, в других отраслях деятельности человека; невыплата заработной платы; некачественное оказание медицинских услуг, повлекших причинение вреда жизни и здоровью; связанных с проявлениями экстремизма и терроризма и т.п.

В то же время, ученые не лишены свободы самостоятельного выбора темы исследования. Такая самостоятельность позволяет дополнять усилия ведомств по выявлению потребностей практики расследования преступлений, более четко определять их сущность, методологию разрешения. Но, как уже отмечалось, наука — это и форма общественной жизни. Субъекты научной деятельности одновременно являются и непосредственными участниками социальной активности. В этом качестве они воспринимают доминирующие на определенном этапе развития общества представления и взгляды о прошлом, настоящем и будущем. Под влиянием этих взглядов, представлений переоцениваются опыт и накопленные в предыдущий период научные знания, возможности их использования в современной практике и перспективы развития. Часть субъектов научной деятельности под влиянием сторонних радикальных взглядов о необходимости отказа от любых достижений в период существования советского государства, пытаются поставить под сомнение некоторые парадигмы этой отрасли научного знания.

Раздаются высказывания о якобы назревшей необходимости изменения представлений об объекте и предмете криминалистики. При этом какой-либо серьезной аргументации подобных предложений не приводится. В частности, ни один из критиков нынешней трактовки указанных парадигм, не указывает, решению каких именно проблем практики расследования они препятствуют. Фактически отсутствуют и предложения о введении новых парадигм, кардинально отличающихся от ныне действующих. В лучшем случае новации пытаются исключить из объекта криминалистики преступную деятельность, а из предмета — закономерности возникновения доказательственной информации о преступлении. Наряду с этим без изменений оставляются и используются криминалистические характеристики преступления, другие категории, содержащие сведения о содержании криминальной активности.

Не остались равнодушными криминалисты и к цифровизации, активно осуществляемой и пропагандируемой в нашей стране. Некоторые из них уже заявили, что прежние методы криминалистики не могут быть использованы в раскрытии компьютерных преступлений. В связи с этим в научный оборот вводятся термины «цифровая, компьютерная криминалистика», «криминалистическая информация». Уместно напомнить, что попытки выделения подотраслей криминалистики по видам преступлений с учетом их распространенности, а также по субъектам применения практических рекомендаций известны уже давно и подвергались справедливой критике, также, как и необоснованное использование термина «криминалистическая деятельность»⁴.

Сторонники необходимости тотальных изменений именуют современный период функционирования отечественной криминалистики переходным. Обращает на себя внимание существенная продолжительность этого периода и отсутствие анализа недостатков существующих постулатов и предложений о содержании парадигм будущего.

Несомненно, криминалистика не может остаться неизменной в условиях современной информационной революции. Однако нельзя забывать, что цифровые технологии — это лишь средства как криминальной, так и следственной деятельности. Появление новых средств не меняет сущности указанных видов деятельности, а, следовательно, и представлений об объекте и предмете криминалистики.

Гипотеза об ином развитии событий должна не просто декларироваться, а проверяться на практике, не только в ходе наблюдения, но и научных экспериментов, а затем в процессе объективного исследования полученных результатов.

В целом попытки трансформации упомянутых парадигм криминалистики следует рассматривать как явление позитивное, независимо от того, каковы мотивы исследователей. Доводы дискутирующих сторон способствуют выявлению как достоинств, так и недостатков обсуждаемых парадигм. Проверка аргументов участников дискуссии стимулирует проведение новых исследований, применение ранее не использовавшихся подходов, методов и средств.

В частности, при проведении криминалистических исследований изучаются не только

преступная, но и сходные, а также связанные с ней виды деятельности. При разработке методик раскрытия преступлений, скрываемых с помощью инсценировок изучаются механизм развития и слеодообразования инсценируемых событий: самоубийств, несчастных случаев, безвестного отсутствия и т.п. В ходе формирования частных методик изучаются не только способы преступления, но и типичное пред криминальное и пост криминальное поведение субъектов посягательств. Является ли это основанием для изменения представлений об объекте криминалистики? Возможно ли вторую часть объекта криминалистики — деятельность по расследованию, рассматривать не как автономную активность следователя, а как систему отношений его с различными лицами в ходе уголовно-процессуального познания? Определенные признаки такого подхода уже наблюдаются в некоторых исследованиях проблемно-конфликтных ситуаций расследования.

Возвращаясь к оценке состояния отечественной криминалистики, нельзя отрицать наличие в ней эволюционных процессов. Они проявляются, прежде всего, в проведении научных исследований на основе устоявшихся парадигм. В результате происходит увеличение объема знаний без качественного изменения новых постулатов. Такие процессы не могут быть охарактеризованы как негативные, если позволяют получить действительно новые научные знания, востребованные практикой.

В то же время нельзя не констатировать, что ряд исследований не носят научного характера им попросту придается наукообразный вид.

В таких исследованиях выдвигаются проблемы, не требующие проведения научных изысканий, отсутствует научная дискуссия, высказываемые суждения не аргументируются ни данными обобщения практики, ни ссылками на теоретические основания, не проводятся сравнения выделяемых особенностей с отличающимися признаками сходных явлений.

Научный характер исследования во многом определяется степенью владения понятийным аппаратом криминалистики. К сожалению, обыденностью становится неграмотное использование средств понятийного аппарата криминалистики. Не только соискатели, но и обладатели ученых степеней употребляют вы-

ражения: «Тактика и методика расследования отдельных видов преступлений», «тактика оценки заключения эксперта» и т.п. Таких тактик не существует. К объекту криминалистической тактики относится деятельность по расследованию независимо от вида расследуемого преступления. Расследование отдельных видов преступлений является элементом объекта криминалистической методики.

Существует тактика следственных действий, но не оценки доказательств как самостоятельной стадии уголовно-процессуального доказывания.

Одной из негативных тенденций анализируемых процессов являются непрекращающиеся попытки необоснованного включения в содержание криминалистики положений из других отраслей научного знания. Экстраполяция, как метод научного познания, предполагает не механический перенос, а адаптацию, творческую переработку, приспособление положений одной отрасли научного знания, в систему другой.

Названные черты эволюционных процессов криминалистики рассматриваются в качестве закономерностей развития гуманитарных наук в целом⁵. Это позволяет надеяться, что криминалистика со временем избавится от излишних, невостребованных в теории и практике знаний.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что эволюционные процессы в современной отечественной криминалистике имеют разное направление и соотношение. Некоторые научные исследования являются продолжением ранее проводившихся изысканий, основываются на полученных предшественниками результатах. В подобных случаях, каждое последующее исследование проводится для развития положений, совершенствования рекомендаций, выполненных в ходе базовых изысканий.

Иногда криминалистические исследования, осуществляемые разными субъектами, имеют общие объект и предмет. Нередко такие изыскания проводятся с позиций разных теоретических подходов, с использованием отличающихся методов познания. Познавательная деятельность в подобных ситуациях может быть представлена в качестве пересекающихся интересов. Такие пересечения могут выражаться в совпадении некоторых промежуточных выводов и в дальнейшем расхождении мнений и конкурирующих познавательных процессов. Теоретическая конкуренция такого

вида способна стимулировать применение оригинальных подходов, методов, приемов соперничающих ученых и получение оригинальных, взаимодополняющих результатов.

В некоторых случаях познавательные процессы пересекаются в связи с получением взаимоисключающих выводов. Подобное антагонистическое пересечение чаще всего встречается при несовпадении взглядов относительно парадигм криминалистики. В таких ситуациях познавательные процессы в развитии конкурирующих концепций продолжают, хотя их сторонники пытаются занять лидирующее положение и ограничить влияние идей оппонентов. Уместно напомнить, что одним из трендов современной меганауки считается толерантность, понимаемая как терпимость к любым взглядам и представлениям. К сожалению, сторонники некоторых новаций, мягко говоря, раздраженно относятся к критике, не желая не только прислушиваться, но и просто выслушивать возражения. Уместно напомнить, что в течении длительного времени в отечественной криминалистике доминирует теоретико-доказательственная концепция предмета этой отрасли научного знания. Это не мешает многим сторонникам названной концепции сотрудничать с учеными, придерживающимся иных взглядов.

Нельзя не отметить, что свобода и индивидуальность научного творчества обуславливают движение познавательных процессов не в одной, а в различных плоскостях. При проведении некоторых исследований ставятся задачи выявления проблем более общего характера и определения основных направлений, подходов и методов их разрешения. Результаты таких исследований могут стать не только основой, но и ориентиром для других более детальных исследований.

В последнее время в криминалистике все чаще разрабатываются общие межвидовые методики расследования отдельных преступлений. С учетом положений этих методик формируются методики отдельных видов преступлений. Например, существуют общие методики расследования: коррупционных преступлений; получения и дачи взятки; взяточничества в сфере образования и т.д.

Необходимо отметить, что положения этих методик взаимно дополняют друг друга, иногда инициируют изыскания по углублению и расширению уже имеющихся и получению

новых знаний. Таким же образом осуществляется взаимное влияние знаний, полученных в ходе разных исследований.

В завершении можно констатировать, что эволюционного скачка в отечественной криминалистике в настоящее время не наблюдается. Процессы, протекающие в этой отрасли научного знания, основываются на устоявшихся представлениях и в целом обеспечивают потребности теории и практики. В то же время нельзя исключить резкого рывка в эволюционном развитии криминалистики вследствие непредвиденного влияния совокупности внешних и внутренних факторов.

Библиографический список

1. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. 240 с.
2. *Горбань А.С.* Особенности организации расследования при производстве дознания в сокращенной форме. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. 26 с.
3. *Лебедев С.А.* Современная философия науки: Дидактические схемы и словарь: Учеб. пособие / С.А. Лебедев. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2010. 384 с.
4. *Лебедев С.А.* Философия науки: учебное пособие для магистров / С.А. Лебедев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. 296 с.
5. *Яблоков Н.П.* Криминалистика: природа, система, методологические основы / Н.П. Яблоков, А.Ю. Головин. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, 2013. 288 с.

¹ *Лебедев С.А.* Современная философия науки. Дидактические схемы и словарь: учеб. пособие / С.А. Лебедев, Воронеж, 2010, С. 345—346.

² *Лебедев С.А.* Философия науки: учебное пособие для магистров. 2-е изд., перераб. и доп., М. 2016, С. 167—169.

³ *Горбань А.С.* Особенности организации расследования при производстве дознания в сокращенной форме. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021, С. 21.

⁴ *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001, С.225, 236—237; *Яблоков Н.П., Головин Ю.А.* Криминалистика: природа, система, методологические основы: 2-е изд., доп. и перераб., М., 2013, С. 111—115

⁵ *Лебедев С.А.* Философия науки: учебное пособие для магистров. 2-е изд., перераб. и доп., М. 2016, С.214

**Сквозная криминалистическая методика
предварительного и судебного следствия по делам об убийствах,
как элемент единого криминалистического обеспечения
их предварительной проверки,
предварительного и судебного следствия**

Андрей Анатольевич Корчагин,
доцент кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического университета, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: kaa77—21@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме совершенствования криминалистической методики расследования убийств. Говорится о необходимости разработки единого криминалистического обеспечения, охватывающего предварительную проверку сообщений об убийстве, их предварительное расследование и судебное следствие. Предпринята попытка формулировки понятия единого криминалистического обеспечения. Рассматривается вопрос о необходимости создания сквозной криминалистической методики предварительного расследования и судебного следствия по делам об убийствах

Ключевые слова: убийство, методика криминалистического обеспечения, предварительное расследование, судебное следствие

Для цитирования: А.А. Корчагин. Сквозная криминалистическая методика предварительного и судебного следствия по делам об убийствах, как элемент единого криминалистического обеспечения их предварительной проверки, предварительного и судебного следствия // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 68—75.

**End-to-end forensic methodology of preliminary
and judicial investigation in murder cases, as an element
of a unified forensic support for their preliminary verification,
preliminary and judicial investigation**

Andrey Anatolievich Korchagin,
Associate Professor of the Department of Public Law of the St. Petersburg State
University of Aerospace University, Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: kaa77—21@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of improving the forensic methodology of murder investigation. It is said that it is necessary to develop a unified forensic support covering the preliminary verification of murder reports, their preliminary investigation and judicial investigation. An attempt is made to formulate the concept of a single forensic support. The issue of the need to create a cross-cutting forensic methodology of preliminary investigation and judicial investigation in murder cases is being considered

Key words: murder, methods of forensic support, preliminary investigation, judicial investigation

Криминогенная ситуация в России последние годы остается напряженной, совершается большое количество тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе убийств. Произошли существенные изменения, как в количественных, так и качественных характеристиках умышленных убийств. Как показало изучение следственно-судебной практики, убийства стали совершаться практически во всех сферах жизни общества. Появились такие виды убийств, которые практически не встречались в советский период времени: убийства по найму (так называемые заказные убийства). В криминалистической науке и ранее, и в настоящее время предпринимаются попытки разработки частных методик расследования убийств, с учетом количественных и качественных изменений показателей данного вида преступлений. Так можно назвать методику расследования убийств, совершенных с целью завладения жилой площадью [1, с. 72—79], методика расследования групповых убийств [2, с. 63—68], расследования убийств при отсутствии трупа [3, с. 241—244] и др.

В криминалистической науке проблеме разработки и совершенствования методики расследования убийств уделено большое внимание. На практике правоохранительные органы по-прежнему зачастую сталкиваются с трудностями в раскрытии и расследовании данных особо опасных преступлений. Это можно объяснить, на наш взгляд, большим разнообразием способов, мотивов, мест, времени совершения убийств, личностей потерпевших, влекущих разнообразие механизма следообразования, необходимость использования в целях отыскания, изъятия и исследования следов большого количества технических средств и т.д.

В этих условиях, по-нашему мнению, на первое место должна выходить проблема надлежащего криминалистического обеспечения деятельности по предварительному расследованию и судебному разбирательству по уголовным делам об убийствах.

Мы полагаем, что криминалистическое обеспечение должно охватывать всю деятельность по выявлению, предварительному расследованию и судебному разбирательству дел об убийствах. Криминалистическое обеспечение должно начинаться уже на этапе проверки сообщения о совершенном убийстве. В тех

ситуациях, когда факт убийства носит неочевидный характер, требуется проведение проверочных действий для установления признаков совершенного убийства и принятия на этом основании процессуального решения о возбуждении уголовного дела.

На этапе проверки сообщения об убийстве применяются такие элементы криминалистического обеспечения, как организация деятельности по проверке сообщения о совершенном убийстве, планирование проведения проверочных действий, выдвижение и проверка версий о произошедшем событии преступления и составляющих его элементах, проведение следственных действий, предусмотренных УПК РФ, взаимодействие с органами дознания.

Как показало проведенное исследование, в большей степени в криминалистическом обеспечении нуждаются стадии предварительного и судебного следствия по уголовным делам об убийствах.

Как показало проведенное исследование, именно на этих стадиях возникает наибольшее количество проблем, требующих их разрешения криминалистическими методами. Стадия возбуждения уголовного дела с точки зрения криминалистического обеспечения соединяется со стадией предварительного расследования. На стадии возбуждения уголовного дела возникают исходные ситуации, которые находят свое дальнейшее развитие на стадии предварительного расследования, уже на стадии возбуждения уголовного дела выдвигаются следственные версии, но алгоритмы по их разрешению уже реализуются в рамках предварительного следствия. В судебном разбирательстве криминалистическое обеспечение наиболее представлено на этапе судебного следствия, в ходе которого исследуются выводы предварительного следствия, проводятся необходимые судебные действия следственного характера, в ходе которых сторонами и судом могут применяться разработанные в криминалистике тактические приемы, возникают свои ситуации судебного следствия, которые могут отличаться от ситуаций предварительного расследования и требуют применения разработанных криминалистических алгоритмов по их разрешению.

Анализ криминалистической литературы показал, что вопрос о криминалистическом обеспечении расследования преступлений

остаётся дискуссионным в криминалистической науке, среди ученых-криминалистов нет единого мнения относительно понятия, содержания данной категории.

Впервые понятие криминалистического обеспечения расследования преступлений было введено в научный оборот В.Г. Коломацким, который определял его как систему внедрения в практическую деятельность должностных лиц, подразделений, служб и органов внутренних дел по охране общественного порядка и борьбе с преступностью криминалистических знаний, воплощенных в умении работников использовать научные, методические и тактические криминалистические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения в целях предотвращения, раскрытия и расследования преступлений [4, с. 62].

По мнению Р.С. Белкина «Под криминалистическим обеспечением деятельности органов внутренних дел в целом, и криминальной милиции, в особенности, понимается система криминалистических знаний, и основанных на них навыков и умений их сотрудников использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений [5, с. 64]» Как видно, данное определение схоже с определением В.Г. Коломацкого.

По мнению А.Ф. Волынского «Под криминалистическим обеспечением понимается комплексная, по своему содержанию, деятельность, направленная на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций в целях раскрытия и расследования преступлений [6, с. 18—21]», т.е. он под криминалистическим обеспечением понимает не криминалистически значимую для раскрытия, расследования, судебного разбирательства и предупреждения преступлений информацию в виде криминалистических знаний, а деятельность, направленную на создание условий готовности использования достижений криминалистики в деле борьбы с преступностью. При этом в определе-

нии не раскрывается, что автор понимает под созданием условий постоянной готовности.

Анализ вышеизложенных точек зрения на понятие криминалистического обеспечения расследования показывает, что их условно можно разделить на две группы: одна группа авторов подразумевает под криминалистическим обеспечением расследования систему криминалистических знаний, другая понимает под ним деятельность, направленную на создание условий готовности применения технических средств для раскрытия и расследования преступлений.

Кроме того, проведенный анализ криминалистической литературы показал, что среди ученых пока еще не сложилось единого мнения о данной научной категории: одни авторы говорят о технико-криминалистическом обеспечении расследования, другие — о тактико-криминалистическом, третьи включают в это понятие, наряду с техникой и тактикой, методико-криминалистические рекомендации. Кроме того, как видно из вышеперечисленных определений, все указанные авторы ведут речь о криминалистическом обеспечении только в рамках раскрытия и предварительного расследования преступлений.

Предметом криминалистического обеспечения предварительного расследования и судебного разбирательства являются закономерности преступной деятельности по совершению убийств, закономерности деятельности по предварительному и судебному следствию по уголовным делам об убийствах.

Познание преступной деятельности по совершению убийств осуществляется, по нашему мнению, путем проведения проверочных действий по фактам совершения действий либо обнаружения трупов с признаками насильственной смерти, следственных действий в рамках возбужденных уголовных дел и оперативно-розыскных мероприятий, также в процессе проведения экспертных исследований. Исследование преступной деятельности в рамках возбужденного уголовного дела по факту убийства осуществляется в форме доказывания в порядке, предусмотренном УПК РФ. Предмет доказывания по уголовным делам об убийствах — это

совокупность фактических обстоятельств, которые должны быть установлены по уголовному делу в целях его правильного разрешения.

Доказывание по уголовным делам об убийствах осуществляется практически на всех стадиях уголовного процесса. В досудебных стадиях преимущественно собираются и проверяются доказательства, необходимые и достаточные с точки зрения следователя для установления всех обстоятельств предмета доказывания. Доказывание в рамках возбужденного уголовного дела об убийстве осуществляется в процессуальной форме. Устанавливая порядок производства следственных действий, основания и цель их производства; круг участников и их статус, порядок оформления; особенности, характерные для получения отдельных видов доказательств или производства в той или иной стадии, она придает определенность процессу доказывания; обеспечивает соблюдение прав участников процесса доказывания; позволяет предметно обжаловать и оспаривать допускаемые нарушения [7, с. 69].

В суде первой инстанции проверяются и оцениваются собранные на досудебных стадиях доказательства, что не исключает права представить суду новые доказательства. Существуют особенности процесса доказывания, характерные для суда присяжных. Наряду с процессуальным доказыванием по уголовным делам об убийствах, можно, на наш взгляд, выделить криминалистическое доказывание по уголовным делам об убийствах.

По-нашему мнению, в целом система криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства по уголовным делам об убийствах, включающая в себя криминалистическое обеспечение предварительного и судебного следствия, должна соответствовать системе криминалистической науки и включать в себя: общетеоретические положения о криминалистическом обеспечении уголовного судопроизводства по уголовным делам об убийствах (понятие, научные основы, правовые, организационные основы); технико-криминалистическое обеспечение уголовного судопроизводства по уголовным делам об убийствах; тактико-криминалистическое обеспечение уголовного судопроизводства по делам об убийствах; методико-криминалистическое обеспечение уголовного судопроизводства по делам об убийствах; методико-криминалистическое обеспечение уголовного судопроизводства по уголовным делам об убийствах.

производства по делам об убийствах; методико-криминалистическое обеспечение уголовного судопроизводства по уголовным делам об убийствах.

Таким образом, криминалистическое обеспечение уголовного судопроизводства по уголовным делам об убийствах можно определить, как систему элементов технико-, тактико-, методико — криминалистического обеспечения, вопросов подготовки, предоставления криминалистических знаний сотрудникам следственных органов, суда и прокуратуры по предварительному и судебному следствию уголовных дел.

В криминалистической науке предпринимались неоднократные попытки классификации криминалистических методик, которые имеют практическое применение при расследовании преступлений, в том числе убийств. Так, Н.Г. Шурухнов выделял общие и частные криминалистические методики — в зависимости от количества охватываемых рекомендациями преступлений; простые и сложные — обусловленные сложностью преступлений; специальные и универсальные — по характеру и количеству поставленных целей; транснациональные и национальные — по действию в пространстве [8, с. 252]. А.Н. Матерова, Л.И. Полтавцева выделяют типичные, специальные и сложные методики. Они отмечают: «Типичными методиками являются те, которые строятся в соответствии с типами преступлений, предусмотренных уголовным законодательством. Например, методика расследования убийств, грабежей, незаконного оборота наркотиков. К специальным методикам расследования относятся те, которые построенные не на основе уголовно-правовых видов преступлений, а по другим основаниям. Специальные методики, а также типичные, можно разделить на общие и частные. Среди них будут распространяться те, которые выделяются только для одной криминалистической основы, например, методика расследования преступлений на транспорте, методика расследования преступлений несовершеннолетних, повторных преступлений и т.д. Частными специальными методиками выступают те методики, которые выделяются из общих по нескольким

основаниям. То есть, можно разделить специальные частные методики по аналогии с типичными на этапе создания (одноступенчатые, двухступенчатые и т.д.). Сложные методики расследования преступлений должны включать в себя комплекты методических рекомендаций, выделяемых на основе одновременно уголовно-правовой и иной, криминологически значимой классификации преступлений [9, с. 107]»

С.И. Земцова выделяет методики расследования определенного вида преступлений, более низкий уровень общности методических рекомендаций имеют методики расследования группы однородных преступлений (комплексные методики), методики расследования преступлений отдельного вида (это основные частные методики расследования отдельных видов и разновидностей преступлений) [10, с. 32—33].

Проблемой эффективной борьбы с убийствами методами криминалистики является отсутствие сквозной криминалистической методики предварительного и судебного следствия уголовных дел, которая включала бы в себя и тактико-методические рекомендации по проведению судебных действий следственного характера в суде, с учетом складывающихся ситуаций судебного следствия, как центральной, наиболее важной части судебного разбирательства.

В качестве объекта сквозной криминалистической методики предварительного следствия и судебного следствия по уголовным делам об убийствах выступает, с одной стороны, преступная деятельность по совершению убийств, с другой стороны — криминалистическая деятельность по выявлению, раскрытию, предварительному и судебному следствию убийств.

В качестве предмета выступает познание закономерностей ситуаций преступной деятельности по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, а также закономерностей по выявлению, раскрытию и предварительному и судебному следствию преступлений, в складывающихся ситуациях предварительной проверки, предварительного и судебного следствия. Необходимость разработки сквозной криминалистической методики обуславливается, на наш взгляд, их связью с точки зрения криминалистической методики.

1. Так, имеется связь с позиции следственных действий и судебных действий следственного характера, проводимых, как на предварительном, так и в судебном следствии: 1) и там, и там имеют место быть осмотр места происшествия, местности, помещения, предметов и документов, вещественных доказательств; 2) и на предварительном следствии, и в судебном предусмотрено проведение опознания; 3) следственный эксперимент; 4) проводятся допросы, при этом в суде у некоторых участников, при сохранении их личности, меняется процессуальный статус в суде (обвиняемый-подсудимый); 5) и на предварительном, и в судебном может проводиться предъявление для опознания; 6) и там, и там предусмотрено проведение судебных экспертиз, допросов экспертов, специалистов, привлечение специалистов к участию в следственных и судебных действиях (ст. 54, 80, 168, 195—207, 270, 282, 283 УПК РФ).

2. В пользу формирования сквозной криминалистической методики предварительного и судебного следствия убийств свидетельствует, по-нашему мнению, схожий состав их участников.

А) На предварительном, и в судебном следствии участвуют потерпевшие, свидетели, эксперты, специалисты.

Б) Имеет место быть и на предварительном, и в судебном следствии фигура прокурора, который на предварительном следствии осуществляет надзорные функции за предварительным расследованием, в суде он приобретает процессуальным статус государственного обвинителя.

В) Принимает участие в ходе предварительного, и судебного следствия судья, который на предварительном следствии рассматривает ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, ее продлении, выносит постановление о разрешении следственных действий, либо об отказе в порядке ст. 165 УПК РФ. Судья же после передачи дела в суд, рассматривает его в судебном процессе.

Г) И на предварительном следствии, и в судебном разбирательстве могут принимать участие гражданские истцы и ответчики, которые допрашиваются в качестве таковых.

Д) На предварительном следствии может принимать участие переводчик, который может участвовать в судебном следствии, а также допрашиваться об обстоятельствах сделанного им перевода в качестве свидетеля, как на предварительном следствии, так и в судебном.

3. На предварительном и в судебном следствии имеет место быть использование специальных знаний, применение которых рассматривается в рамках указанной методики (назначение экспертиз, допросы экспертов, специалистов, привлечение их к участию в расследовании и судебном следствии).

4. Еще одним аргументом в пользу формирования сквозной криминалистической методики предварительного и судебного следствия убийств является наличие форм взаимодействия, как на предварительном следствии, так и в судебном.

5. Субъектами, которые могут воспользоваться разработанной автором сквозной криминалистической методикой предварительного и судебного следствия по уголовным делам об убийствах, являются следователь, прокурор (государственный обвинитель), защитник, эксперт, суд.

6. В пользу формирования сквозной криминалистической методики предварительного и судебного следствия по уголовным делам об убийствах свидетельствует наличие на предварительном и в судебном следствии участников преступного события (потерпевшие, лицо, совершившие преступление, свидетели, понятые).

7. Еще одним аргументом в пользу создания сквозной криминалистической методики предварительного и судебного следствия по уголовным делам об убийствах является использование информационных моделей, применяемых, как на предварительном следствии, так и в суде. Речь идет об обстоятельствах, подлежащих установлению и доказыванию, типовых информационных моделях механизмов убийств, информационных моделях криминалистических характеристик убийств.

8. В пользу сквозной криминалистической методики говорит и то, что и на предварительном следствии, и в суде исследуется одно и то же событие убийства, вещественные доказа-

тельства, орудия убийства, также признаки и свойства обстановки совершения убийства, которые исследуются на предварительном следствии и в суде, признаки и свойства механизма совершенного убийства.

9. И предварительное, и судебное следствие по уголовным делам об убийствах объединяет общая цель — установление и изучение действительных обстоятельств дела и вынесения законного и обоснованного решения по делу. Цель сквозной криминалистической методики предварительного и судебного следствия убийств — установление события преступления, избличение лиц виновных в совершении преступления, доказывание виновности или невиновности, принятие законных и обоснованных решений по делу, защита прав и законных интересов.

Структура сквозной криминалистической методики предварительного и судебного следствия убийств, по мнению автора, включает в себя информационную (теоретическую) и прикладную (практическую) части. Информационная (теоретическая) включает в себя: понятие, источники формирования, принципы, задачи, методы, обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию, информационные модели криминалистических характеристик убийств и типовые модели механизма убийств.

Прикладная (практическая) часть включает в себя: особенности первоначального этапа расследования или судебного следствия убийств; исходные следственные или судебные ситуации и программы по их разрешению; криминалистические или судебные версии и программы по их проверке; особенности тактики процессуальных действий; использование специальных знаний на предварительном и судебном следствии; способы взаимодействия участников предварительного и судебного следствия. К источникам сквозной криминалистической методики предварительного и судебного следствия по уголовным делам об убийствах можно отнести информационные, практические, правовые и научные источники. К информационным источникам относятся данные оперативно-справочных, экспертно-криминалистических, справочно-вспомогательных учетов. Практические источники со-

ставляют результаты изучения и обобщения практики раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел об убийствах, также оперативно-розыскной и экспертной деятельности. К правовым источникам сквозной криминалистической методики предварительного и судебного следствия по уголовным делам об убийствах относятся действующее уголовное, уголовно-процессуальное законодательство РФ, положения Конституции РФ, нормы международного права, применяемые на территории РФ.

К научным источникам сквозной криминалистической методики предварительного и судебного следствия по уголовным делам об убийствах относятся данные самой криминалистической науки, содержащиеся в её общих положениях, криминалистической технике и криминалистической тактике, а также данные других естественных гуманитарных и технических наук, используемые в целях успешного выявления, расследования и судебного рассмотрения убийств и для профилактики этих преступлений.

К числу принципов такой сквозной криминалистической методики можно отнести законность, всесторонность, полноту расследования, взаимодействие с органами дознания, использования в расследовании помощи общественности и СМИ, использование помощи специалистов и экспертов в расследовании и судебном рассмотрении дел об убийствах, установление причин и условий, способствующих совершению убийств. К задачам сквозной криминалистической методики предварительного и судебного следствия по уголовным делам об убийствах относятся обеспечение эффективного и оперативного выявления, раскрытия, предварительного расследования и судебного разбирательства дел об убийствах, разработка и внедрение в следственную и судебную практику методических рекомендаций по предварительному и судебному следствию дел об убийствах. К методам, применяемым для формирования сквозной криминалистической методики предварительного и судебного следствия по уголовным делам об убийствах, в рамках единого их криминалистического обеспечения, можно отнести методы, используемые криминалистиче-

ской наукой, такие, как диалектический метод (всеобщий метод познания), общенаучные методы, частнонаучные и специальные.

К задачам сквозной криминалистической методики предварительного и судебного следствия по уголовным делам об убийствах относятся обеспечение эффективного и оперативного выявления, раскрытия, предварительного расследования и судебного разбирательства дел об убийствах, разработка и внедрение в следственную и судебную практику методических рекомендаций по предварительному и судебному следствию дел об убийствах. Помимо этого, важным направлением является выявление в ходе предварительного расследования и судебного следствия причин и условий, способствовавших совершению убийств и их устранение.

Таким образом, сквозную криминалистическую методику уголовного судопроизводства по уголовным делам об убийствах автор определил, как основанную на анализе судебно-следственной практики совокупность научно-обоснованных рекомендаций, обеспечивающих и охватывающих все стадии судопроизводства.

Список источников

1. *Медведев Р.Н.* Программы расследования убийств, совершенных с целью завладения жилой площадью на первоначальном этапе расследования // Юридическая мысль. 2009. № 1 (51). С. 72—79
2. *Митюшкин Ю.И.* Эффективность первоначального этапа расследования группового убийства: уроки расследования одного преступления // Вопросы российской юстиции. 2015. № 1. С. 63—68
3. *Асланова С.И.* Отдельные аспекты методики расследования убийств при отсутствии трупа // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 9(25). С. 241—224
4. Криминалистика: История, общая и частные теории. В 3-х томах: Учебник. Т. 1 / Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Возгрин И.А., Волынский А.Ф., и др.; Под ред.: Белкина Р.С., Коломацкого В.Г. М.: Изд-во Акад. МВД России, 1995. 280 с.

5. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования/ Под ред. проф. Т.В. Аверьяновой и проф. Р.С. Белкина. М., 1997. 400 с.

6. *Волынский А.Ф.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. 195с.

7. *Стовповая А.Г.* Уголовный процесс. Курс лекций. СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. 208 с.

8. *Шурухнов Н.Г.* Классификация криминалистических методик расследования преступлений, ее теоретическое и практическое значение // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 252—256

9. *Матерова А.Н.* К вопросу о видах криминалистических методик расследования преступлений/ А.Н. Матерова, Л.И. Полтавцева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 8 (99). С.106—108.

10. *Земцова С.И.* Криминалистические методики расследования преступлений: понятие, классификация и перспективные направления расследования С.И. Земцова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1 (9). С. 27—39.

References

1. *Medvedev R.N.* Investigation programs of murders committed with the aim of seizing residential space at the initial stage of the investigation // Legal thought. 2009. No.1 (51). pp.72—79

2. *Mityushkin Yu.I.* The effectiveness of the initial stage of the investigation of a group murder: lessons from the investigation of one crime // The waters of the Russian justice. 2015. No. 1. pp. 63—68.

3. *Aslanova S.I.* Some aspects of the methodology of investigation of murders in the absence of a corpse // Alley of Science. 2018. Vol.3. No. 9(25). pp.241—224

4. Criminalistics: History, general and particular theories. In 3 volumes: Textbook. Vol. 1 / Averyanova T.V., Belkin R.S., Vozgrin I.A., Volynsky A.F., etc.; Ed.: Belkin R.S., Kolomatsky V.G. M.: Publishing House of the Academy. The Ministry of Internal Affairs of Russia, 1995. 280 s.

5. Forensic support of the activities of the criminal police and preliminary investigation bodies / Edited by prof. T.V. Averyanova and prof. R.S. Belkin. M., 1997. 400s.

6. *Volynsky A.F.* Criminalistic support for the disclosure and investigation of crimes: textbook. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2016. 195s.

7. *Stovpovaya A.G.* Criminal trial. A course of lectures. St. Petersburg: Publishing House of SPbGUEF, 2007. 208s.

8. *Shurukhnov N.G.* Classification of criminalistic methods of crime investigation, its theoretical and practical significance // Bulletin of Tomsk State University. 2020. No. 450. pp. 252—256

9. *Materova A.N.* On the question of the types of criminalistic methods of crime investigation / A.N. Materova, L.I. Poltavtseva // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2018. No. 8 (99). pp.106—108.

10. *Zemtsova S.I.* Criminalistic methods of crime investigation: concept, classification and promising directions of investigation S.I. Zemtsova // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2019. No. 1 (9). pp. 27—39

О структуре частной криминалистической методики расследования преступлений экстремистской направленности

Анатолий Михайлович Кустов,

Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики

Института экономики и права МГОУ, профессор Академии управления МВД России

E-mail: amkustov@bk.ru

Олеся Александровна Макарова,

Кандидат юридических наук, доцент БФУ им. И. Канта,
член Союза криминалистов и криминологов

E-mail: mgf1906@yandex.ru

Аннотация. Цель: сформулировать выводы и предложения, касающиеся структуры частной методики расследования преступлений экстремистской направленности, в частности, такого элемента, как проверка сообщения о преступлении экстремистской направленности.

Методология: синтез, анализ, комплексный подход, системно-структурный метод, сравнение, обобщение, ситуационный подход.

Выводы. Природа, такого явления, как экстремизм разрушительна. Экстремизм не имеет границ и носит транснациональный характер. Доступность информационно-телекоммуникационных технологий изменила качественные и количественные характеристики современных преступлений экстремистской направленности. Авторами обосновывается объективная потребность в переосмыслении структуры частной методики расследования преступлений экстремистской направленности, обращается внимание на необходимости выделения такого элемента как проверка сообщения о преступлении.

По мнению авторов, проверка сообщения о преступлении экстремистской направленности должна включать в себя следующие элементы: принятие, изучение и регистрация сообщения о преступлении; непосредственно проведение проверочных действий; вынесение решения по результатам проверки. Представляется, что в частной методике расследования данной группы преступлений обязательно должен быть разработан подробный алгоритм действий должностного лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Содержание и характер этих действий зависит от ряда обстоятельств, в том числе складывающихся следственных ситуаций, которые можно сформулировать как доследственные ситуации.

Научная и практическая значимость. Результаты проведенного исследования могут быть использованы как в практической деятельности правоохранительных органов, так и в дальнейших теоретических разработках в рамках общей теории криминалистической методики расследования преступлений

Ключевые слова: экстремизм, преступление, экстремистская направленность, частная методика, структура, проверка сообщения о преступлении

Для цитирования: А.М.Кустов, О.А. Макарова. О структуре частной криминалистической методики расследования преступлений экстремистской направленности // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 76—87.

To the question of the structure of the private forensic methodology for investigating extremist crimes

Anatoly Mikhailovich Kustov,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Institute of Economics and Law of Moscow State University, Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: amkustov@bk.ru

Olesya Aleksandrovna Makarova,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Immanuel Kant Baltic Federal University, a member of the Union of criminalists and criminologists

E-mail: mgf1906@yandex.ru

Abstract. Mission: formulate conclusions and proposals regarding the structure of a private methodology for investigating crimes of an extremist orientation, in particular, such an element as checking a report on a crime of an extremist orientation.

Methodology: synthesis, analysis, integrated approach, system-structural method, comparison, generalization, situational approach.

Conclusions. The nature of such a phenomenon as extremism is destructive. Extremism has no borders and is transnational in nature. The availability of information and telecommunication technologies has changed the qualitative and quantitative characteristics of modern extremist crimes. The authors substantiate the objective need to rethink the structure of the private methodology for investigating extremist crimes, draw attention to the need to highlight such an element as checking a crime report.

According to the authors, verification of a message about a crime of an extremist orientation should include the following elements: acceptance, study and registration of a message about a crime; direct verification activities; making a decision based on the results of the audit. It seems that in a private methodology for investigating this group of crimes, a detailed algorithm for the actions of an official who checks a report of a crime in order to resolve the issue of initiating a criminal case must necessarily be developed. The content and nature of these actions depends on a number of circumstances, including emerging investigative situations that can be formulated as pre-investigation situations.

Scientific and practical significance. The results of the study can be used both in the practical activities of law enforcement agencies and in further theoretical developments within the framework of the general theory of the forensic methodology for investigating crimes

Key words: extremism, crime, extremist orientation, private technique, structure, verification of a crime report

Массовые акции преступных группировок, носящих экстремистского характера, в мировом сообществе в настоящее время получили государственную, политическую, национальную, религиозную и криминальную направленность. В том или ином регионе мира данные акты в процессе формирования механизма преступной деятельности приобретают те или иные особенности. Угрожая насилием, экстремисты используют чувство страха как средство для принуждения своих противников подчиняться их требованиям.

Закрепилось особое направление криминальной деятельности — целенаправленная

экстремистская деятельность реже преступниками-одиночками и чаще организованными преступными группами, преступными организациями, направленная на изменение социально-экономической формации, разрушение государственной идеологии, изменение формы правления и государственно-политический режим как в отдельном государстве (или отдельном регионе мира), так и в отдельном субъекте Российской Федерации или в государстве в целом.

В последние годы стала просматриваться тенденция кооперирования и сотрудничества между экстремистскими группами, оказания

политической, моральной и материально-финансовой помощи данным организациям и группам со стороны отдельных лиц и государств — это с целью привлечения внимания мировой общественности к поднимаемым экстремистскими проблемам. Криминальная деятельность подобных групп (организаций) складывается из отдельных преступлений экстремистского характера, отличающихся по целям и средствам, объектам и исполнителям и по территории деятельности.

Перед учеными-криминалистами, в условиях расширения предмета и объектов научно-го познания, встают задачи обеспечения исследований отдельных видов деятельности, в первую очередь, следственной деятельности в рамках борьбы с терроризмом и экстремизмом. В ходе которой реализуются оперативно-розыскная и экспертная деятельность.

В связи с этим своего разрешения требует актуальный вопрос — определение содержания и структуры методико-криминалистического обеспечения деятельности следователя по расследованию преступлений экстремистского характера (направленности), которая выражается в структуре частной криминалистической методики.

Структура частной методики расследования преступлений экстремистского характера (направленности), на наш взгляд, сегодня сформировалась следующим образом: *теоретико-информационная часть (т.е. в нее входят информационные модели):* обстоятельства, подлежащие доказыванию; криминалистическая характеристика указанных преступлений; типичная модель механизма преступления; *прикладная часть, (т.е. практическая часть):* особенности первоначального этапа расследования: типичные исходные следственные ситуации и типичные криминалистические версии и программы по их разрешению или проверки; особенности последующего этапа расследования: типичные последующие следственные ситуации и типичные следственные версии и программы по их разрешению и проверки; заключительный этап расследования [1, с. 201—210].

Во-первых, можно сделать вывод о том, что методико-криминалистическое обеспечение деятельности следователя по расследованию указанных преступлений — это система полученных криминалистических знаний и основан-

ных на них навыков и умений следователей использовать методы и методики, средства и рекомендации криминалистики в целях эффективности выполнения своих функциональных обязанностей в борьбе с преступностью (в том числе, экстремистской направленности) и защите нарушенных прав и свобод гражданина и человека.

Во-вторых, анализ судебно-следственной практики позволил прийти к следующему неутешительному выводу о том, что в настоящее время экстремизм становится своего рода индустрией, работающей на экспорт. Экстремистские организации формируют политическое направление своей преступной деятельности, уточняют стратегические цели и новые задачи. Они имеют высокую организованность, иерархическую структуру с руководящим звеном и специальной системой обеспечения безопасности и конспирации.

В своей преступной деятельности данные криминальные структуры используют политические связи, сфокусированные в зоне будущего противоправного акта, в том числе, и коррумпированные связи в различных органах публичной власти. В данных преступных организациях просматриваются несколько структурных звеньев: исполнительское звено, в состав которого входят исполнители криминальных заказов; организованно- контрольное звено, в состав которого входят лица (бригады), организующие и контролирующие деятельность исполнителей, обеспечивающие безопасность группы и разрешающие конфликты, возникающие внутри группы; руководящее звено — лидеры преступной организации, вырабатывающие стратегию и тактику деятельности группы (организации).

На всем протяжении экстремистской деятельности, как на подготовительном этапе и этапе непосредственного совершения противоправного акта, так и на этапе сокрытия последствий преступного события, члены криминальных формирований совершают действия, которые могут квалифицироваться как отдельные преступления.

Механизм деятельности преступной группировки [7, с. 773, с. 822] (или механизм совершаемых преступлений) формируется из следующих этапов: *начальный этап* формирования механизма преступной деятельности

экстремистской группы (организации), как правило, характеризуется образованием конфликтной ситуации (политико-экономического характера) на определенной территории страны.

В своей подготовительной деятельности лидеры таких группировок, прежде всего, используют передовые компьютерные технологии, возможности телекоммуникационной сети Интернет, спутниковую связь, мобильные средства связи, ноутбуки и смартфоны, различные мессенджеры и возможности социальных сетей как средств коммуникации, которые позволяют большинству из них эффективно и безопасно общаться между собой, усиливать действенность пропаганды идей экстремистов.

Члены криминальных групп посредством современных средств связи обмениваются информацией со своими единомышленниками, проживающими в различных точках страны или за рубежом. Используя социальные сети, мессенджеры, имиджборды как основное средство коммуникации, куда они выкладывают свои реплики, манифесты, видео-ролики, видео-обращения и различную информацию, тем самым насыщая общедоступные социальные сети (например, «ВКонтакте») подстрекательской риторикой, способную повлиять на умы людей и развить экстремизм в их мышлении.

Данный этап формируется, как из открытых действий (в отдельных случаях), так и из действий, совершаемых в условиях строжайшей конспирации. Среди них можно назвать такие действия, как: постановка программной цели совершения акта политико-идеологического или национально-шовинистического характера; подбор и принятие в организацию бойцов, исполнителей, пособников; разработка плана дальнейшей деятельности (отражение в плане мотивов, целей, сроков и средств реализации, а также исполнителей и приемов конспирации); выработка норм поведения в сфере взаимоотношений членов такой группы между собой и с окружающим миром.

На этом этапе экстремисты в рамках подготовки к противоправному акту: осуществляют приискание технических средств совершения криминальных актов, незаконные изготовление или подделку паспортов либо других равнозначных документов, ввоз их в страну, приобретение, хранение фальшивых документов, получение документов на основании лож-

ных заявлений или документов; определяют объекты преступного посягательства; экстремисты определяются с местом и временем осуществления акта, приемами и направлениями отхода с места совершения преступления; они формулируют (согласовывают) свои требования или требования заказчика данного акта; осуществляют действия по сокрытию следов подготовительной деятельности группы.

Основной этап механизма преступной деятельности экстремистской организации формируется из следующих действий и элементов: прибытие на место запланированного преступления; ознакомление со сложившейся на данный момент обстановкой; уточнение ролевых функций и распределение членов группы по местам дислокации; корректировка плана дальнейших действий членов группы и открытие совершение противоправного акта (актов).

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»¹ определяет достаточно широкий перечень способов совершения актов экстремизма: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием или угрозой его применения;

- совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти

или вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходные с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанных действий либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению и т.д.

Согласно плану осуществление противоправного акта до или после его совершения преступники выдвигают (передают в администрацию) свои или согласованные с заказчиком требования политико-идеологического или национально-шовинистического характера; вступают в переговоры с представителями властных структур, после согласования некоторых позиций требований чаще всего преступники прекращают свою криминальную деятельность. На основном этапе формирования преступлений осуществляются действия по сокрытию следов преступной деятельности на месте совершения акта (как показало изучение следственной практики, данные действия осуществляются крайне редко).

Заключительный этап механизма преступной деятельности экстремистской организации формируется из следующих действий и элементов: уход с места совершения противоправного акта с быстрым переодеванием; сокрытие или уничтожение плакатов, символов, использованной одежды и средств совершения преступлений; выезд (вылет) по заранее приобретенным билетам за границу или в другую местность, используя поддельные документы; восстановление кадрового потенциала группы для совершения новых заказных актов экстремизма.

В-третьих, исходя из сказанного можно сделать вывод о том, что ввиду особой сложности следственной деятельности по противодействию экстремизму (т.е. связи с высокой степенью организованности преступной группы, в которой её члены действуют скрытно и конспиративно) и расследованию аналогичных преступлений, особое значение в разрабатываемых частных методиках учеными может или должно придаваться *этапу проверки сообщения о преступлении, т.е. этапу следственной проверки*. Ранее мы обозначали этот этап как этап сбора и проверки материалов для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Представляется, что он должен войти в структуру общей и частной криминалистической методики. В нем должно быть выделено особое место и описаны мероприятия по выявлению признаков совершенного преступления, выявлению фактов о замышляемых и подготавливаемых преступлениях экстремистского характера, иными словами о *скрытых (латентных)* преступных деяниях выявляемых следователем. В рамках данной деятельности следователь может выявлять лиц, осуществляющих экстремистскую деятельность. Данная работа должна осуществляться во взаимодействии с органом дознания (дознавателем), оперативными сотрудниками отделов по противодействию экстремизму (отдел «Э»), уголовного розыска, участковыми уполномоченными и другими службами органов внутренних дел.

Анализ материалов следственной и судебной практики свидетельствует о наличии целого комплекса проблем, возникающих, не только при расследовании, но и при проверке сообщения о преступлении, которая регламентируется ст. 144, 145 УПК РФ². Очевидно, что следственные ошибки в ходе следственной проверки, убеждают в необходимости углубленного изучения со стороны не только практиков, но и научного сообщества.

Р.С. Белкин сравнивал этап проверки сообщения о преступлении «с наступлением, когда войска в условиях дефицита времени, прилагая максимальные усилия, добиваются успеха» [8, с.380]. Так, по его мнению, данный этап считается окончанным, когда все «начальные доказательства» обнаружены и закреплены, все неотложные следственные действия произведены, все, что представлялось необхо-

димым выполнено. В момент получения информации о преступлении следователь находится в ситуации информационной недостаточности. Анализ материалов следственной практики, монографической литературы показал, что ситуация, в которой находится следователь на данном этапе является сложной и относится к ситуациям тактического риска. Зачастую, лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка пытается уничтожить следы, содержащие доказательственную информацию о преступлении.

В научной криминалистической литературе деятельность правоохранительных органов по проверке информации о преступлении до сих пор не обозначена единым термином и чаще всего именуется проверкой, проверочными действиями, доследственной проверкой, предварительной проверкой, рассмотрением сообщений о преступлении и т.д. Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что мы считаем необходимым использовать словосочетание «проверка сообщения о преступлении», поскольку данная формулировка свидетельствует об указанной деятельности как о функционально самостоятельном этапе стадии возбуждения уголовного дела.

А.Н. Ильин под проверкой сообщения о преступлении понимает прием и регистрацию информации о предполагаемом преступном событии, выявление в ней наличия или отсутствия фактических данных, указывающих на признаки преступления, а также сбор дополнительных сведений о следах преступного события [8, с. 33].

Результаты изучения судебной практики и архивных уголовных дел, а также судебных приговоров показывают, что проверка сообщения о совершенном тяжком и особо тяжком преступлении проводилась почти во всех случаях — в 98%. Анкетный опрос следователей и дознавателей также показал, что их подавляющее большинство — 95% — считают проведение предварительной проверки сообщения о преступлении — целесообразным [8, с. 85—111].

С учетом данного обстоятельства информационно-поисковая направленность деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении [8, с. 52; 4, с. 34] и правоприменительная практика свидетельствуют, что в методике расследования преступлений значительную

роль должны играть рекомендации по оптимизации деятельности, связанной с рассмотрением сообщений об их совершении.

Некоторые ученые-криминалисты придерживались и придерживаются точки зрения о том, что нет необходимости в разработке криминалистических рекомендаций для проведения проверочных действий до возбуждения уголовного дела. В частности, А.Н. Васильев отмечал: «Рассмотрение первичных материалов и возбуждение уголовного дела должно относиться к науке уголовного процесса, а не к методике расследования и не к криминалистике вообще» [7, с. 61]. Р.С. Белкин не отрицал необходимость разработки криминалистических рекомендаций оценки исходных данных и указывал, что их следует определять в ходе рассмотрения вопросов направления и планирования расследования, а не выделять в самостоятельный структурный элемент частной методики [8, с. 333—334].

И.А. Возгрин [9, с. 275, с. 294—314], А.Г. Филиппов [10, с. 122], Э.С. Мурадов [11, с. 148—152] и многие другие выделяют рассмотрение сообщения о преступлении в качестве самостоятельного предварительного этапа. Иную позицию занимает Н.П. Яблоков, который считает, что данный этап следует выделять в определенных случаях, например, при по многоэпизодным сложным преступлениям или по преступлениям, связанным с нарушением технических, технологических и иных правил [12, с.549]. При этом первоначальный этап расследования начинается с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

С.Ю. Косарев и другие криминалисты включают действия по рассмотрению сообщения о преступлении в начальный этап расследования [13, с. 83]. В частности, Р.С. Белкин отмечал: «Начальный этап фактически может иметь своим исходным моментом осмотр места происшествия, производимый до возбуждения уголовного дела, но, как правило, — до принятия дела к производству расследования» [8, с. 393]. Однако мы придерживаемся позиции, согласно которой деятельность по проверке сообщения о преступлении не является этапом расследования, поскольку само расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела. Таким образом, проверка сообщения о преступлении, по нашему

мнению, является криминалистическим этапом по установлению наличия (отсутствия) признаков преступлений определенного вида.

Проверка сообщения о преступлении как этап криминалистической деятельности по установлению наличия (отсутствия) признаков преступления определенного вида, обладает следующими признаками: имеет специфические задачи и цели, главная из которых — обеспечение принятия законного и обоснованного решения, предусмотренного УПК РФ; осуществляется в короткие сроки, предусмотренные УПК РФ, и в условиях серьезной информационной неопределенности; проводится надлежащими субъектами; реализуется в ходе проведения ограниченного количества следственных и иных процессуальных действий (осмотр места происшествия, предметов, документов, назначение судебных экспертиз, освидетельствование, получение объяснений, назначение исследований).

В криминалистической литературе многими учеными поддерживается подход к делению деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении на этапы, поскольку она не является однородной по содержанию и целям [14, с. 41].

В связи с этим полагаем, что проверка сообщения о совершенном преступлении как криминалистический этап деятельности по установлению наличия (отсутствия) признаков преступлений определенного вида включает в себя следующие элементы: принятие, изучение и регистрация сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ); непосредственно проведение проверочных действий (ст. 144 УПК РФ); вынесение решения по результатам проверки (ч. 1 ст. 145 УПК РФ)³.

В теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел под выявлением лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, понимается процесс осуществления комплекса оперативно-розыскных, иных мероприятий, включающих поиск и получение первичных сведений о таких лицах и фактах, их проверку и принятие со следователем процессуального решения. Поэтому выявление первичной информации о лицах или фактах, касающихся экстремистов и их преступной деятельности, может осуществляться *до, вовремя или после осмотра места происшествия* и в следующем порядке: поиск и получение пер-

вичных сведений о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес; проверка полученных первичных сведений; принятие под руководством следователя по вышеуказанным сведениям процессуального решения.

В рамках взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками предполагается обнаружение и фиксация сведений о подготовке или совершении преступлений, а также о лицах, не состоящих на оперативно-розыскных и профилактических учетах, однако являющихся носителями криминалистически значимой информации. Сотрудники уголовного розыска, используя признаки преступлений экстремистского характера, могут осуществить деятельность по выявлению лиц, причастных к экстремизму: задержанных, арестованных, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, в отношении которых проводилась оперативная разработка, а также отбывающих наказание за преступления, связанные с террористической и экстремистской деятельностью; лидеров и боевиков незаконных вооружённых формирований, организованных групп, преступных сообществ (преступных организаций); лиц, входящих в криминогенные группы, неформальные объединения экстремистской или террористической направленности и т.д.

Следователь совместно с оперативными сотрудниками на этапе сбора материалов для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, по нашему мнению, должны осуществлять поиск следующих лиц: заподозренных в выполнении следующих функции: *исполнителя*, непосредственно совершившего преступление экстремистского характера, *организатора* совершения преступления или руководителя его совершения, а также сюда относятся следующих лица: подстрекатели, вербовщики, привлекающие новых членов экстремистской групп, склоняющие их к совершению преступления; пособники, в той или иной мере содействующие совершению преступления; укрыватели и недоносители; лиц, совершающих умышленные действия по поиску средств и орудий совершения преступления, а также по созданию других условий для его совершения (например, составление плана совершения преступления и т.п.); лиц, по поведению которых, можно ожидать совершения ими преступления экстремистского характера, а также радикалы, националисты, сочувствующие и т.п.

Полученные первичные сведения о лицах и фактах, связанных с криминальным событием, подлежат тщательной проверке. Это позволяет определить достоверность поступившей информации, ее полноту и возможность дальнейшего использования при решении вопроса о возбуждении уголовного дела и дальнейшего расследовании совершенных преступлений.

В следственной практике имеются случаи, когда первоначальные сведения не соответствовать действительности, а их использование приводит в последующем к ущемлению прав и законных интересов граждан, к нарушению законности. Поэтому в ходе следственной проверки следователь должен сопоставлять известные признаки состава преступления с получаемой информацией. Среди них признаки, характеризующие противоправные действия; признаки, характеризующие антиобщественное поведение; признаки, присущие способам и средствам преступления, а также признаки, характеризующие лиц, совершающих противоправные деяния.

Преступления экстремистского характера всегда носят тщательно спланированный характер. Они подготавливаются и совершаются в составе преступной группы, т.е. осуществляется планирование, распределение ролей между членами группы, организация материально-технического обеспечения, разработка способов совершения и сокрытия совершенных преступлений, принятие мер безопасности в отношении членов преступной группы, конспирация и т.д.

Поэтому следователю при осуществлении следственной проверки надо иметь в виду, что экстремисты ставят себя и свои цели выше мнения общества и государства, исходя из завышенной самооценки, считают себя исключительными лицами; их мотивация в действиях всегда находится в области идеологии; конечным результатом их деятельности является признание идеи превосходства национальной, политической или религиозной группы и господство ее морально-ценностных ориентаций.

Поэтому наиболее перспективными направлением осуществления поиска заподозренных лиц следователем являются дача поручения участковым уполномоченным полиции на поиск указанных лиц на территории обслуживания с привлечение негласного аппарата (доверенных лиц), а также дача поручения

оперативным сотрудникам на поиск указанных лиц на объектах, которые они посещают, т.е. клубы, спортклубы, религиозные объекты и т.п. Более того, не следует упускать и иные объекты — объекты транспорта, места массового отдыха, базары, рынки, санатории и дома отдыха и т.п. Особое внимание, на наш взгляд, следует обращать внимание на поиск заподозренных в криминогенной среде группы лиц, которых объединяет антиобщественное поведение экстремистской направленности, или лиц, ранее привлекаемых к уголовной ответственности за экстремизм или терроризм.

Важным направлением следственной проверки является анализ криминалистически значимой информации, имеющейся в других отделах и подразделениях органов внутренних дел: сводки о совершенных преступлениях экстремистского характера на соседних административных территориях и транспорта, а также материалы выезда на места совершения подобных преступлений; материалы проведенных первичных проверок и оперативных разработок, имеющихся в соседних подразделениях органов внутренних дел; архивные уголовные дела и дела оперативного учета, выделенных в отдельное производство материалов следствия и отказные материалы в отношении лиц, причастных к совершению преступлений экстремистской направленности в других подразделениях органов внутренних дел; материалы мероприятий, проводимых оперативно-поисковыми подразделениями и подразделениями специальных технических мероприятий в отношении указанной категории лиц и т.д.

Источниками первичной криминалистически значимой информации на этапе проверки сообщения о преступлении могут быть: сотрудники правоохранительных органов (патрульная служба, участковые уполномоченные и др.); сотрудники визовых центров; лица, оказывающие конфиденциальное содействие органам полиции в борьбе с преступлениями экстремистской направленности; участники неформальных объединений, члены общественных, политических и религиозных объединений; служащие и преподаватели ВУЗов и колледжей, сотрудники общежитий, спортивных секций, организованных по национальному или идеологическому признаку, лагерей

и молодежных центров, где могут быть лица, распространяющие взгляды экстремистской направленности; сотрудники почтовых отделений на территории обслуживания, куда поступает корреспонденция и посылки для участников экстремистских объединений (организаций) и служб доставки;

консьержи жилых домов, которые получают информацию о фактах распространения пропагандистской печатной продукции экстремистского содержания; сотрудники редакций местных СМИ и типографий, которые выявили или могут выявить экстремистские листовки и иных материалов и факты их печати; сотрудники Интернет-кафе, которые знают лиц, распространяющих через сеть Интернет экстремистские взгляды; ранее судимые за аналогичные преступления и их близкие родственники; ранее выявленные правоохранительными органами участники экстремистских организаций и др.

Следователь может прийти к выводу о наличии признаков состава преступления по следующим выявленным фактам: обнаружение в почтовых ящиках жилых домов, в ВУЗах, на предприятиях, в мечетях и других местах религиозного назначения, в издательствах местных СМИ подброшенных листовок, прокламаций, газет, специальной литературы, пропагандирующей цели конкретной организации содержащей идеи экстремизма; печатание и хранение указанной выше печатной продукции конкретными лицами и ее распространение; разъяснительные беседы с конкретными лицами, которые обладают информацией экстремистского характера; склонение граждан к вступлению и участию в организации экстремистской направленности; объединение некоторых лиц в группировки по интересам, связанными с экстремистскими взглядами; организация и проведение сборов (вблизи памятников истории, культуры, объектов, взятых под охрану государства и др.), характер которых говорит об их экстремистской направленности; появление в сети Интернет и в различных мессенджерах информации о конкретной организации (объединения), целью которой является деятельность экстремистского характера и т.д.

Следователь, в распоряжении которого находится первичная информация о преступлении экстремистского характера, на основе ее

анализа, выделяет в ней две группы сведений: об обстоятельствах содеянного, т.е. месте, времени, участники, организаторы и т.д.); об источниках и носителях информации: лицо (лица в случае группового заявления), от которого поступила первичная информация, другие лица, могущие подтвердить изложенные факты или сделать по ним дополнительные сообщения; предметы, документы, информативные с рассматриваемой точки зрения.

На информационной базе формулируются криминалистические версии (о природе события, его видовой принадлежности, об отдельных обстоятельствах и т.д.) и разрабатывается план их проверки с отражением вопросов, подлежащих выяснению (о месте, времени, участниках исследуемого события, его последствиях и т.д.), указывается, каким образом это должно быть сделано, кем и в какие сроки.

Далее следователем в соответствии с криминалистическими рекомендациями должен осуществить: выезд с следственно-оперативной группой на место происшествия и его осмотр; получение объяснений от лиц, от которых поступила информация о совершенном преступлении; от других лиц, которые могут подтвердить или опровергнуть, дополнить, уточнить исходные данные; изучение необходимых предметов и документов по месту их нахождения; дача поручения специалистам провести в необходимых случаях документальные проверки, специальные исследования, обследование каких-либо объектов (баз, жилых помещений). Следователем могут быть затребованы имеющиеся в распоряжении соответствующего средства массовой информации документы и материалы, подтверждающие сведения о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию.

Будучи солидарными с мнением Т.С. Волчецкой [15, с. 111—114] и Д.В. Кима [16, с. 100], считаем, что ситуационный подход необходимо применять уже на стадии приема и изучения сообщения о преступлении, где необходимо сформулировать и оценить *доследственные* ситуации, в которых имеются тактические и иные особенности действий следователя (дознавателя). Содержание и характер его действий зависят от следующих обстоятельств: от объема информации, содержащейся в сообщении, от источника поступления сообщения

и времени, прошедшего с момента совершения преступления. Представляется, что это вопрос требует отдельного исследования в рамках проверки сообщения о преступлении экстремистской направленности. Затем он по факту выявления признаков состава совершенного преступления возбуждает уголовное дело и реализует частную методику расследования по конкретному совершенному преступлению.

Особенности расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых организованными преступными группами, сказываются и на тактике допроса потерпевших и свидетелей. В некоторых случаях они сами оказываются причастными к совершению противоправных действий, проживают на территории, где действуют преступные формирования, в процессе расследования вступают в сговор с обвиняемыми и их представителями, подвергаются запугиванию, шантажу, уговорам, подкупу.

При проведении следственных действий с участием лиц различных национальностей и вероисповеданий, в том числе исповедующих ислам, существенным является знание национальных ритуалов и стереотипов поведения. При наличии такой возможности следователю целесообразно ознакомиться с соответствующей литературой, побеседовать с лицами данных национальностей и вероисповеданий.

В случае возникновения при назначении или производстве судебно-медицинской (судебно-психиатрической) экспертизы необходимости стационарного обследования лица, оно помещается в соответствующий стационар на основании постановления или определения о назначении судебной экспертизы.

В ходе предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях экстремистского характера часто изымается различная литература, документы, блокноты и тетради с записями, фотографии, видео- и аудиоматериалы, компьютеры, смартфоны, электронные записные книжки с содержащейся в них информацией, зачастую, криминалистически значимая информация изымается с электронных ресурсов (Интернет-контента, мессенджеров, социальных сетей и т.д.) [17, с. 47].

Указанные предметы и содержащаяся в них информация также служат источником доказательств по уголовному делу, их необходимо

осмотреть, признать вещественными доказательствами и приобщить к материалам дела. По всем указанным источникам целесообразно назначение и проведение соответствующих экспертиз (автороведческой, лингвистической, почерковедческой, бухгалтерской и др.)

В процессе расследования преступлений экстремистской направленности следует исходить из того, что эти преступления имеют нетрадиционную структуру, обусловленную мотивами преступной деятельности: посягательство на потерпевшего, его права и законные интересы выступает по существу средством, обеспечивающим воздействие на третью сторону конфликта, являющееся основной целью преступлений экстремистской направленности.

При изучении и доказывании таких элементов механизма преступления, как способ, время и место совершения преступления, а также орудия преступления следует исходить из того, что они имеют составной характер: включают способ, место, время и орудия посягательства на потерпевшего, а также соответственно способ, время, место и орудия воздействия на третью сторону конфликта.

В случае, если способ преступления включает также совершение действий пропагандистского характера, необходимо учитывать, что передаваемая преступниками информация (содержащаяся в материалах экстремистского характера) имеет два вектора направленности: часть ее адресована представителям той политической партии (организации, движения), идеологии, расы, национальности, религиозной конфессии, социальной группы и др., по отношению к которой возбуждается ненависть или вражда (первая группа адресатов), а другая часть — позитивного характера (призывы к объединению) — адресована представителям той же политической партии (организации), идеологии, расы, национальности, религиозной конфессии или социальной группы, что и сами преступники (вторая группа адресатов). В таком случае структура способа совершения преступления усложняется еще больше.

Однако эти обстоятельства должны найти свое отражение в предмете доказывания по уголовному делу. Исходя из специфики предмета доказывания по делам о преступлениях исследуемой группы, необходимо определять перечень и последовательность следственных

действий, а также виды и предметы судебных экспертиз.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: структура частной криминалистической методики расследования преступлений экстремистской направленности, несомненно, должна соответствовать потребностям практики расследования данной группы преступлений. Представляется, исходя из потребностей практики правоохранительных органов, необходимо включение в её структуру такого элемента, как проверка сообщения о преступлении экстремистской направленности; проверка сообщения о преступлении экстремистской направленности должна включать в себя следующие элементы: принятие, изучение и регистрация сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ); непосредственно проведение проверочных действий (ст. 144 УПК РФ); вынесение решения по результатам проверки (ч. 1 ст. 145 УПК РФ)⁴; в частной методике расследования данной группы преступлений обязательно должен быть предложен подробный алгоритм действий должностного лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, имеющего целью принятие решения о возможности возбуждения уголовного дела. Содержание и характер этих действий зависят от следующих обстоятельств: от объёма информации, содержащейся в сообщении, от источника поступления сообщения и времени, прошедшего с момента совершения преступления и напрямую зависят от складывающейся следственной ситуации, которые можно сформулировать как доследственные ситуации.

Представляется, что рассмотренные вопросы, касающиеся структуры частной методики расследования преступлений экстремистской направленности нуждаются в дальнейшей теоретической разработке в рамках общей теории криминалистической методики расследования преступлений.

Список источников

1. *Кустов А.М.* История криминалистической практики и науки (X в. — середина XX в.). М.: Юрлитинформ, 2019. 237 с.
2. Криминалистика для бакалавров / под ред. Л.В. Бертовского. 2-е изд. перераб. и доп. М.: РГ-Пресс, 2021. 1024 с.
3. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальностям / Р.С. Белкин. 3. изд., доп. М.: Юнити, 2001. 837 с.
4. *Ильин А.Н.* Тактика предварительной проверки сообщения о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 223 с.
5. *Кустов А.М., Лапин В.О.* Современная криминалистическая практика и наука (конец XX в. — начало XXI в.). Том 1. М.: Юрлитинформ, 2021. 624 с.
6. *Дракин Л.Я.* О некоторых дискуссионных проблемах периодизации процесса расследования // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1988. 144 с.
7. *Васильев А.Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 64 с.
8. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики в 3-х томах. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристь, 1997
9. *Возгрин И.А.* Введ. 480 с. в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 473 с.
10. *Филиппов А.Г.* Этапы расследования преступлений как категория криминалистической методики // Проблемы криминалистики. Избранные статьи. М.: Юрлитинформ, 2007. 348 с.
11. *Мурадов Э.С.О.* Проверка сообщения о преступлении, связанного с процедурой банкротства // Бизнес в законе. 2010. № 4. С. 148—152.
12. Криминалистика: учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд. перераб. и доп. М: Юрист, 2005. 781 с.
13. *Косарев С.Ю.* Примерная типовая структура типичных частных криминалистических методик расследования преступлений // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2017. № 3 (36). С. 83—87.
14. *Натура А.И., Дубинин Л.Г.* Проверка сообщений о преступлениях и её значение по делам о даче заведомо ложных показаний // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 4 (32). С. 40—44.
15. *Волчецкая Т.С.* Криминалистическая ситуалогия. М.—Калининград, 1997. 245 с.
16. *Ким Д.В.* Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: монография / Д.В. Ким; Федеральное агентство по образованию, Алтайский гос. ун-т,

М-во внутренних дел России, Барнаульский юрид. ин-т. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 205 с.

17. Бессонов А.А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами. М.: Вестник университета им. О.Е. Кутафина, 2019. С. 46—52.

References

1. Kustov A.M. Istoriya kriminalisticheskoi praktiki i nauki (X v. — s. XX v.). M.: Yurlitinform, 2019. 237 s.

2. Kriminalistika dlya bakalavrov / pod red. L.V. Bertovskogo. 2 -e izd.pererab. i dop. M.: RG-Press, 2021. 1024 s.

3. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po yurid. spetsialnostyam / R.S. Belkin. 3. izd., dop. M.: Yuniti, 2001. 837 s.

4. Il'in A.N. Taktika predvaritel'noi proverki soobshcheniya o prestuplenii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2009. 223 s.

5. Kustov A.M., Lapin V.O. Sovremennaya kriminalisticheskaya praktika i nauka (konets KhKh v. — nachalo KhKh1 v.). Tom 1. M.: Yurlitinform, 2021. 624 s.

6. Drapkin L. Ya. O nekotorykh diskussionnykh problemakh periodizatsii protsessa rassledovaniya // Problemy optimizatsii pervonachalnogo etapa rassledovaniya prestuplenii. Sverdlovsk: Sverdlovskii yuridicheskii institut, 1988. 144 s.

7. Vasil'ev A.N. Problemy metodiki rassledovaniya otдел'nykh vidov prestuplenii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1978. 64 s.

8. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki v 3-kh tomakh. T. 3: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii. M.: Yurist, 1997. 480 s.

9. Vozgrin I.A. Vvedenie v kriminalistiku: istoriya, osnovy teorii, bibliografiya. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2003. 473 s.

10. Filippov A.G. Etapy rassledovaniya prestuplenii kak kategoriya kriminalisticheskoi metodiki // Problemy kriminalistiki. Izbrannye stat'i. M.: Yurlitinform, 2007. 348 s.

11. Muradov E.S.O. Proverka soobshcheniya o prestuplenii, svyazannogo s protseduroi bankrotstva // Biznes v zakone. 2010. № 4. S. 148—152.

12. Kriminalistika: uchebnik / Otv. red. N.P. Yablokov. 3-e izd.pereab. i dop. M: Yurist, 2005. 781 s.

13. Kosarev S. Yu. Primernaya tipovaya struktura tipichnykh chastnykh kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya prestuplenii // Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii. 2017. № 3 (36). S. 83—87.

14. Natura A.I., Dubinin L.G. Proverka soobshchenii o prestupleniyakh i ee znachenie po delam o dache zavedomo lozhnykh pokazanii // Vestnik kriminalistiki. 2009. Vyp. 4 (32). S. 40—44.

15. Volchetskaya T.S. Kriminalisticheskaya situatsiya. M. Kaliningrad, 1997. 245 s.

16. Kim D.V. Kriminalisticheskie situatsii i ikh razreshenie v ugovnom sudoproizvodstve : monografiya / D.V. Kim ; Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu, Altaiskii gos. un-t, M-vo vnutrennikh del Rossii, Barnaul'skii yurid. in-t. Barnaul : Izd-vo Altaiskogo un-ta, 2006. 205 s.

17. Bessonov A.A. O nekotorykh vozmozhnostyakh sovremennoi kriminalistiki v rabote s elektronnyimi sledami. M.: Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina, 2019. S. 46—52.

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О противодействии экстремистской деятельности» // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, N 30, ст. 3031.

² «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., ступ. в силу с 11.01.2023) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

² «Уголовно-п. вступ. в силу с 11.01.2023) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

³ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

⁴ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

Системно-структурный подход к исследованию и оценке заключения эксперта субъектами досудебного уголовного судопроизводства

Вячеслав Николаевич Исаенко,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
юридического факультета Государственного университета просвещения,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации,
почетный работник прокуратуры

E-mail: viach.isaenko2015@yandex.ru

Эльвира Ханифовна Надысева,
декан юридического факультета – заведующая кафедрой
уголовного процесса и криминалистики Государственного
университета просвещения, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: olanad@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются значение и необходимость использования субъектами досудебного уголовного судопроизводства системно-структурного подхода при исследовании и оценке заключения эксперта. Данный метод рассматривается в качестве элемента методологии его оценки, представляющей собой оптимальную совокупность научных методов, приемов познания, использование которых обеспечивает решение задачи о его допустимости и использовании в доказывании. Необходимость использования и содержание системно-структурного подхода на рассматриваемом участке уголовно-процессуальной деятельности определяется рядом факторов. Ими являются полнота и законность действий: 1) следователя (обнаружение, изъятие, осмотр объекта, назначение экспертизы, ознакомление с постановлением о ее назначении потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, защитника, рассмотрение их ходатайств при заявлении таковых; 2) эксперта (производство исследования, обеспечение научной обоснованности методов исследования, подготовка и оформление заключения). Использование системно-структурного подхода как метода научного познания направлено также на изучение внутреннего содержания заключения эксперта, состоящего из трех основных частей – вводной, исследовательской и резолютивной. Установленная законодателем структура заключения эксперта при несложном ее анализе позволяет рассматривать отдельные ее составляющие как частные подсистемы элементов, относящихся к отдельным критериям оценки доказательств и находящихся во взаимосвязи с ними, как и эти критерии во взаимосвязи между собой. Автор обращает внимание на круг вопросов, выясняемых в результате использования рассматриваемого метода. Его использование при оценке заключения эксперта представляет собой специфический и сложный процесс. В его рамках осуществляется исследование внутрисистемных связей элементов заключения эксперта (его внутренней структуры) и его внешнесистемных связей с другими доказательствами по изучаемому уголовному делу с целью уяснения отсутствия или наличия противоречий между ними. Подчеркивается значение владения им следователем, дознавателем, органом дознания, прокурором данным методом, что является важным компонентом их профессиональной подготовки

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, досудебное производство, субъекты досудебного производства, заключение эксперта, методология оценки, системно-структурный метод

Научная специальность: 5.1.4 – Уголовно-правовые науки

Для цитирования: В.Н. Исаенко, Э.Х. Надысева. Системно-структурный подход к исследованию и оценке заключения эксперта субъектами досудебного уголовного судопроизводства // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 88–95.

A system-structural approach to the study and evaluation of the expert's opinion by the subjects of pre-trial criminal proceedings

Vyacheslav Nikolayevich Isayenko,

Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Faculty of Law of the State University of Education, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Employee of the Prosecutor's Office

E-mail: viach.isaencko2015@yandex.ru

Elvira Khanifovna Nadyseva,

Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the State University of Education, Candidate of Law, Associate Professor

E-mail: olanad@mail.ru

Abstract. The article discusses the importance of the use of a system-structural approach by the subjects of pre-trial criminal proceedings in the study and evaluation of the expert opinion. This method is considered as an element of the methodology of its evaluation, which is an optimal set of scientific methods of cognition techniques, the use of which provides a solution to the problem of its admissibility and use in proving. The necessity of using and the content of the system-structural approach in the area of criminal procedural activity under consideration is determined by a number of factors. They are the completeness and legality of actions: 1) an investigator (detection, seizure, inspection of the object of the upcoming expert study; appointment of an expert examination; familiarization with the decision on its appointment of the victim, suspect, accused, defender; consideration of their petitions when applying for such; 2) an expert (examination, ensuring the scientific validity of research methods; preparation and execution of the conclusion). The use of the system-structural approach as a method of scientific cognition is also aimed at studying the internal content of the expert's conclusion, consisting of three parts — introductory, research and operative. The structure of the expert's opinion established by law allows us to consider these as private subsystems of elements related to individual criteria for evaluating evidence and related to them, as well as these criteria in relation to each other. The author draws attention to the range of issues that are clarified as a result of using the method in question. Its use in evaluating the expert opinion is a specific and complex process. Within its framework, research is carried out on both the intra-system connections of the elements of the expert's conclusion (its internal structure) and its external system connections with other evidence in the criminal case under study to clarify the absence or presence of contradictions between them. The importance of the possession of the system-structural method by the investigator, the inquirer, the body of inquiry, the prosecutor is emphasized, since it is an important component of their professional training

Key words: criminal proceedings, pre-trial proceedings, subjects of pre-trial proceedings, expert opinion, evaluation methodology, system-structural method

Вопросам исследования и оценки заключения эксперта уделено большое внимание многими учеными (Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкиным, А.В. Васильевой, А.И. Винбергом, А.М. Зининым, Н.П. Майлис, И.Л. Петрухиным, Ю.К. Орловым, Е.Р. Россинской и другими), с различных сторон рассматривающих возникающие при этом перед субъектами оценки задачи и средства их решения¹. Выполнение данной работы сопряжено с выяснением комплекса взаимосвязанных вопросов: 1) о процессуальной безупречности объекта

судебно-экспертного исследования; 2) о назначения экспертизы и ее производстве надлежащим субъектом в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона; 3) о соблюдении при ее назначении и производстве права участников процесса, названных в ст. 198 УПК РФ; 4) о соответствии заключения эксперта критериям относимости, допустимости, полноты, научной обоснованности, достоверности, а его структуры требованиям ст. 204 УПК Российской Федерации и ст. 25 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государст-

венной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»²; 5) об определении обстоятельства предмета доказывания или совокупностей этих обстоятельств, устанавливаемых заключением эксперта; 6) о возможности обоснования заключением эксперта того или иного процессуального решения; 7) о возможности обосновывать им позицию стороны обвинения в суде³. В последнем случае намечается предварительная тактика и прогнозируется вероятный результат представления заключения эксперта суду как доказательства обоснованности выдвинутого против подсудимого обвинения. Исследованию перечисленных вопросов в юридической литературе уделено значительное внимание, тем не менее, некоторые составляющие этой работы с точки зрения ее методологии еще требуют более углубленного анализа⁴.

Исходя из содержания общего определения понятия методологии, рассматриваемой в том числе как совокупность методов, приемов исследования, применяемых в науке и практике [8, с. 180]⁵, полагаем возможным рассматривать методологию анализа и оценки заключения эксперта как оптимальную совокупность научных методов, приемов познания, использование которых обеспечивает решение о его допустимости как одной из задач уголовно-процессуальной деятельности. Научный характер этих приемов не означает ограничения сферы их применения исключительно теоретическими исследованиями⁶.

В теории аргументации метод рассматривается как система предписаний, рекомендаций, предостережений образцов и т.п., указывающих, как сделать что-то [2, с. 116]. Классификация методов научного исследования, используется в различных сферах юридической деятельности, общеизвестна: 1) всеобщий диалектический метод; 2) общенаучные методы; 3) специальные методы. Общенаучные и специальные методы как методы меньшей степени общности являются элементами всеобщего диалектико-материалистического (философского) метода как образующего систему отправных положений, на которых базируется использование общенаучных и специальных методов. Полагаем, что при оценке доказательств, в том числе заключений экспертов, используются

методы всех ранее названных классификационных групп⁷.

В настоящей статье анализируется содержание исследования и оценки заключения эксперта с позиции диалектики как системы принципов исследования, акцентировав внимание на таком из них, как принцип системности⁸. Системный (системно-структурный) подход как метод научного познания направлен на изучение характеристик отдельных элементов изучаемого объекта с точки зрения его внутреннего строения и существующих в нем взаимосвязей между составляющими его элементами⁹. Как обоснованно констатирует В.А. Новицкий, данный метод достаточно широко используется в юридическом доказывании [4, с. 60]¹⁰, что позволяет считать его в полной мере относимым к процедуре оценки доказательств. Последняя связана с исследованием целого ряда взаимосвязанных элементов в виде установленных уголовно-процессуальным законом действий по их собиранию и проверке, а также с оценкой характеристик осуществляющих их субъектов, обязанных соблюдать соответствующие требования этого закона.

Содержание системно-структурного подхода к анализу заключения эксперта определяется рядом факторов. Таковыми являются содержание процедуры его получения, разделяемой на ряд действий, выполняемых: а) следователем, осуществившим обнаружение и изъятие, осмотр объекта будущего судебно-экспертного исследования, вынесшим постановление о назначении экспертизы и выполнившим ряд действий по соблюдению прав других участников процесса при ее назначении; б) экспертом, осуществившим непосредственное исследование представленного ему объекта и подготовившим заключение по результатам этого исследования. Результаты перечисленных действий названных субъектов создают систему информации, отраженную в соответствующих материалах уголовного дела и подлежащую анализу и оценке.

Заключение эксперта представляет собой процессуальный документ, состоящий из трех основных частей — вводной, научно-исследовательской и резолютивной. Установленная законодателем структура заключения эксперта при несложном ее анализе позволяет рассматривать отдельные ее составляющие как частные

подсистемы элементов, относящиеся к отдельным критериям оценки доказательств и находящиеся во взаимосвязи с ними, как и эти критерии во взаимосвязи между собой. В частности, указанные во вводной части заключения эксперта сведения об экспертном учреждении, а также данные, характеризующие эксперта (его образование, специальность, стаж работы, ученая степень и (или) ученое звание, занимаемая должность (п. 4 ч. 1 ст. 204 УПК РФ)¹¹ рассматриваются как обстоятельства, позволяющие сделать вывод о производстве экспертизы надлежащим субъектом¹². Описание во вводной части заключения эксперта объектов исследования и материалов, представленные на исследование (п. 7 ч. 1 ст. 204 УПК РФ) подлежит сопоставлению с их описанием в протоколе следственного действия, при производстве которого они были обнаружены и изъяты. Тем самым, устанавливается относимость к расследуемому преступлению, как объекту исследования, так и заключению эксперта. Существенное расхождение в таком описании либо наличие описания только в заключении эксперта может вызвать обоснованное сомнение в том, что на исследование были представлены именно тот объект, который действительно изъял следователь. Такое сомнение обычно обусловлено тем, что в протоколе следственного действия содержится только перечисление обнаруженных и изъятых в ходе его проведения объектов без описания их индивидуальных характеристик, а до направления этих объектов в судебно-экспертное учреждение (подразделение) их дополнительный осмотр не производился.

В судебной практике еще продолжают встречаться факты исключения, как таких объектов, так и заключений экспертов по результатам их исследования в связи с неустановлением их относимости к рассматриваемому уголовному делу. В свою очередь, имеются факты неполного совпадения индивидуальных характеристик объектов в протоколах следственных действий и во вводных частях заключений экспертов, что практически всегда используется стороной защиты для заявления ходатайств в судебном следствии, а впоследствии в апелляционных и кассационных жалобах о признании объектов исследования не соответствующими требованиям относимости,

а заключений экспертов — недопустимыми¹³. Такая ситуация возникла, в частности, при рассмотрении Пятигорским гарнизонным военным судом уголовного дела по обвинению бывшего военнослужащего А. в преступлении, предусмотренном пп. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, т.е. неоднократном применении насилия в отношении другого военнослужащего, который в итоге покончил жизнь самоубийством. В ходе судебного следствия защитник подсудимого заявил ходатайство о признании недопустимым заключения посмертной психолого-психиатрической экспертизы потерпевшего. При ее проведении в числе других материалов исследовались фотокопии (распечатки) переписки потерпевшего с матерью и своим знакомым в социальной сети «ВКонтакте», которым он сообщал о насилии со стороны А. Подсудимый и его защитник утверждали о неправомерном использовании этих материалов, приобщенных к делу следователем без соответствующего постановления и без протокола осмотра. На данное ходатайство прокурор — государственный обвинитель принес возражение, отметив со ссылками на листы дела, что данные материалы приобщены к делу по ходатайству матери погибшего, признанной потерпевшей, с соблюдением процессуальных требований. По результатам рассмотрения ходатайства стороны защиты и возражения государственного обвинителя председательствующий вынес постановление об отказе в удовлетворении названного ходатайства. С этим решением согласился Южный окружной военный суд, рассмотрев уголовное дело в апелляционном порядке¹⁴.

Существенным недостатком, еще допускаемым субъектами досудебного производства, является ограничение процедуры оценки заключения эксперта прочтением только его резолютивной части. С одной стороны, следователь и прокурор таким образом могут выяснить, ответил ли эксперт на все поставленные перед ним следователем вопросы, а также насколько полны эти ответы, соответствует ли их содержание характеру вопросов. С другой стороны, согласно п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ эксперт должен отразить в заключении содержание и результаты исследований с указанием примененных методик. Эта информация содержится в исследовательской части заключения.

Она должна анализироваться в совокупности с содержанием выводов эксперта в резолютивной части его заключения, которые должны находиться в соответствии с результатами исследования, изложенными в исследовательской части. Нередко в судебном следствии в суде первой инстанции, в апелляционных и кассационных жалобах стороной защиты утверждается об обосновании приговора заключением эксперта, в исследовательской и резолютивной частях которого по-разному изложены результаты исследования и не соответствующие им окончательные выводы эксперта. Данное обстоятельство обязывает следователей, сотрудников подразделений процессуального контроля и руководителей следственных органов, а также осуществляющих надзор в досудебном производстве прокуроров (в равной степени и прокуроров, участвующих в судебных стадиях процесса) подробно знакомиться не только с выводами эксперта, но и со сведениями, которыми они обоснованы.

Приговором Архангельского областного суда Я. признан виновным и осужден за совершение двух мошенничеств, а также приготовление к мошенничеству в составе организованной группы, в особо крупном размере, повлекшие лишение прав граждан на жилые помещения; убийство трех человек из корыстных побуждений; подделку удостоверения с целью его использования. В судебном следствии, а впоследствии в апелляционной жалобе защитник Я. утверждал о том, что причины смерти трех человек, убийства которых инкриминированы Я., объективно не установлены. Ходатайство мотивировалось тем, что при обнаружении останков трупов потерпевших их осмотр не проводился, в процессе судебно-медицинских экспертиз не исследовались внутренние органы трупов и костные покровы. В судебном следствии государственный обвинитель представил суду, а затем в судебных прениях проанализировал протоколы ряда следственных действий, при проведении которых были обнаружены части трупов и костные останки нескольких лиц, а также заключения ряда экспертиз (судебно-медицинских по методу генетической идентификации, медико-криминалистических, антропологических и т.д.), протоколы осмотров предметов и другие исследованные материалы дела. Эти доказательства

подтвердили происхождение останков трупов от потерпевших, а также причины смерти каждого из них. Например, обращалось внимание суда на указание в исследовательской части экспертизы черепа одного из потерпевших наличия на двух фрагментах задневыступающих квадрантов теменных костей двух вдавленных переломов, морфологическая картина которых свидетельствовала об их образовании в результате не менее чем от двух ударных воздействий тупого твердого предмета (предметов) с ограниченной травмирующей поверхностью, действовавшим под углом близким к прямому к повреждаемой области головы потерпевшего. Характер этих повреждений свидетельствовал о возможности их причинения металлической гирей от настенных часов, размерно-конструктивные характеристики которой соответствовали характеру названных выше повреждений. Об ее использовании для убийств ранее давал показания Я. Таким же образом анализировались заключения экспертов по результатам исследования останков других потерпевших в совокупности с иными доказательствами, принятыми во внимание судом первой инстанции при постановлении обвинительного приговора, который оставлен без изменения судом апелляционной инстанции¹⁵.

Изучение исследовательской части экспертного заключения необходимо субъектам уголовного преследования, так как нередко защитники обращают внимание судов на некоторое лингвистическое расхождение описания экспертом результатов исследования в резолютивной части. Несмотря на единство их смысла, не допускающее иных трактовок, в подобных ситуациях они, тем не менее, утверждают о внутреннем противоречии содержания заключения эксперта, о несоответствии его выводов результатам исследования, ходатайствуя на этом основании признать заключение недопустимым.

Таким образом, анализ и оценка содержания заключения эксперта представляют собой специфический и сложный процесс, в рамках которого осуществляется исследование внутрисистемных связей элементов заключения эксперта (внутренней структуры заключения, установленной в ч. 1 ст. 204 УПК РФ), и его внешнесистемных связей с другими доказа-

тельствами по изучаемому уголовному делу с целью уяснения отсутствия или наличия противоречий между ними. В связи с этим, например, в ряде организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры РФ содержатся предписания, которые обязаны выполнять прокуроры — участники уголовного судопроизводства¹⁶ при исследовании и оценке заключений экспертов. В указании от 21.09.2018 № 602 / 27 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности» содержится, в том числе, требование об уделении особого внимания установлению соответствия изложенных в заключениях экспертов выводов содержанию исследовательской части и отраженным в постановлении о назначении экспертизы (исследования) вопросам, полноте и всесторонности выводов, наличию в них противоречий, квалификации экспертов (специалистов) и наличию у них полномочий давать оценку изложенным фактам. Вместе с тем выяснение круга этих вопросов не решает все задачи, возникающие при исследовании и оценке экспертного заключения. Субъекты досудебного производства обязаны четко представлять себе их характер и возможности решения с использованием не только системно-структурного, но и других методов, владение которыми является необходимым показателем их профессиональной состоятельности.

Список источников

1. Алексеев П.В., Панин А.В. *Философия: учебник*. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 592 с.
2. Ивин А.А. *Теория аргументации*. М.: Гардарика, 2000. 414 с.
3. Майлис Н.П. *Теория и практика судебной экспертизы в доказывании*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2019. 255 с.
4. Новицкий В.А. *Теория доказательственного права: монография*. В 2 т. Т. 1. Ставрополь: ЗАО «ПРЕССА», 2004. 304 с.
5. Ожегов С.И. *Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л.И. Скворцова*. 27-е изд., испр. М.: Изд-во АСТ: Мир и Образование, 2018. 736 с.
6. Петрухин И.Л. *Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе*. М.: Юрид. лит., 1964. 266 с.
7. *Советская криминалистика. Теоретические проблемы: монография / [Н.А. Селиванов, В.Г. Танасевич, А.А. Эйсман, Н.А. Якубович]*. М.: Юрид. лит., 1978. 192 с.
8. *Социологический энциклопедический словарь / Редактор-координатор академик РАН Г.В. Осипов*. М.: Изд. Группа ИНФРА*М – НОРМА. 1998. 480 с..
9. Сырых В.М. *Метод правовой науки: (Основные элементы, структура): монография*. – М.: Юрид. лит., 1980. С. 176 с.
10. *Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. В.Д. Перевалов; научный консультант С.С. Алексеев*. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 283 с.
11. *Теория доказательств в советском уголовном процессе: монография / отв. ред. Н.В. Жогин*. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.
12. *Философский энциклопедический словарь*. М.: ИНФРА-М, 2005. 575 с.

References

1. *Alekseev P.V., Panin A.V. Philosophy; textbook 4th ed., revised and supplemented*. М.: Prospect, 2017. 592 p.
2. *Ivin A.A.V. Theory of argumentation*. Moscow: Gardarika, 2000. 414 p.
3. *Mailis N.P. Theory and practice of forensic examination in evidence*. М.: UNITY-DANA, Law and Law, 219. 255 p.
4. *Novitsky V.A. Theory of Evidentiary Law: monograph*. In 2 t. t. 1. Stavropol: CJSC «Press», 2004. 304 p.
5. *Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language*. 27th edition, revised. М.: AST World and Education, 2018.w 736 p.
6. *Petrukhin I.D. Expertise as a means of proof in the Soviet criminal process*. М.: Legal literature, 1964. 266 p.
7. *Soviet criminology. Theoretical problems / [N.A. Selivanov, V.G. Tanasevich, A.A. Eisman, N.A. Yakubovich]*. М.: 1978. 192 p.
8. *Sociological encyclopedic dictionary / editor-coordinator G.V. Osipov*. М.: INFRA-M NORM, 1998. 480 p.

9. *Syrykh V.M.* Method of legal science (basic elements, structure): monograph. M.: Legal literature, 1980. 176 p.

10. Theory of state and law: textbook / responsible editor V.D. Perevalov. 3rd ed. M.: Norma, 2004. 283 p.

11. Theory of evidence in the Soviet criminal process: monograph / executive editor N.V. Zhogin. 2nd edition, revised. M.: Legal literature, 1973. 736 p.

12. Philosophical Encyclopedic dictionary. M.: INFRA-M, 2005. 575 p.

¹ Ввиду многообразия формулировок понятия оценки заключения эксперта в трудах названных ученых, полагаем возможным привести отдельные из них. Например, И.Л. Петрухин пишет, что при оценке заключения эксперта следует выяснить: а) были ли предоставлены эксперту достаточные и надлежащие объекты исследования; б) было ли произведено экспертное исследование с достаточной полнотой; в) основано ли заключение эксперта на правильных научных положениях, получено ли оно в результате применения верных методов исследования; г) обоснованы ли выводы эксперта; д) производило ли экспертизу компетентное лицо, не вышел ли эксперт за пределы своей компетенции; е) соблюдались ли при проведении экспертизы требования уголовно-процессуального закона [6, с. 228—47]. Н.П. Майлис включает в содержание рассматриваемой оценки определение достоверности заключения эксперта, его относимости; достаточность представленного эксперту материала и правильность исходных данных для проведения исследования и его правильность; обоснованность выводов; определение доказательственного значения (силы) заключения эксперта [3, с. 101].

² В соответствии со ст. 25 данного закона в заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены: время и место производства судебной экспертизы; основания ее производства; сведения о субъекте назначения; сведения о государственном судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы; предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения; вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов; объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы; сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы; содержание и результаты исследований с указанием примененных методов; оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам; материалы, иллюстрирующие заключение экс-

перта или комиссии экспертов // Собрание законодательства Российской Федерации, 04.06.2021, № 23, ст. 2291.

³ Помимо перечисленных обстоятельств, прокурор параллельно с оценкой заключений эксперта устанавливает правомерность обоснования им вывода органа расследования о квалификации преступления (в частности, при применении вреда здоровью), размера причиненного преступлением вреда, о направлении уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении к обвиняемому принудительных мер медицинского характера, обоснования заключением эксперта гражданского иска в рамках уголовного дела и т.д.

⁴ Соблюдение научной методологии является необходимой составляющей процесса оценки доказательств в уголовном процессе. На это обращает внимание, в частности, И.Л. Петрухин, формулируя определение понятия такой оценки как мыслительной деятельности следователя, прокурора, судей, осуществляемой в логических формах при соблюдении научной методологии познания, обеспечивающей достижение истины [12, с. 427].

⁵ Следует отметить, что понятие методологии рассматривается в различном его содержании. Например, С.И. Ожегов трактует его как учение о научном методе вообще или о методах отдельных наук [5, с. 22]. В данной статье методология рассматривается именно в качестве совокупности методов, используемых в определенной сфере научной и практической деятельности.

⁶ А.А. Эйсман справедливо отмечает, что практическая работа участника уголовного судопроизводства в существенной своей части носит познавательный характер и в этом смысле приближается к научной деятельности [7, с. 13]. В юридической литературе отмечается также, что методологический арсенал современной теории государства и права складывается из трех основных групп методов исследования: философские, общенаучные, частно-научные юридические. Разработка в юридической науке средства познания философского уровня является принципиальным условием не только сохранения ее собственно методологической (а следовательно и научной) самостоятельности, но и обеспечения надлежащего уровня исследовательских результатов, их защищенности от чьей-либо интерпретации [10, с. 13].

⁷ При этом следует учитывать, что универсального метода на существует, поскольку «каждый предмет и каждая проблема требуют собственного метода» [12, с. 266].

⁸ Данный принцип, как отмечается в философской литературе, направляет мышление к познанию целостности системы, а также на оценку необходимых связей рассматриваемого предмета с окружающими его предметами, процессами, направляет внимание на анализ, неотрывный от синтеза, на элементаристский подход, сопряженный с системным подходом [1, с. 381—382].

⁹ Как отмечает В.М. Сырых, системно-структурный подход основывается на теории систем. Ее предметом выступают такие всеобщие свойства явлений и предметов материального и духовного мира, как сложность, связь и целостность. Согласно этой теории любое целостное явление (предмет) состоящее из совокупности взаимосвязанных элементов, представляет собой систему [9, с. 123—125].

¹⁰ При этом автор обоснованно отмечает, что в ходе использования названного метода выделяются элементы исследуемого объекта, устанавливается специфика их содержания, рассматривается их функциональная характеристика. Одновременно системно-структурный метод позволяет установить взаимосвязи между элементами, которые придают исследуемому объекту качество единства.

¹¹ К числу критериев, определяющих надлежащего субъекта производства экспертизы, относится и установленное в п. 5 ч. 1 ст. 204 УПК РФ требование о включении во вводную часть экспертного заключения сведений о предупреждении эксперта об ответственности за дачу ложного заключения. Отсутствие в заключении таких сведений дает основание для вывода о нарушении порядка организации и производства экспертизы, установленного в п. 4 ч. 4 ст. 57 и в ч.ч. 2 и 4 ст. 199 УПК РФ.

¹² В данном случае в качестве критериев допустимости заключения эксперта рассматриваются соответствующие разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (п. 16) и от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» (п. 13). В соответствии с ними доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1. С. 6.; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3. С. 5.

¹³ Так происходит, в частности, в связи с несоблюдением следователями следственных подразделений Следственного комитета РФ требований Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам в Следственном комитете Российской Федерации,

утвержденной приказом Следственного комитета Российской Федерации от 30.09.2011 № 142. предметы и документы, за исключением документов (в том числе личных), которые будут храниться непосредственно в деле, должны быть упакованы, опечатаны, заверены подписями следователя, понятых и других участников следственного действия (п. 5). Упаковка должна обеспечивать невозможность подмены или изменения содержимого без нарушения ее целостности и сохранность изъятого от повреждения, порчи, ухудшения или утраты свойств, в силу которых оно имеет значение вещественного доказательства. На упаковке должна быть пояснительная надпись с перечнем ее содержимого и указанием вида, даты и места следственного действия, номера уголовного дела и (или) его краткой фабулы, полного наименования должности лица, производившего следственное действие (п. 6). Не допускается направления объектов для экспертных исследований без их надлежащей упаковки (п. 22).

¹⁴ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Южного окружного военного суда от 02.10.2020 № 22А-357/2020 // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 10.12.2022. Данное определение не публиковалось.

¹⁵ Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 06.04.2021 по делу № 55—130/2021 // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 15.03.2023. Данное определение не публиковалось.

¹⁶ В частности, в приказе от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия прокурорам предписывается обращать внимание на соблюдение при назначении и производстве судебных исследований и экспертиз требований УПК РФ, в том числе касающихся обеспечения принципа независимости эксперта, а также его компетентности, включая наличие аттестации на право самостоятельного производства экспертизы, проведенной в порядке, установленном соответствующими федеральными органами исполнительной власти, и лицензии, если этого требуют действующие нормативные правовые акты в сфере судебно-экспертной деятельности (п. 1.14).

О некоторых дискуссионных вопросах использования экономических знаний в расследовании преступлений

Дмитрий Борисович Орехов,
Московский государственный областной педагогический университет,
Московская область, г. Мытищи, Россия
E-mail: pochta-4@mail.ru

Аннотация. В данной статье автор рассматривает вопросы использования экономических знаний в расследовании преступлений (в первую очередь, преступлений в сфере экономики). Автором приводится анализ доктринального толкования отдельных аспектов привлечения эксперта и специалиста в науке уголовного процесса и в правоприменительной практике. На основе проведенного анализа предлагаются отдельные рекомендации по совершенствованию правового регулирования использования экономических знаний как в нормах законодательства и разрабатываемых законопроектах, так и в актах толкования норм права высшими судебными инстанциями

Ключевые слова: эксперт, специалист, ревизия, специальные экономические знания, компетентность специалиста, классификация судебно-экономических экспертиз

Научная специальность: 5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Для цитирования: Д.Б. Орехов. О некоторых дискуссионных вопросах использования экономических знаний в расследовании преступлений // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 96—103.

On some controversial issues of the use of economic knowledge in the investigation of crimes

Dmitrii Borisovich Orekhov,
Moscow State Regional Pedagogical University, Moscow region, Mytishchi, Russia
E-mail: pochta-4@mail.ru

Abstract. In this article, the author considers the issues of using economic knowledge in the investigation of crimes (primarily crimes in the field of economics).

The author provides an analysis of the doctrinal interpretation of certain aspects of the involvement of an expert and specialist in the science of criminal procedure and in law enforcement practice. On the basis of the analysis carried out, separate recommendations are proposed for improving the legal regulation of the use of economic knowledge both in the norms of legislation and draft laws being developed, and in acts of interpretation of the norms of law by higher judicial authorities

Key words: expert, specialist, revision, special economic knowledge, specialist's competence, classification of forensic economic expertise

Рассмотрению проблемы использования экономических знаний в расследовании преступлений должно предшествовать решение вопроса допустимости использования терминов «познание» и «знание» как идентичных. До настоящего времени данный вопрос является дискуссионным. Некоторые ученые, среди которых Е.Р. Россинаская [1, с. 8], С.А. Шейфер [2, с. 134—135], полагая, что между понятиями «знание» и «познание» отсутствуют существенные смысловые различия, придерживаются мнения об их синонимичности и возможности использования как равнозначных.

Подобный подход, на наш взгляд, обусловлен отсутствием терминологического единства в действующем законодательстве, где в одних случаях законодатель использует понятие «специальные знания» (ст. ст. 57, 58, 195 УПК РФ, ст. ст. 49, 50 КАС РФ, ст. ст. 19, 55, 551 АПК РФ, ст. ст. 79, 85 ГПК РФ и др.), а в других — «специальные познания» (ст. ст. 25.8, 25.9, 26.4 КоАП РФ, ст. 95 НК РФ и др.). Другие ученые склоняются к тому, что термины «знание» и «познание» не являются тождественными. Указанная позиция, которой придерживаемся и мы, исходит из трактовки данных терминов в философских словарях и энциклопедиях в гносеологическом аспекте, согласно которой знание есть результат познания, а познание, в свою очередь, представляется собой деятельность по приобретению знаний [3, с. 123, 293; 4, с. 33, 66; 5, с. 20, 30—31; 6, с. 51, 259].

Ряд ученых-исследователей, в частности Р.С. Белкин, И.Н. Сорокотягин, неоднократно предпринимали попытки привести дефиницию понятия «специальные знания». Устоялось мнение, отраженное еще в УПК РСФСР 1960 года (ст. 78) и наблюдаемое в ряде действующих нормативных правовых актов (например, ч. 1 ст. 79 ГПК РФ, ч. 1 ст. 25.9 КоАП РФ, ст. 2 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и др.), согласно которому под специальными знаниями понимаются научные, а также практические познания в науке, технике, искусстве или ремесле. При этом, как полагает И.Л. Бедняков, отсутствие их общедоступности и общеизвестности, приобретение в процессе профессионального обучения, научно-исследовательской деятельности, прак-

тического применения компетенций, возможность неоднократного применения, а также вовлечение в уголовное судопроизводство в порядке, предусмотренном законом, являются обязательными признаками специальных знаний [7, с. 5].

В доктрине уголовно-процессуального права нет единого мнения по поводу того, кто из участников уголовного судопроизводства может быть наделен специальными знаниями. Некоторые ученые считают, что такими субъектами могут быть исключительно эксперт и специалист, другие полагают, что к субъектам специальных знаний также необходимо отнести лиц, которые осуществляют расследование преступления, в частности, указывая, что дознаватель, следователь, прокурор, состав суда используют специальные знания при реализации процессуальных функций по собиранию, исследованию, а также оценке доказательств по уголовному делу.

Представляется более обоснованной первая точка зрения относительно субъектов специальных знаний, поскольку эксперт и специалист оказывают содействие как органам предварительного расследования, так и суду в расследовании уголовного дела, и именно они в законодательно регламентированном порядке вводят специальные знания в уголовно-процессуальную деятельность. Системное толкование действующего процессуального законодательства также позволяет прийти к такому выводу, поскольку, с одной стороны, законодателем специально выделены такие источники доказательств, как заключение и показания эксперта и специалиста (п. 3 и 31 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), а с другой стороны, вовлечение в уголовно-процессуальную деятельность эксперта и специалиста как носителей специальных знаний призвано обеспечить закрепленную в ст. 15 УПК РФ состязательность сторон уголовного судопроизводства, ограничивая возможность предрешать доказанность определенных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения уголовного дела со стороны лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, несмотря на возможное наличие у них необходимых специальных знаний.

Рассмотрев общие вопросы, связанные с определением специальных знаний в уголовном процессе, определимся с дефиницией

субъектов экономических знаний, под которыми, на наш взгляд, следует понимать сведущих лиц, обладающих необходим профессиональным образованием, знаниями, умениями, компетенциями, практическим опытом, осуществляющих профессиональную деятельность в соответствующей области экономических знаний, постоянно повышающих свою профессиональную квалификацию, не имеющие не снятой или не погашенной судимости и наделенных процессуальным статусом специалиста либо эксперта.

Следует также отдельно остановиться на некоторых теоретических аспектах дискуссионных вопросов использования экономических знаний в расследовании преступлений.

Уголовно-процессуальным законодательством предусматривается обязанность следователя удостовериться в компетентности специалиста до проведения следственного действия (ч. 2 ст. 168 УПК РФ), однако в законе не раскрывается процессуальный порядок, в котором должно осуществляться такое удостоверение. Определяя данное требование для специалиста, законодатель, на наш взгляд, необоснованно устранился от закрепления требований аналогичного характера в отношении эксперта, ограничившись лишь неконкретной формулировкой, согласно которой экспертиза проводится лицами, обладающими специальными знаниями (ч. 2 ст. 195 УПК РФ). Указанные пробелы, по нашему мнению, нуждаются в устранении путем уточнения законодателем соответствующих норм уголовно-процессуального закона либо разъяснения данных вопросов в толкованиях Верховного Суда РФ, закрепленных в соответствующих пленумах (например, постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»).

В юридической литературе неоднократно отмечается, что в содержание специальных знаний не могут включаться правовые знания, поскольку последние являются одной из составляющих профессиональной компетенции осуществляющих расследование лиц. Указанная позиция отражена и в судебной практике Верховного Суда РФ.

Можно выделить по меньшей мере два проблемных фактора, обуславливающих необходимость использования экономических знаний

в расследовании преступлений. Во-первых, имеют место некоторые пробелы в законодательном регулировании, позволяющие преступникам использовать разнообразные способы совершения преступлений с документами, основными средствами и материально-производственными запасами, денежными средствами и их эквивалентами, цифровыми финансовыми активами, используя последние для совершения новых преступлений. Во-вторых, наблюдается недостаточный уровень специальных экономических знаний сотрудников правоохранительных органов, нередко обуславливающий неспособность своевременного выявления преступлений, в том числе в сфере экономики, а также своевременного установления субъектов совершения преступления и сбора необходимых доказательств по уголовному делу. Одновременно с этим, следует отметить отсутствие в научной литературе единства мнений по вопросу привлечения специалиста-экономиста при расследовании преступлений.

Автор считает необходимым также акцентировать внимание на таком частном вопросе использования экономических знаний, как проблема классификации экспертиз экономической направленности. По данному вопросу нет единства мнений ни в ведомственных нормативных правовых актах, ни в разрабатываемых законопроектах, ни в научном сообществе. Так, например, Минюстом России предлагается деление такого рода экспертиз на судебно-бухгалтерскую и судебную финансовую экспертизу (приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России»). Вместе с тем, в приказе МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» предлагается иная классификация, предполагающая выделение бухгалтерской, финансово-аналитической,

финансово-кредитной и налоговой экспертиз. Т.П. Москвина в своей работе «Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» предлагается выделять финансово-кредитную, налоговую, инженерно-экономическую экспертизы и экспертизу финансового состояния хозяйствующего субъекта [8, с. 369]. В диссертации М.Г. Нерсисян предлагается, следуя подходу Минюста России, выделять судебно-бухгалтерскую и судебную финансово-экономическую экспертизу, последнюю подразделяя на финансово-кредитную, налоговую, экспертизу финансового состояния экономического субъекта и экспертизу стоимости долевых инструментов (в будущем трансформируемую в оценочно-стоимостную) [9, с. 29].

В научной литературе также отмечается, что неверный выбор вида экспертизы может повлечь за собой желание заинтересованных лиц признать соответствующее заключение эксперта недопустимым доказательством по уголовному делу, в связи с чем на практике зачастую назначаются комплексные экспертизы в соответствии со статьей 201 УПК РФ. Полагаем, что следует согласиться с М.Г. Нерсисян, которая считает целесообразным в таком случае, не прибегая к комплексной экспертизе, рассматривать вопрос о проведении просто судебной экономической экспертизы, оставляя при этом выделение соответствующего вида экспертизы применительно к каждому из поставленных перед экспертом вопросов на его усмотрение [9, с. 29].

Большое разнообразие предлагаемых видов судебно-экономических экспертиз, в частности, таких как бухгалтерская, налоговая, налоговедческая, финансово-экономическая, финансово-аналитическая, финансово-кредитная, учетно-экономическая, кредитно-денежная, планово-экономическая, инженерно-экономическая, экономико-статистическая, строительно-бухгалтерская, экономико-трудовая и т.д., обуславливает необходимость скорейшего законодательного регулирования данного вопроса.

Проблемным вопросом в доктрине уголовного процесса и криминалистической тактике, на наш взгляд, является также вопрос недостаточного регулирования такого метода сбора доказательств, как ревизия, предусмотренная

нормами ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ. Несмотря на то, что дознаватель и следователь вправе требовать производства ревизий, порядок их проведения нормами уголовно-процессуального закона не определен. Источником доказательств в данном случае должен выступать документ, составляемый по результатам проведения ревизии (например, акт ревизии). Вместе с тем, в ряде случаев остаются неясными вопрос субъектного состава лиц, проводящих ревизию (специалист, эксперт, аудитор, ревизионная комиссия либо работники ревизуемого хозяйствующего субъекта), а также вопрос, к какому виду доказательств, указанных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, следует относить документ, составляемый по результатам ревизии (заключение эксперта, специалиста либо иные документы).

На наш взгляд, учитывая значимость акта ревизии как источника доказательств для расследования уголовных дел в сфере экономики, целесообразно включить его в число доказательств в ч. 2 ст. 74 УПК РФ и закрепить в нормах уголовно-процессуального закона порядок его получения с привлечением не аффилированных с ревизуемым хозяйствующим субъектом специалистов, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ специалист, в частности, оказывает содействие в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов при расследовании уголовного дела. Поскольку вопросы проведения ревизии затрагиваются только в отдельных нормативных правовых актах, которые определяют порядок ее проведения в рамках государственного, муниципального или бюджетного контроля в отношении государственных и муниципальных экономических субъектов в ходе реализации административно-властных полномочий вышестоящими инстанциями и не регулируют такой порядок в отношении коммерческих организаций, то в целях информационного обеспечения криминалистической тактики расследования преступлений в сфере экономики следует разработать Инструкцию, регламентирующую единообразный порядок проведения проверок (ревизий), которая, в частности, может быть утверждена совместным приказом Минюста России, Минфина России, Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета России,

МВД России и иных заинтересованных министерств и ведомств.

В заключение следует остановиться на отдельных аспектах судебно-следственной практики использования экономических знаний в расследовании преступлений.

Заметим, что следственная практика в вопросе исполнения закрепленной ст. 168 УПК РФ обязанности следователя удостовериться в компетентности специалиста перед проведением следственного действия является неоднозначной. Такое удостоверение реализуется либо посредством приобщения к материалам уголовного дела заверенных копий документов, подтверждающих образование, квалификацию и стаж работы специалиста, либо оформлением и последующим приобщением к материалам дела объяснения специалиста по соответствующим вопросам его квалификации, либо проведением беседы с руководителем экспертной организации, в которой осуществляет свою деятельность привлекаемый к участию в следственном действии специалист. Как отмечалось ранее, вопрос проверки и оценки компетентности специалиста и эксперта нуждается в уточнении, причем, наиболее оправданным представляется первый из указанных подходов следственной практики, поскольку, на наш взгляд, он согласуется с позицией Верховного Суда РФ в отношении негосударственного эксперта, изложенной в абз. 2 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28, в соответствии с которым в отношении такого эксперта суд, в числе прочего, предварительно запрашивает сведения, свидетельствующие о надлежащей квалификации и компетентности эксперта (в частности, об образовании, специальности, стаже работы судебным экспертом и т.д.) и при необходимости приобщает заверенные копии подтверждающих указанные сведения документов к материалам уголовного дела.

В декабре 2022 года Минюстом России предложен проект распоряжения Правительства РФ «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.11.2021 № 3214-р», зарегистрированный за номером 01/23/12—22/00133976. Несмотря на то, что указанным законопроектом перечень экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, допол-

нен судебной экономической экспертизой (включающей в указанном проекте в себя финансово-экономическую, финансово-аналитическую и налоговую), отсутствие единой законодательно закрепленной классификации экспертиз, предполагающих использование специальных экономических знаний, позволит в ряде случаев проводить такого рода экспертизы и в негосударственных экспертных организациях. Такое заключение можно сделать по результатам анализа правоприменительной судебной практики, в частности, кассационного определения Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2022 № 88а-37531/2022 по делу № 8а-32342/2022 [10].

В указанном деле рассматривался вопрос об установлении кадастровой стоимости земельного участка, и для его разрешения была назначена судебная оценочная экспертиза, порученная негосударственному экспертному учреждению. Доводы административного ответчика о недопустимости поручения проведения экспертизы негосударственному эксперту, мотивированные тем, что судебная экспертиза по определению рыночной стоимости объектов землеустройства в рамках установления их кадастровой стоимости согласно распоряжению Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р включена в перечень судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, судом кассационной инстанции были отклонены. Свое определение кассационная инстанция мотивировала решением Верховного Суда РФ от 24.03.2022 № АКПИ22—93 [11], в котором указано, что суд, с учетом фактических обстоятельств дела, сам определяет характер и виды необходимых ему для правильного рассмотрения дела специальных познаний и принимает решение о назначении экспертизы, в том числе и вне государственных судебно-экспертных учреждений, несмотря на утвержденный перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями.

При рассмотрении субъектов экономических знаний мы уже обращали внимание на то, что в теории уголовного процесса и судебной экспертизы преобладает мнение, согласно которому правовые вопросы не могут включаться в содержание специальных знаний, субъектами

которых являются эксперты и специалисты. Судебная практика также придерживается указанной позиции. Как отмечается в пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (в редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22), не допускается постановка перед экспертом вопросов, которые связаны с оценкой деяния, а также вопросов, связанных с оценкой достоверности полученных в ходе производства следственных действий показаний, поскольку разрешение такого рода вопросов не входит в компетенцию эксперта и является в силу положений ст. 88 УПК РФ прерогативой лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Проблемным на наш взгляд является вопрос правоприменительной практики при оценке доказательств, получаемых с привлечением специалистов, поскольку данные ими заключения судами зачастую расцениваются как менее значимые по сравнению с заключениями экспертов, в частности, по мотивам непредупреждения специалиста об уголовной ответственности.

Так, например, апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 14.10.2021 по делу № 10—10782/2021 по уголовному делу по обвинению в незаконной банковской деятельности было отказано в признании в качестве допустимых доказательств заключений специалистов, опровергающих выводы судебных бухгалтерских экспертиз. Суд апелляционной инстанции в своем определении указал, что, во-первых, давшие заключение специалисты не предупреждались об уголовной ответственности, а, во-вторых, заключение специалиста не обладает присущей заключению эксперта доказательственной силой [12].

Несмотря на то, что в соответствии с ч. 2 ст. 17 УПК РФ и разъяснениями Конституционного Суда РФ, содержащимися в его постановлении от 14.07.2017 № 21-П [13], никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы и приоритета перед другими доказательствами, а в силу п. 31 ч. 2 ст. 74 УПК РФ заключение специалиста является одним из источников доказательств по уголовному делу и в соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от

21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» может быть приобщено к материалам уголовного дела и использоваться в процессе доказывания, вместе с тем, подобного рода суждения о приоритете заключения эксперта перед заключением специалиста в судебных актах — не редкость.

На наш взгляд, для решения указанной проблемы в правоприменительной практике необходимо, с одной стороны, рекомендовать законодателю внести изменения в уголовный и уголовно-процессуальный закон по вопросу предупреждения специалиста об уголовной ответственности при даче им заключения, а, с другой стороны, обеспечить реализацию института частных определений в судах кассационной и надзорной инстанций в соответствии с ч. 4 ст. 29 УПК РФ в отношении нижестоящих судов, допустивших грубое нарушение уголовно-процессуального закона, которое могло повлиять на законность и обоснованность постановленного приговора по уголовному делу.

Изложенные проблемные вопросы использования экономических знаний в расследовании преступлений требуют адекватного реагирования как со стороны законодателя, так и со стороны правоприменителей, в первую очередь — со стороны Верховного Суда РФ, который осуществляет толкование действующих норм законодательства для правильного их применения. Такое реагирование должно быть реализовано путем корректировки или дополнения существующих правовых норм в действующем уголовно-процессуальном законе, разъяснениях Пленумов Верховного Суда РФ и утверждаемых им обзоров судебной практики.

Список источников

1. *Россинская, Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе [Текст]: монография / Е.Р. Россинская. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2022. 576 с.
2. *Шейфер, С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма [Текст]: науч.-метод. пособие / С.А. Шейфер. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с. ISBN 5-93295-025-0.
3. *Алексеев, А.П.* Краткий философский словарь [Текст]: словарь / А.П. Алексеев, Г.Г. Васильев [и др.]; под ред. А.П. Алексеева. 2-е изд.,

пе-рераб. и доп. М.: Велби, Изд-во Проспект, 2008. 496 с. ISBN 978-5-482-01782-1.

4. *Болтаевский, А.А.* Краткий философский словарь [Текст]: словарь / А.А. Болтаевский, И.П. Прядко. М.: Инфра-М, 2020. 113 с. ISBN 978-5-16-109232-3.

5. *Мальшевский, А.Ф.* Философско-терминологический словарь [Текст]: словарь / А.Ф. Мальшевский [и др.]; под ред. А.Ф. Мальшевского. Калуга: Изд.-пед. центр «Гриф», 2004. 330 с. ISBN 5-89668-079-1.

6. *Степин, В.С.* Новая философская энциклопедия [Текст]: энциклопедия / В.С. Степин, Г.Ю. Семигин, А.А. Гусейнов [и др.]; под науч. ред. В.С. Степина. Том 3. М.: Изд-во «Мысль», 2010. 692 с. ISBN 978-5-244-01118-0.

7. *Бедняков, И.Л.* Использование специальных знаний в расследовании преступлений [Текст]: учеб. пособие / И.Л. Бедняков [и др.]; под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. И.Л. Беднякова. Самара: Самарский юрид. ин-т ФСИН России, 2018. 70 с. ISBN 978-5-91612-238-1.

8. *Москвина, Т.П.* Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России [Текст] / под общей ред. Т.П. Москвиной. М.: РФЦСЭ при Минюсте России; Изд-во Антитор, 2004. 501 с. ISBN 5-93751-020-8.

9. *Нерсесян, М.Г.* Теоретические и методические аспекты судебной финансово-кредитной экспертизы [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.12 / Нерсесян Медея Григорьевна. Москва, 2020. 171 с.

10. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2022 № 88а-37531/2022 по делу № 8а-32342/2022 // Официальный сайт Четвертого кассационного суда общей юрисдикции [Сетевой ресурс]. URL: http://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=suddelo&sv_num=1&name_op=doc&number=14728882&delo_id=43&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.02.2023).

11. Решение Верховного Суда РФ от 24.03.2022 № АКПИ22—93 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями,

утвержденного Распоряжением Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р» // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Сетевой ресурс]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2104486 (дата обращения: 01.02.2023).

12. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.10.2021 по делу № 10-10782/2021 // Официальный сайт Московского городского суда [Сетевой ресурс]. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/1345b3a0-2d88-11ec-81cb-538ffc3c6472> (дата обращения: 01.02.2023).

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2017 № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Савченко» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 6, 2017.

References

1. *Rossinskaya E.R.* Forensic expertise in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings [Text]: monograph / E.R. Rossinskaya. 4th edition, revised and expanded. Moscow: Norma Publ.: Infra-M Publ., 2022, 576 p.

2. *Shafer S.A.* Investigative actions. System and procedural form [Text]: scientific and methodical allowance / S.A. Shafer. Moscow: Yurlitinform Publ., 2001, 208 p. ISBN 5-93295-025-0.

3. *Alexeev A.P.* Brief philosophical dictionary [Text]: dictionary / A.P. Alexeev, Vasiliev G.G. [and others]; edited by A.P. Alexeev. 2nd edition, revised and expanded. Moscow: Velbi Publ., Prospect Publ., 2008, 496 p. ISBN 978-5-482-01782-1.

4. *Boltaevsky A.A.* Brief philosophical dictionary [Text]: dictionary / A.A. Boltaevsky, I.P. Pryadko. Moscow: Infra-M Publ., 2020, 113 p. ISBN 978-5-16-109232-3.

5. *Malyshevsky A.F.* Philosophical and terminological dictionary [Text]: dictionary / A.F. Malyshevsky [and others]; edited by A.F. Malyshevsky. Kaluga: Grif Publ.-ped. center, 2004, 330 p. ISBN 5-89668-079-1.

6. *Stepin V.S.* The new philosophical encyclopedia [Text]: encyclopedia / V.S. Stepin, G.U.

Semigin, A.A. Huseynov [and others]; under the scientific editorship of V.S. Stepin. Vol. 3. Moscow: Mysl Publ., 2010, 692 p. ISBN 978-5-244-01118-0.

7. *Bednyakov I.L.* The use of special knowledge in the investigation of crimes [Text]: study guide / I.L. Bednyakov [and others]; edited by PhD I.L. Bednyakov. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018, 70 p. ISBN 978-5-91612-238-1.

8. *Moskvina T.P.* Possibilities of conducting a forensic expertise in state forensic institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation [Text] / edited by T.P. Moskvina. Moscow: The Russian Federal Center for Forensic Expertise under the Ministry of Justice of Russia, Antidor Publ., 2004, 501 p. ISBN 5-93751-020-8.

9. *Nersesyan M.G.* Theoretical and methodological aspects of judicial financial and credit expertise [Text]: PhD dissertation. Specialization 12.00.12 / Nersesyan Medea Grigorievna. Moscow, 2020, 171 p.

10. Cassation ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction issued on November 22, 2022 No. 88a-37531/2022 in case No. 8a-32342/2022 // Official website of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction [Network res.]. URL: [http://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud-delo&srv_num=1&name_op=doc&number=](http://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud-delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14728882&delo_id=43&new=0&text_number=1)

14728882&delo_id=43&new=0&text_number=1 (date of access: February 1, 2023).

11. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation issued on March 24, 2022 No. AKPI22—93 «On the refusal to satisfy the application for recognition as partially invalid the list of types of forensic examinations conducted exclusively by state forensic expert organizations, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated November 16, 2021 No. 3214-g» // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation [Network res.]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2104486 (date of access: February 1, 2023).

12. Appeal ruling of the Moscow City Court issued on October 14, 2021 in case No. 10—10782/2021 // Official website of the Moscow City Court [Network res.]. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/1345b3a0-2d88-11ec-81cb-538ffc3c6472> (date of access: February 1, 2023).

13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation issued on July 14, 2017 No. 21-P «In the case of checking the constitutionality of the first part of Article 260 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E.V. Savchenko» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation, No. 6, 2017.

Блокчейн технологии как средство модернизации цифрового уголовного судопроизводства

Ханбулат Хизриевич Рамалданов,
Российский новый университет, Москва, Россия
E-mail: hanbulatramaldanov93@mail.ru

Аннотация. Автором сделан акцент на применение блокчейн технологии для нужд отечественного уголовного процесса в рамках электронного уголовного дела. В работе предлагаются возможные пути использования рассматриваемой технологии для улучшения качества и эффективности расследуемых преступлений, а также соблюдения прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства. Предлагаемый механизм работы позволит аутентифицировать и верифицировать лиц, представляющих стороны обвинения и защиты, контролировать процессуальные сроки, измеряемые в том числе в часах

Ключевые слова: цифровое уголовное судопроизводство, блокчейн технологии, доказывание, электронное уголовное дело, следственные действия

Научная специальность: 5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Для цитирования: Х.Х. Рамалданов. Блокчейн технологии как средство модернизации цифрового уголовного судопроизводства // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 104—108.

Blockchain technologies as a means of modernizing digital criminal justice

Khanbulat Khizrievich Ramaldanov,
Russian New University, Moscow, Russia
E-mail: hanbulatramaldanov93@mail.ru

Abstract. The author focuses on the use of blockchain technology for the needs of the domestic criminal process in the framework of an electronic criminal case. The paper suggests possible ways to use the technology under consideration to improve the quality and efficiency of the crimes under investigation, as well as to respect the rights and legitimate interests of all participants in criminal proceedings. The proposed mechanism of work will allow to authenticate and verify the persons representing the parties of the prosecution and defense, to control the procedural terms, measured including in hours

Key words: digital criminal justice, blockchain technologies, proof, electronic criminal case, investigative actions

XXI век является наиболее прорывным относительно развития цифровых технологий. В настоящее время взаимодействие между людьми, различными организациями, оказывающими услуги (юридические, медицинские,

консультационные), гражданами и государственными органами осуществляется с использованием информационных технологий. Безусловно, столь экспоненциальный рост технологий оказывает на общество как положительное,

так и отрицательное влияние. Однако хотелось бы отметить, что технологии создают условия для качественной и эффективной работы государственных или коммерческих органов.

К примеру, благодаря цифровым технологиям практически во всех учреждениях, организациях, в том числе и правоохранительных органах, осуществляется электронный документооборот, что способствует сокращению как временных ресурсов, так и материальных расходов. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, выступая на конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» 24 ноября 2022 года, отметил, что в предстоящие 10 лет в нашей стране надо обеспечить массовое внедрение искусственного интеллекта во все сферы, внедрить его технологии в каждый нацпроект и госпрограмму [1]. Слова Президента дополнительно подтверждают то, что государство учитывает научно-технический прогресс.

Разумеется, цифровые технологии должны быть внедрены в отечественное уголовное судопроизводство. Это необходимо для того, чтобы правоохранительные органы, осуществляющие предварительное расследование, могли своевременно выявлять и пресекать преступления, а также качественно и эффективно их расследовать. Стоит отметить, что без цифровых технологий крайне сложно расследовать преступления, совершаемые с использованием сети Интернет.

Актуальность исследуемой темы не вызывает сомнений. Изучение массива научных трудов позволяет заметить, что среди работ наиболее часто цитируемыми являются исследования, связанные с цифровизацией. Также различные конференции посвящены проблемам использования цифровых технологий в правоохранительной деятельности.

П.С. Пастухов вполне обоснованно аргументирует, что «процесс доказывания в условиях современного информационного общества претерпел кардинальные изменения, так как современные цифровые устройства, интернет-сервисы повсеместно фиксируют информацию о многочисленных аспектах человеческой деятельности» [2, с. 558].

На сегодняшний день в научном сообществе для решения уголовно-процессуальных проблем учеными предлагаются различные виды технологий. Применяемые для защиты прав граждан цифровые технологии имеют много граней, одной из которых является блокчейн технология.

Блокчейн (англ. blockchain или block chain) — это распределенная база данных, у которой устройства хранения данных не подключены к общему серверу. Эта база данных хранит постоянно растущий список упорядоченных записей, называемых блоками. Каждый блок содержит метку времени и ссылку на предыдущий блок. Чаще всего копии цепочек блоков хранятся и независимо друг от друга обрабатываются на разных компьютерах [3, с. 228].

Основным принципом функционирования новой технологии является прозрачность совершаемых операций с невозможностью их изменения лицами, не имеющими к ней санкционированного доступа. Каждая запись представлена в виде блока, а каждый блок связан вместе, следуя хронологическому порядку. Именно поэтому термин «блокчейн» переводится как «цепочка блоков» [4].

Применение шифрования гарантирует, что пользователи могут изменять только те части цепочки блоков, которыми они «владеют» в том смысле, что у них есть закрытые ключи, без которых запись в файл невозможна. Кроме того, шифрование обеспечивает синхронизацию копий распределённой цепочки блоков у всех пользователей [5].

Н.С. Зиновьева отметила, что «блокчейн-технология использует криптографию и цифровые подписи для удостоверения личности: транзакции прослеживаются вплоть до криптографических идентификационных данных, которые теоретически анонимны, но могут быть прикреплены к реальным идентификационным данным после некоторого инженерного анализа» [6, с. 185].

В научном сообществе учеными предлагаются различные варианты для апробации блокчейн технологии в уголовном судопроизводстве. Исследуемая технология имеет как плюсы, так и минусы. А.И. Халиуллин указал, что од-

ним из плюсов этой системы является факт того, что невозможно подделать запись только в одном или десятках блоков, а требуется внести изменения сразу в блоки, хранящиеся у всех пользователей базы данных, иначе они будут считаться нелегитимными, [7, с. 383] а в качестве минуса отметил, что для внедрения этой системы необходимы высокопроизводительные компьютеры и высокоскоростные магистрали передачи данных. Следовательно, в настоящее время изложенное реализуемо в ограниченных случаях [7, с. 384].

Н.С. Зиновьева считает, что необходимо использовать особенности блокчейн-технологии, которые позволят помочь правоохранительным органам найти необходимые им связи и последовательность переводов. Человек, который осуществляет транзакции с криптовалютой, может быть неизвестен, но всегда возможно отследить движение его средств [6, с.188]. В.Б. Харченко предлагает использовать блокчейн технологии при проведении судебной экспертизы [8, с. 78]. Аналогичную позицию занимает также Л.В. Бертовский [3, с. 229].

Так, Л.В. Бертовский справедливо отметил, что «безопасность в технологии блокчейн обеспечивается через децентрализованный сервер, проставляющий указанные метки времени, и одноранговые сетевые соединения. В результате формируется база данных, которая управляется автономно, без единого центра. Это делает цепочки блоков очень удобными для регистрации событий (например, фиксации поступивших документов, протоколов проведенных следственных действий, получение решения суда об избрании или продлении меры пресечения, внесения медицинских записей) и операций с данными, управления идентификацией и подтверждения подлинности источника» [3, с.229].

А.И. Халиуллин указал, что преимущество внедрения технологии блокчейна в уголовное судопроизводство заключается «в сокращении временных интервалов взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства и оперативностью получения разрешенной в рамках закона информации, что будет способствовать соблюдению разумных сроков уголовного судопроизводства» [7, с.384].

Л.В. Бертовский пишет, что «цифровое судопроизводство — урегулированная нормами процессуального права деятельность суда, участвующих в деле лиц и других участников процесса, а также органов исполнения судебных решений по разрешению юридических дел, в которой ключевым фактором являются данные в цифровом виде, обработка и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами судопроизводства позволяют существенно повысить его эффективность; Можно выделить несколько основных направлений развития цифрового судопроизводства: нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технических заделов, информационная инфраструктура и информационная безопасность» [3, с.227]

Учитывая изложенное, следует констатировать, что нам явлена тотальная цифровизация общества и вероятность того, что уголовное судопроизводство также перейдет на «цифровые рельсы» крайне высока, это всего лишь дело времени. Данный процесс уже не остановить, а нам необходимо его адаптировать под нужды уголовного судопроизводства [9, с. 91].

Ведь как обоснованно указали О.С. Кучин и Я.О. Кучина «уровень современного научно-технического прогресса сам по себе предопределяет безусловное использование его достижений для повышения эффективности применения высоких технологий при выявлении, раскрытии, расследовании и превенции преступлений» [10, с. 84].

Примером применения высоких технологий видится в следующем. Использование блокчейн технологии в рамках электронного уголовного дела [11] позволит:

- аутентифицировать и верифицировать всех участников уголовного судопроизводства, а также объем их процессуальных полномочий. К примеру, защитник при проведении допроса подозреваемого лица предъявляет удостоверение адвоката и ордер, которые при их внесении в протокол допроса автоматически в него «подтянутся» при наличии сведений в реестре адвокатов. В случае подтвер-

ждения его статуса блокчейн технология позволит продолжить следственное действие. Процесс установления валидности статуса защитника наглядно будет выглядеть также, как при внесении каких-либо данных через портал Госуслуги (рисунок 1).

- контролировать сроки производства следственных действий. К примеру, согласно ч. 2 ст. 187 УПК РФ допрос без перерыва не должен проводиться более

4 часов. Блокчейн технология позволит отследить точную продолжительность следственного действия, не позволяя превысить допустимую УПК РФ протяженность допроса. Применение данного механизма обеспечит соблюдение прав допрашиваемого лица и исключит влияние человеческого фактора, связанного с возможным превышением времени, отведенного на проведение процессуального действия.

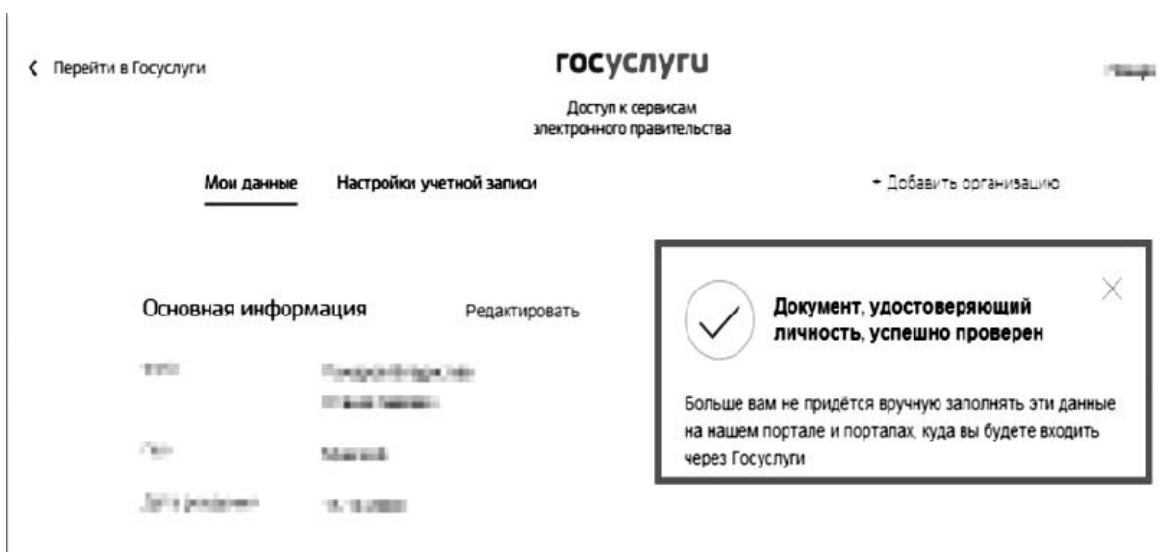

Рис. 1. Пример проверки документа, удостоверяющего личность

Таким образом, думается, что внедрение блокчейн технологии в уголовное судопроизводство позволит формировать любой процессуальный документ в виде последовательной цепочки блоков, выполнение условий заполнения которых предоставит возможность идентифицировать участников уголовного процесса, выявлять объем их полномочий, устанавливая факты представления недействительных, поддельных документов, контролировать соблюдение процессуальных сроков, выполнение иных требований, предъявляемых к доказательствам и процессу доказывания. При этом, ни сторона обвинения, ни сторона защиты не смогут воздействовать, исказить информацию в «закрытых, отработанных» блоках процессуального документа.

Список источников

1. <https://rg.ru/2022/11/24/na-shag-vpered.html> (дата обращения 26.02.2023)
2. Пастухов, П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств / П.С. Пастухов // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: Сборник научных статей, Пермь, 18—19 ноября 2016 года / Ответственные редакторы В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. Пермь: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2017. С. 558—566. EDN YOJLOV.
3. Бертовский, Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства / Л.В. Бертовский // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 226—230. EDN VSJFYD.

4. <https://vc.ru/crypto/607753-что-такое-bitcoin-prostym-yazykom> (дата обращения 26.02.2023)
5. <https://coinspot.io/beginners/что-такое-блокчейн-rasskazhem-prostymi-slovami/> (дата обращения 26.02.2023)
6. *Зиновьева, Н.С.* Возможности блокчейн-технологии в раскрытии и расследовании преступлений в интернет-пространстве / Н.С. Зиновьева // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 3(86). С. 184—189. EDN YAАIUX.
7. *Халиуллин, А.И.* Перспективы использования принципов технологии блокчейн в уголовном судопроизводстве / А.И. Халиуллин // Правовые механизмы защиты прав человека и гражданина в современных условиях: материалы научно-практической конференции (к 25-летию Университета управления «ТИСБИ»), Казань, 03—05 октября 2016 года. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2016. С. 383—385. EDN YNPCCN.
8. *Харченко, В.Б.* Перспективы внедрения блокчейн технологий в судебную экспертизу / В.Б. Харченко // Юридическая наука. 2020. № 2. С. 77—79. EDN NYBVRS.
9. *Рамалданов, Х.Х.* Видеопротоколирование как основа цифровизации уголовного судопроизводства / Х.Х. Рамалданов // Юрист-Правоведь. 2022. № 4(103). С. 86—92. EDN WNEIOM.
10. *Кучин, О.С.* Ретроспективно-перспективный анализ дефиниции «цифровая криминалистика» / О.С. Кучин, Я.О. Кучина // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 2. С. 84—101. DOI 10.31085/2310-8681-2021-2-208-84-101. EDN ESVVPS.
11. *Рамалданов, Х.Х.* Электронное уголовное дело: миф или реальность? / Х.Х. Рамалданов // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2(33). С. 93—98. EDN EHTKOS.

**Приоритетные задачи обеспечения правосудия
в условиях осуществления судебно-правовых реформ
(опыт Республики Узбекистан)**

Владимир Михайлович Редкоус,

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН

E-mail: rwmмос@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрены приоритетные задачи обеспечения правосудия в условиях продолжающихся судебно-правовых реформ на основе утвержденной Указом Президента Республики Узбекистан от 16 января 2023 года №УП-11 краткосрочной Стратегии поднятия на качественно новый уровень судебной системы на 2023—2026 годы

Ключевые слова: судебная система; правосудие; судебно-правовые реформы; права и законные интересы граждан и предпринимателей; справедливые судебные решения; сравнительное правоведение

Для цитирования: В.М. Редкоус. Приоритетные задачи обеспечения правосудия в условиях осуществления судебно-правовых реформ (опыт Республики Узбекистан) // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 109—115.

**Priority tasks of ensuring justice in the conditions
of implementation judicial and legal reforms
(experience of the Republic of Uzbekistan)**

Vladimir Mikhailovich Redkous,

Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Legal Sciences, Professor

E-mail: rwmмос@rambler.ru

Abstract. The article considers the priority tasks of ensuring justice in the context of ongoing judicial and legal reforms on the basis of the short-term Strategy of raising the judicial system to a qualitatively new level for 2023—2026 approved by the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated January 16, 2023 No. UP-11

Key words: judicial system; justice; judicial and legal reforms; rights and legitimate interests of citizens and entrepreneurs; fair judicial decisions; comparative jurisprudence

Конституционное развитие Российской Федерации [1; 2; 3; 4; 5], получившее новый импульс после принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [6], оказало влияние и на функционирование судебной системы Российской Федерации, в деятельности которой накопился ряд проблем [7; 8]. С целью совершенствования функционирования российской судебной системы необходимо изучение зарубежного опыта судебно-правовых реформ и учет положительного опыта в российских условиях. Рассмотрим опыт Республики Узбекистан, где в последнее время достаточно активно проводятся судебно-правовые реформы.

Осуществленные в Республике Узбекистан последние годы судебно-правовые реформы наряду с обеспечением независимости судебной власти, открытости и прозрачности судов предоставили возможность усиления гарантий защиты прав и законных интересов граждан и предпринимателей. Вместе с тем дальнейшее расширение доступа населения к правосудию в рамках принципа «Новый Узбекистан — новый суд» потребовало ускорения реформирования судебно-правовой системы, внедрения передовых международных стандартов в рассматриваемую сферу для решения этих задач Указом Президента Республики Узбекистан от 16 января 2023 г. № УП-11 «О дополнительных мерах по дальнейшему расширению доступа к правосудию и повышению эффективности деятельности судов» [9] были приняты краткосрочная Стратегия поднятия на качественно новый уровень судебной системы на 2023—2026 годы (далее — Стратегия), а также утверждена Программа действий по реализации краткосрочной Стратегии поднятия на качественно новый уровень судебной системы на 2023—2026 годы.

В рамках Стратегии определены следующие приоритетные задачи обеспечения правосудия:

- формирование подлинной справедливой судебной системы на основе идеи «Во имя чести и достоинства человека» и направление ее деятельности на эффектив-

ную защиту интересов народа и достоинства человека;

- укрепление доверия народа, в том числе предпринимателей, к судебной системе путем достижения принятия справедливых судебных решений, утверждение в создании каждого гражданина образа суда и судей как своих надежных защитников;
- совершенствование законодательства, направленного на создание всех возможностей для граждан и предпринимателей по защите своих прав и законных интересов в судах, полную реализацию принципов состязательности и равенства сторон в судопроизводстве, обеспечение объективности судов на практике;
- полная цифровизация деятельности судов, внедрение технологий искусственного интеллекта, улучшение межведомственного обмена электронными данными, расширение возможностей дистанционного участия в судебных заседаниях;
- усиление гарантий независимости и неприкосновенности судей, разработку эффективных механизмов предупреждения случаев проявления неуважения к суду и вмешательства в судебные дела;
- обеспечение неукоснительного исполнения судебных решений, повышение ответственности государственных и местных органов в этом направлении;
- формирование у каждого гражданина и предпринимателя, обратившегося в суд, чувства удовлетворенности судом, а в конечном итоге — государством, путем привития высокой культуры общения судьям и работникам судов.

В целях создания удобного и упрощенного для граждан порядка проверки законности, обоснованности и справедливости принятия судебных решений по уголовным делам Верховным судом совместно со Службой государственной безопасности, Генеральной прокуратурой и Министерством юстиции разработан проект закона, предусматривающий:

- пересмотр дел, рассмотренных межрайонными, районными, городскими судами в первой инстанции, в областных и приравненных к ним судах в апелляционном или кассационном порядке;

- пересмотр дел, рассмотренных областными и приравненными к ним судами в апелляционном или кассационном порядке, в этих же судах в ревизионном порядке;
- пересмотр дел, рассмотренных областными и приравненными к ним судами в ревизионном порядке, в судебных коллегиях Верховного суда в ревизионном порядке;
- отмену порядка направления вышестоящими судами дел на новое рассмотрение в нижестоящие суды и возложение на вышестоящие суды ответственности за вынесение окончательного решения по делу.

Это потребует от Верховного суда совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами принятие организационных мер, необходимых для своевременного и эффективного внедрения на практике предлагаемого порядка, а также подробного разъяснения населению его сути и содержания.

Важнейшей предпосылкой обеспечения подлинной независимости судей государством является создание условия для строгого наказания за любое вмешательство в деятельность судей, их безопасную работу.

Усилению независимости судов и обеспечению неприкосновенности судей будут способствовать следующие меры:

- разработка эффективных механизмов предупреждения случаев проявления неуважения к суду, для достижения этой цели — усиление мер административной ответственности и установление уголовной ответственности;
- усиление мер ответственности за вмешательство в разрешение судебных дел и неисполнение судебных актов, а также внедрение действенных механизмов, направленных на обеспечение исполнения судебных актов;
- внедрение порядка обязательного информирования общественности об итогах каждого уголовного дела касательно вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия через средства массовой информации;
- установление порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограни-

чивающих права судей на неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, курьерских отправок и телеграфных сообщений, передаваемых по каналам связи, а также направленных на получение информации о соединениях между абонентами или абонентскими устройствами, исключительно на основании санкции Генерального прокурора;

внедрение практики рассмотрения органами юстиции обращений физических и юридических лиц непроцессуального характера касательно вопросов предоставления правовых разъяснений.

В рамках внедрения новых механизмов, направленных на полную реализацию принципов состязательности и равенства сторон на всех стадиях судопроизводства, обеспечение беспристрастности судов на практике, по предложению Генеральной прокуратуры и Верховного суда предполагается создание в рамках Генеральной прокуратуры Корпуса специализированных прокуроров по оказанию содействия в отправлении правосудия (далее — Корпус специализированных прокуроров).

Корпусом специализированных прокуроров определены: управления Генеральной прокуратуры по обеспечению полномочий прокурора при рассмотрении уголовных, гражданских, экономических, административных дел в судах; соответствующие отделы и подразделения прокуратур Республики Каракалпакстан, областей и города Ташкента по обеспечению полномочий прокурора при рассмотрении уголовных, гражданских, экономических, административных дел в судах; соответствующие заместители и помощники прокуроров районов (городов) по вышеуказанным направлениям.

Определены основные задачи Корпуса специализированных прокуроров, которыми стали: обеспечение полномочий прокурора при рассмотрении дел в судах в порядке, установленном в Законе «О прокуратуре» и процессуальном законодательстве; оказание содействия в эффективном осуществлении деятельности правосудия с использованием равных прав наряду с другими участниками судебного процесса, качественную поддержку государственного обвинения в судах по уго-

ловным делам, основываясь исключительно на законе с сохранением беспристрастности; достижение эффективной судебной защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц; оказание содействия в работе по повышению практических навыков и квалификации сотрудников органов дознания и следствия исходя из судебной практики.

Эффективность деятельности Корпуса специализированных прокуроров будет подкреплена установлением следующих мер: сотрудники Корпуса специализированных прокуроров осуществляют свои полномочия независимо от любого органа и должностного лица, подчиняясь только закону, не допускается какое-либо вмешательство в их деятельность, связанную с участием в судах, за исключением случаев, предусмотренных законодательством; в Корпус специализированных прокуроров областных и приравненных к ним прокуратур привлекаются сотрудники, проработавшие, как правило, не менее трех лет в соответствующих направлениях районных (городских) прокуратур, в Корпус специализированных прокуроров Генеральной прокуратуры — проработавшие как правило не менее пяти лет; сотрудники Корпуса специализированных прокуроров могут быть переведены на другие направления, как правило, после непрерывной трехлетней работы в сфере обеспечения полномочий прокурора в судах; перевод сотрудников Корпуса специализированных прокуроров на другие направления осуществляется с согласия заместителя Генерального прокурора по соответствующему направлению.

Определены меры, направленные на обеспечение результативности деятельности Корпуса специализированных прокуроров, такие, как:

- сотрудник Корпуса специализированных прокуроров является независимым в поддержке, изменении или отказе от обвинения (гражданского иска) по делам, рассматриваемым в судах, в том числе по вопросам применения норм Уголовного кодекса, назначения вида и размера наказания, основывается на требованиях закона и исходя из всех обстоятельств дела — своем убеждении;
- на каждой территории создаются Консультативные советы из числа сотрудников Корпуса специализированных проку-

ров прокуратур Республики Каракалпакстан, областей, города Ташкента и соответствующих районных (городских) прокуратур и опытных работников, имеющих многолетний опыт работы в других направлениях;

Консультативные советы оказывают содействие в работе по поиску решений на основе взаимного обсуждения дел категории особой сложности, правильной ориентации молодых кадров и развитию у них практических навыков;

- заместителям прокуроров Республики Каракалпакстан, областей и города Ташкента, ответственным за деятельность Корпуса специализированных прокуроров, разрешается привлекать сотрудников Корпуса специализированных прокуроров, соответственно, областных, районных (городских) прокуратур по их специализации с учетом объема работы в областных, межрайонных, районных (городских) судах.

Формирование Корпуса специализированных прокуроров предполагается из числа опытных, профессиональных кадров, способных эффективно выполнять поставленные задачи, имеющих безупречную репутацию в органах прокуратуры. Будет разработан и утвердить внутренний порядок, предусматривающий эффективную организацию деятельности Корпуса специализированных прокуроров, а также действенные механизмы, направленные на предупреждение любого влияния и вмешательства заместителей прокуроров и сотрудников по другим направлениям прокуратур Республики Каракалпакстан, областей, города Ташкента, прокуроров районов (городов), их заместителей и сотрудников по другим направлениям, которые могут вызвать необъективность в деятельности Корпуса специализированных прокуроров.

В целях обеспечения эффективной реализации актуальных задач, стоящих перед судебной системой, предполагается усовершенствовать структуру Верховного суда в рамках ее действующей штатной численности, создав на базе Управления анализа законодательства в судебно-правовой создать Департамент анализа законодательства в сфере правосудия (далее — Департамент). На созданный Департамент будут возложены следующие задачи:

осуществление нормотворческой деятельности в сфере правосудия; разработка предложений по системному анализу проблем законодательства в сфере судебной деятельности и правосудия, дальнейшему совершенствованию законодательства в судебно-правовой сфере, судебной практики и системы судопроизводства; анализ эффективности правосудия на основе передового зарубежного опыта и современных тенденций развития; принятие системных и последовательных мер по улучшению позиций Республики Узбекистан в международных рейтингах и индексах в сфере правосудия; изучение общепризнанных международных принципов и норм гражданского, уголовного, экономического и административного законодательства в сфере обеспечения независимости судов, разработку предложений по их имплементации в национальное законодательство.

В этих же целях создается Ситуационный центр информационно-коммуникационного мониторинга, на который возлагаются следующие основные задачи: онлайн-анализ ситуации, связанной с рассмотрением дел во всех судах республики, осуществление мониторинга соблюдения процессуальных порядка и сроков при работе с обращениями населения и рассмотрении дел в судах; анализ преступности и правонарушений с разделением дел на категории в разрезе областей, районов (городов) и махаллей, повышение правовой культуры населения, подготовку данных, направленных на решение споров; осуществление постоянного контроля за своевременным проведением судебных заседаний, состоянием работы серверного оборудования и программ.

На базе Управления взаимодействия с общественностью и средствами массовой информации создается Центр взаимодействия с общественностью (далее — PR-центр), определяются основные задачи этого центра, а также пресслужб областных и приравненных к ним судов: формирование и продвижение среди населения положительного имиджа судебной власти; регулярное, полное и оперативное представление населению информации о судебной деятельности посредством средств массовой информации, социальных сетей, иных информационных ресурсов, в том числе путем организации пресс-конференций, брифингов и медиатуров; осуще-

ствление постоянного мониторинга информационного пространства, анализ и прогнозирование общественного мнения по информации касательно деятельности судов, оперативное реагирование на критические и широко обсуждаемые материалы, информационные воздействия; формирование на официальных веб-сайтах судов и регулярное обновление баз данных, состоящих из текстовых, фото-, аудио- и видеоматериалов касательно их деятельности.

Верховному суду совместно с Конституционным судом, Высшим судебным советом и Ассоциацией судей Узбекистана предложено разработать и утвердить Концепцию информационной политики судебной системы на 2023—2026 годы.

В целях обеспечения активного участия в формировании у населения положительного имиджа судебной власти Ассоциации судей Узбекистана рекомендовано: наладить объективное и оперативное реагирование почетными представителями судебной власти на каждый случай незаконной и необоснованной публикации информации о деятельности судей в средствах массовой информации и социальных сетях; обращаться в суды по вопросам защиты прав и интересов судей и судебной власти.

По мнению автора, ознакомление с положениями Стратегии поднятия на качественно новый уровень судебной системы на 2023—2026 годы, принятой в Республике Узбекистан, а также с мерами, направленными на их реализацию, позволит расширить методологические рамки оценки деятельности судов, функционирующих в рамках демократического правового государства [10; 11; 12], скорректировать направленность научных исследований в данной области [13; 14], а также выработать реализуемые в российских условиях предложения по совершенствованию функционирования российской судебной системы [15; 16]. В этих целях необходимо развивать сравнительно-правовые исследования в данной области [17].

Список источников

1. *Виноградова Е.В., Захарцев С.И.* Актуальные мысли о праве: монография. М.: Юрлитформ, 2023. 232 с.

2. *Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н.* Исполнительная власть в системе публичной власти в свете новых конституционных реалий // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 250—262.
3. *Кобзарь-Фролова М.Н., Щукина Т.В.* Правовое регулирование процессов цифровизации в экономической деятельности государства и управленческой практике судебных органов, органов государственной власти // Вопросы экономики и права. 2021. № 159. С. 14—19.
4. *Кобзарь-Фролова М.Н., Гришкова А.А.* Наука административного права и административного процесса на современном этапе общественного развития // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17. № 3. С. 182—203.
5. *Виноградова Е.В.* Конституционная судебная реформа в современной России // Право и государство: теория и практика. 2019. № 5(173). С. 29—33.
6. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
7. *Галузо В.Н.* О Втором кассационном суде общей юрисдикции в Российской Федерации (опыт правового регулирования) // Актуальные исследования. 2022. № 28. С. 9—16.
8. *Галузо В.Н., Канафин Н.А.* Об алиби как о доказательстве или обстоятельстве, подлежащем доказыванию, в уголовном процессе Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12. С. 286—289
9. Указ Президента Республики Узбекистан от 16 января 2023 г. № УП-11 «О дополнительных мерах по дальнейшему расширению доступа к правосудию и повышению эффективности деятельности судов» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан от 18 января 2023 года, № 06/23/11/0033.
10. *Виноградова Е.В.* Эффективность медиационных процедур в судопроизводстве Российской Федерации: конституционно-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2019. № 6 (174). С. 51—53.
11. *Виноградова Е.В.* Судебное правотворчество в аспекте отечественного конституционного контроля // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10 (178). С. 72—74.
12. *Виноградова Е.В.* Российская конституционная идентичность. Смертная казнь, против и... против // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 55. С. 22—47.
13. *Галузо В.Н., Канафин Н.А., Редкоус В.М.* Доказывание в правосудии Российской Федерации: Монография. 6-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Н. Галузо. М.: Проспект, 2022. 448 с.
14. *Галузо В.Н.* Теория правоохраны в Российской Федерации (историко-правовое исследование): Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2022. 527 с.
15. *Редкоус В.М.* Некоторые вопросы общего надзора прокуратуры: результаты научной дискуссии, проведенной в Институте права Академии наук СССР и Военно-юридической академии Красной армии в 1945 г. / В.М. Редкоус // Вопросы истории. 2023. № 4—2. С. 94—109.
16. *Галузо В.Н.* Обеспечение гласности и открытости административного судопроизводства посредством опубликования статей в научных изданиях Российской Федерации // Актуальные исследования. 2022. № 1. С. 34—40.
17. *Редкоус В.М.* О совершенствовании сравнительных административно-правовых исследований в области обеспечения национальной безопасности государств участников СНГ // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: к 85-летию Краснодарского края, Сочи, 04—08 ноября 2022 года / отв. редактор А.А. Зайцев. Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью «Образовательный издательско-полиграфический центр «Перспективы образования», 2023. С. 385—390.

References

1. *Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I.* Actual thoughts on law: monograph. M.: Yurlitinform, 2023. 232 p.

2. *Vinogradova E.V., Kobzar-Frolova M.N.* Executive power in the system of public power in the light of new constitutional realities // Legal policy and legal life. 2021. No. 1.
3. *Kobzar-Frolova M.N., Shchukina T.V.* Legal regulation of digitalization processes in the economic activity of the state and management practice of judicial bodies, public authorities // Questions of economics and law. 2021. No. 159. pp. 14—19.
4. *Kobzar-Frolova M.N., Grishkovets A.A.* The science of administrative law and administrative process at the present stage of social development // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 17. No. 3. pp. 182—203.
5. *Vinogradova E.V.* Constitutional judicial reform in modern Russia // Law and State: theory and practice. 2019. № 5(173). Pp. 29—33
6. The Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power» // SZ RF. 2020. No. 11. St. 1416
7. *Galuzo V.N.* On the Second cassation court of general jurisdiction in the Russian Federation (experience of legal regulation) // Actual research. 2022. No. 28. pp. 9—16.
8. *Galuzo V.N., Kanafin N.A.* On alibi as evidence or evidence to be proved in the criminal process of the Russian Federation // Law and State: theory and Practice. 2022. No. 12. pp. 286—289.
9. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated January 16, 2023 No. UP-11 «On additional measures to further expand access to justice and improve the efficiency of the courts» // National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan dated January 18, 2023, No. 06/23/11/0033.
10. *Vinogradova E.V.* Effectiveness of mediation procedures in the judicial proceedings of the Russian Federation: constitutional and legal aspect // Law and the State: theory and practice. 2019. No. 6 (174). pp. 51—53.
11. *Vinogradova E.V.* Judicial law-making in the aspect of domestic constitutional control // Law and the State: theory and practice. 2019. No. 10 (178). pp. 72—74.
12. *Vinogradova E.V.* Russian constitutional identity. Capital punishment, against and... against // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2022. No. 55. pp. 22—47.
13. *Galuzo V.N., Kanafin N.A., Redkous V.M.* Proving in the justice of the Russian Federation: Monograph. 6th ed., ispr. and add. / edited by V.N. Galuzo. M.: Prospect, 2022. 448 s.
14. *Galuzo V.N.* Theory of law enforcement in the Russian Federation (historical and legal research): Monograph. M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2022. 527 p.
15. *Redkous V.M.* Some issues of general supervision of the Prosecutor's office: the results of a scientific discussion held at the Institute of Law of the Academy of Sciences of the USSR and the Military Law Academy of the Red Army in 1945 / V.M. Redkous // Questions of History. 2023. No. 4—2. pp. 94—109.
16. *Galuzo V.N.* Ensuring transparency and openness of administrative proceedings by publishing articles in scientific publications of the Russian Federation // Actual research. 2022. No. 1. pp. 34—40.
17. *Redkous V.M.* On improving comparative administrative and legal research in the field of ensuring national security of the CIS member States // Problems of National Security of Russia: History lessons and challenges of modernity : A collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation: to the 85th anniversary of the Krasnodar Territory, Sochi, November 04—08, 2022 / editor A.A. Zaitsev. Krasnodar: Limited Liability Company «Educational publisher-SKO-polygraphic center «Prospects of Education», 2023. pp. 385—390.

Осмотр места происшествия при расследовании хищений в сфере энергоресурсов

Галина Андреевна Смирнова,
аспирант кафедры публичного и уголовного права АНО ВО
«Российский новый университет»
E-mail: GalinaSmirnova97@mail.ru

Аннотация. Хищения, совершаемые в сфере энергоресурсов, являются причиной опасных последствий для общества. Например, они могут нарушить работу предприятий, обеспечивающих жизнедеятельность большого количества людей, привести к неблагоприятным экономическим, экологическим и социальным последствиям. Следовательно, к вопросам предупреждения таких преступлений, методике их расследования и тактике проведения отдельных следственных действий нужно относиться особенно тщательно. Важную информацию можно получить в ходе осмотра места происшествия – одного из неотложных следственных действий. Осмотр места происшествия по делам о хищении в сфере энергетических ресурсов (например, по делам о хищениях нефти и нефтепродуктов) имеет ряд особенностей. В данной статье освещены особенности осмотра места происшествия по уголовным делам о хищениях в сфере энергоресурсов, и даны практические рекомендации для проведения данного следственного действия

Ключевые слова: осмотр места происшествия, следственное действие, энергетические ресурсы, хищение

Для цитирования: Г.А. Смирнова. Осмотр места происшествия при расследовании хищений в сфере энергоресурсов // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 116–120.

Inspection of the scene of the incident during the investigation of theft in the field of energy resources

Galina Andreevna Smirnova,
postgraduate student of the Department of Public and Criminal Law of the ANO VO
«Russian New University»
E-mail: GalinaSmirnova97@mail.ru

Abstract. Thefts committed in the field of energy resources are the cause of dangerous consequences for society. For example, they can disrupt the work of enterprises that provide for the livelihoods of a large number of people, lead to adverse economic, environmental and social consequences. Consequently, the issues of preventing such crimes, the methodology of their investigation and the tactics of conducting individual investigative actions should be treated especially carefully. Important information can be obtained during the inspection of the scene of the incident – one of the urgent investigative actions. Inspection of the scene of an incident in cases of theft in the field of energy resources (for example, in cases of theft of oil and petroleum products) has a number of features. This article highlights the features of the inspection of the scene of the incident in criminal cases of theft in the field of energy resources, and provides practical recommendations for conducting this investigative action

Key words: inspection of the scene, investigative action, energy resources, theft

Уголовно-процессуальная наука и уголовно-процессуальное законодательство выделяет ряд следственных действий, проводимых не только после возбуждения уголовного дела, но и на стадии доследственной проверки. Одним из таких действий является следственный осмотр. К следственным осмотрам относят, в том числе, осмотр места происшествия.

Под осмотром места происшествия понимают неотложное следственное действие, реализуемое непосредственно на месте хищения и направленное на изучение обстановки, механизма и всех обстоятельств произошедшего, выявление, фиксацию и последующее изъятие следов преступления и преступника. В ходе осмотра места происшествия можно обнаружить и изъять максимальный объем материальных следов преступления, поэтому данное следственное действие нужно проводить особенно тщательно, активно используя современные технические и тактические средства и методы.

Обязательное проведение осмотра места происшествия уголовно-процессуальным законом не предусмотрено. Ввиду полной бесперспективности или отсутствия необходимости в проведении, от осмотра места происшествия следователь может отказаться [4, с. 61]. Например, в случае хищения руководящими лицами управляющей компании денежных средств, перечисленных жителями многоквартирных домов за поставленную электроэнергию, осмотр места происшествия не является столь необходимым, как ряд иных следственных действий (например, допросы представителей организации, признанной потерпевшей). Однако, например, в случае бездоговорного или безучетного потребления электрической энергии, хищения энергетических ресурсов, имеющих материально выраженную форму, осмотр места происшествия необходим. Решая вопрос о целесообразности проведения данного следственного действия, нужно помнить, что надлежащий осмотр места происшествия позволяет избежать необоснованного возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления в условиях неочевидности.

Качественно осмотреть место происшествия без понимания конструктивных особенностей осматриваемых объектов (например,

резервуаров и складов, где на хранении находились похищенные энергетические ресурсы), а также без знания специфики работы организации, на территории которой было совершено хищение, невозможно. В связи с этим целесообразно привлекать к проведению осмотра места происшествия представителя организации, на территории которой совершено хищение, а также (при необходимости) более узкого специалиста – сотрудника организации, отвечающего за осуществление конкретного рабочего процесса.

При поступлении информации о совершении преступления, на место происшествия выдвигается следственно-оперативная группа, в состав которой включены, как правило, оперуполномоченный уголовного розыска, следователь, специалист-криминалист. Следователь руководит осуществлением данного следственного действия, определяя границы осмотра, последовательность его проведения, анализируя обстановку, указывая на необходимость выполнения иным участникам следственного действия тех или иных манипуляций, фиксации и последующего изъятия тех или иных следов преступления. Кроме того, следователь составляет протокол проводимого следственного действия, приобщает к нему необходимые планы и схемы [3, с. 367]. Иные участники следственно-оперативной группы совместно с представителями территориальных структур полиции осуществляют охрану места происшествия, занимаются установлением очевидцев преступного деяния.

В ходе осмотра можно найти следы обуви или (в некоторых случаях) босых ног, отдельные носильные вещи или их фрагменты, следы рук, следы биологического происхождения, орудия, используемые преступником при совершении преступного деяния, следы зубов, следы губ, запаховые следы, микрочастицы (частицы волос, волокна ткани, кожи, древесины, металла, пластмассы, стекла, почвенные и иные загрязнения, микрочастицы растительного происхождения, и т.д.). При работе с микрочастицами, чтобы их не утратить или не повредить, а также чтобы не принести на место происшествия инородные частицы, рекомендуется осматривать место происшествия в халатах, бахилах и резиновых перчатках. Как показывает практика, данная рекомендация

соблюдается далеко не всегда. Изымать микрочастицы следует (если имеется такая возможность) вместе с предметом – носителем этих частиц. До того, как эти микрочастицы будут изъяты, их следует зафиксировать посредством узловой (общий вид предмет-носителя на месте происшествия), детальной (расположение микрочастиц на предмете-носителе), а также макрофотосъемки, после чего детально описать в протоколе. При составлении протокола важно отобразить поверхность сосредоточения микрочастиц, особенности их размещения, количественные и качественные характеристики, обстоятельства обнаружения, а также используемые при обнаружении, фиксации, изъятии средства и методы, упаковку, в которую частицы были помещены. Если на месте кражи были разлиты или рассыпаны вещества с сильным запахом (такие вещества могут использовать профессиональные преступники, чтобы помешать применению для преследования преступника служебно-розыскной собаки), необходимо изъять пробы этих веществ, или предметы с их следами, упаковав изъятые в герметично закрывающиеся емкости. Следует помнить, что информация о материальных следах, обнаруженных в ходе осмотра места происшествия при расследовании хищений необходимы, в том числе, руководителям следственных и оперативных подразделений для правильной организации работающих непосредственно на местах происшествия подчиненных, оценки эффективности их работы.

При обнаружении следов крови, указанный след лучше изымать вместе с предметом-носителем, или делать (в случае невозможности изъятия) соскоб при помощи скальпеля или ножа. После этого изъятые вещества помещаются в стерильную пробирку с плотно прилегающей крышкой и отверстиями для воздуха (это необходимо, чтобы биологический образец не был испорчен), которое упаковывается в конверт, печатываемый способом, исключающим свободный доступ к содержимому без нарушения упаковки, снабжается пояснительной надписью, подписями участников осмотра, и скрепляется печатью. После осмотра, изъятые следы преступления направляются в лаборатории для дальнейшей работы, нацеленной на определение их при-

годности для идентификации или проведения сравнительного исследования. Далее, в отношении пригодных для исследования образцов следователем может быть назначена экспертиза, посредством проведения которой изъятые следы будут окончательно процессуально закреплены, для дальнейшего использования в качестве доказательств [2, с. 109].

В ходе осмотра места происшествия специалист играет особую роль, изучая совместно со следователем обстановку, принимая меры к охране и должному изъятию объектов, которые могут подвергнуться исследованию, обнаруживая, фиксируя, изымая и упаковывая с целью последующего сохранения следы и иные объекты, отбирая сравнительные и контрольные образцы, тесно взаимодействует со следователем, предоставляя ему (если нужно) необходимую помощь, осуществляя дополнительную фиксацию следов и вещественных доказательств на месте происшествия, помогая следователю максимально точно отобразить полученную информацию, а также данные о применении криминалистических средств и методов [2, с. 146-147].

Осмотр места происшествия рекомендуется проводить с применением фото-и видеосъемки. Сделанные в ходе осмотра места происшествия фотографии оформляются в фототаблицу, которая приобщается (по мере изготовления последней) к тексту составленного протокола. Данный прием дает возможность наглядно запечатлеть обстановку места происшествия, а лицам, не присутствовавшим на месте преступления (в том числе, изучающему поступившее с обвинительным заключением, обвинительным актом или обвинительным постановлением уголовное дело прокурору, судье) в максимально возможном объеме с этой обстановкой ознакомиться. В начале съемки требуется зафиксировать общий вид здания или иного сооружения, в котором было совершено преступление, потом – проход в это здание и общий вид помещения с прилегающими к ней объектами окружающей обстановки, после чего — группы обнаруженных на месте происшествия следов, а затем — отдельные следы с миллиметровым масштабом. Видеосъемка дает возможность, в отличие от фотографирования, запечатлеть всю процедуру фиксации следов преступления, вместе с ди-

намикой их обнаружения, фиксации и последующего изъятия, в связи с чем следует, если есть возможность, дополнять фотосъемку видеозаписью.

Осмотр места происшествия, на основании требований ст. 170 УПК РФ, может осуществляться без участия понятых, с применением фотосъемки, либо же с участием последних. В том случае, если поиск, фиксация и последующее изъятие следов преступления осуществляется в присутствии понятых, указанные участники уголовного судопроизводства должны удостоверить своими подписями правильность записей в протоколе осмотра места происшествия. Понятые должны присутствовать с момента начала проведения следственного действия, и вплоть до его завершения. В некоторых случаях следователю или дознавателю, а также участвующему в осмотре места происшествия специалисту, следует прокомментировать свои действия на месте происшествия. Это необходимо для того, чтобы присутствующие на месте понятые четко понимали, как осуществляется сбор доказательственной информации. Данная рекомендация связана с требованием закона, указывающего на необходимость участия понятых, с целью удостоверения факта следственного действия, его содержания, хода и результатов, которая возможна полноценно только в том случае, если понятой понимает, что именно он наблюдает и проведение каких именно действий он подтверждает своей подписью [1, с. 12].

Осмотры мест происшествия по некоторым преступлениям в сфере энергетических ресурсов имеют свою специфику, которую необходимо осветить. К таким осмотрам относятся: осмотр «врезки» в магистральный нефтепродуктопровод, осмотр автомобильного транспорта, на котором перевозились похищенные нефть и нефтепродукты, осмотр места происшествия, связанного с вагоном-цистерной или иным резервуаром, осмотр места происшествия — автозаправочной станции.

Под «криминальной врезкой» понимается отверстие, выполненное в стенке корпуса трубопровода с целью последующего совершения хищения нефти и нефтепродуктов. При осмотре «криминальной врезки» следует отразить в протоколе осмотра конструкцию трубопровода, его диаметр, вид защитного покрытия, распо-

ложение подходов или подкопов к нему, их форма и размеры, диаметр врезки и ее расположение, способ ее выполнения. Также следует отразить в протоколе осмотра места происшествия состояние защитного покрытия, расположенного около места врезки. В ходе осмотра необходимо выявить, имеются ли на месте происшествия приспособления, с помощью которых злоумышленник проник в тело трубы, имеются ли около места врезки металлические стружки или оплавленные капли металла. Следует отразить, как замаскирована врезка, в каком состоянии грунт около врезки, имеется ли на месте происшествия запах нефтепродуктов, следы человека или транспортных средств.

Для перевозки похищенных нефти и нефтепродуктов злоумышленники могут использовать как специализированный автомобильный транспорт, так и легковые или грузовые машины с самодельными емкостями. В ходе осмотра места происшествия следует обратить внимание на расположение емкости, при наличии — способы ее маскировки, материал, из которого изготовлена емкость, ее размеры и вид, наличие на емкости маркировок, сливных приспособлений, наличных горловин и их исполнение, пломб, следов человека. Также следует обратить внимание на наличие в емкости жидкости, ее отличительные признаки и количество. Если хищение было осуществлено путем внесения конструктивных изменений в автоцистерны, нужно обратить внимание на наличие пломб и их состояние, расположение врезок в корпусе автоцистерны, способ выполнения врезки и диаметр выполненного отверстия, наличие присоединенных к врезке шлейфов, их маскировка и способ крепления, наличие специально предназначенной для слива нефти и нефтепродуктов емкости, ее размеры, материал, из которого она изготовлена, наличие в ней жидкости.

В процессе осмотра цистерн устанавливается их тип, исследуются ее составляющие. За наружным осмотром следует внутренний осмотр цистерны. В ходе осмотра определяется высота налива груза в цистерне. Участники осмотра должны иметь средства индивидуальной защиты, перед осмотром нужно убедиться, что в цистерне нет вредных и взрывоопасных паров перевозимой жидкости.

В ходе осмотра автозаправочной станции необходимо, чтобы все манипуляции с техническими средствами проводили лицо, производящее осмотр, либо специалист. В ходе осмотра нужно установить наименование осматриваемого оборудования, индивидуализирующие его признаки (серийные и инвентарные номера, номера модели), описать все подключенные к нему устройства и способы их подключения. Необходимо тщательно описать технологическое оборудование, используемое для отпуска нефтепродуктов, соответствие подключения технологических устройств схеме подключения. Следует также отразить, правильно ли подключена топливно-раздаточная колонка к контроллеру управления и к датчикам объема отпуска нефтепродуктов, целостность пломб на них. Нужно обратить внимание, в каком состоянии находятся клеммные разъемы. Также особое внимание нужно обратить на соблюдение требований безопасности [5, с. 128-135].

Осмотр места происшествия, проводимый при расследовании хищений в сфере энергетических ресурсов, требует особенной тщательности, так как нередко возникают ситуации, когда осмотреть место происшествия повторно или дополнительно невозможно. Это связано с невозможностью повторной остановки производственного процесса организации (если хищение было совершено в производственных цехах), необходимостью ликвидации неблагоприятных последствий совершенного хищения (например, хищение нефтепродуктов посредством «врезки», которую необходимо ликвидировать). Поэтому нужно исключить необходимость проведения повторного или дополнительного осмотра, выполнив максимально качественно первоначальный осмотр, в ходе которого нужно изъять все следы и предметы, которые могут представлять ценность для следователя или оперативных сотрудников с точки зрения раскрытия и расследования совершенного преступления [2, с. 60].

Список источников

1. Данилова С.И., Муженская Н.Е. Особенности применения криминалистических средств, приемов и методов при раскрытии и расследовании квартирных краж: Методические рекомендации. М.: ВНИИ МВД России, 2009. 27 с.
2. Комаров И.М., Антонов А.Е. Расследование преступлений на объектах железнодорожного транспорта. М., Юрлитинформ, 2019. 178 с.
3. Криминалистика: учебник / под ред. В.Д. Зеленского, Г.М. Меретукова. СПб., Издательство «Юридический центр», 2015. 704 с.
4. Протопопов А.Л. Расследование карманных краж. СПб.: МИЭП, 2011. 92 с.
5. Самойлов А.Ю. Особенности методики расследования преступлений, совершенных на объектах химической и нефтеперерабатывающей промышленности: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2009. 200 с.

References

1. Danilova S.I., Muzhenskaya N.E. Features of the use of forensic tools, techniques and methods in the disclosure and investigation of apartment thefts: Methodological recommendations. Moscow: VNI MIA of Russia, 2009. 27 p.
2. Komarov I.M., Antonov A.E. Investigation of crimes at railway transport facilities. M., Yurlitinform, 2019. 178 p.
3. Criminalistics: textbook / edited by V.D. Zelensky, G.M. Meretukov. St. Petersburg, Publishing House "Legal Center", 2015. 704 p.
4. Protopopov A.L. Investigation of pickpocketing. St. Petersburg: MIEP, 2011. 92 p.
5. Samoilov A.Yu. Features of the methodology of investigation of crimes committed at the facilities of the chemical and oil refining industry: dis. ... cand. jurid. sciences'. Ufa, 2009. 200 p.

Личность несовершеннолетнего как элемент криминалистической характеристики преступлений против собственности

Виктория Викторовна Ушакова,
адъюнкт 1 курса 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров)
Академии управления МВД России
E-mail: ushakovavika1999@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из элементов криминалистической характеристики и преступления — личности преступника. В статье анализируются источники получения информации о личности несовершеннолетнего, рассматривается роль каждого обстоятельства, характеризующего типичные признаки и свойства личности подростка. Акцент сделан на криминалистически значимых сведениях о личности несовершеннолетнего преступника

Ключевые слова: несовершеннолетний, личность преступника, психолого-возрастные особенности, криминалистическая характеристика преступлений

Научная специальность: 5.1.4— Уголовно-правовые науки

Для цитирования: В.В. Ушакова. Личность несовершеннолетнего как элемент криминалистической характеристики преступлений против собственности // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 121—

Identity of a minor as an element of forensic characteristics of crimes against property

Viktoria Viktorovna Ushakova,
adjunct of the 1st year of the 3rd faculty (training of scientific and scientific-pedagogical personnel)
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: ushakovavika1999@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the elements of forensic characteristics and crime — the personality of the offender. The article analyzes the sources of obtaining information about the personality of a minor, considers the role of each circumstance characterizing the typical signs and properties of a teenager's personality. The emphasis is on forensically significant information about the identity of a juvenile delinquent

Key words: minor, identity of the offender, psychological and age characteristics, forensic characteristics of crimes

Признаки и свойства личности преступника выступает центральным элементом криминалистической характеристики преступлений. Следователь проводит ряд мероприятий для изучения и установления личности правонарушителя, а в случае, когда

преступление было совершено несовершеннолетним лицом, перечень таких мероприятий увеличивается. Изучение особенностей поведения, психологических и возрастных особенностей подростка — важные составляющие для выбора тактических приемов при проведе-

нии следственных действий и установления контакта с подозреваемым (обвиняемым).

Н.Т. Ведерников пишет, что «когда личность рассматривается как социальный тип в соотношении с понятиями «общество», «государство», вполне правомерно полное абстрагирование от биологических качеств человека. Но как только объектом исследования становится конкретный индивид, мы не можем ограничиться одной социальной, общественной стороной личности, но обязаны учитывать его биологическую, «телесную» субстанцию» [1, с. 10].

В.К. Гавло подчеркивает, что «криминологику и ее методику интересуют такие данные о личности субъекта преступления, которые указывают на закономерные связи между ним и совершенным преступлением, проявляющиеся вовне, — в различных последствиях содеянного. В этом плане личность надо изучать как слеодообразующий объект, источник информации о совершенном преступлении и как средство его раскрытия» [2, с. 197].

Н.Т. Ведерников отмечает «для решения криминологических задач должны быть найдены разумные с учетом задач судопроизводства и практических возможностей органов следствия и суда пределы сборы необходимой информации о личности обвиняемого» [1, с. 41—43]. Основной проблемой является сбор достоверной информации, которая дает полное представление о личности подростка, совершившего корыстное преступление.

К основным признакам и свойствам личности несовершеннолетнего, подлежащим установлению, относятся:

- 1) возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения;
- 2) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности;
- 3) влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

Понятие «возраст» в уголовном праве базируется на общем понимании возраста и на теоретических разработках психологии и социологии [3, с. 6]. Г.И. Щукиной было отмечено, что возрастом принято называть период развития человека, который характеризуется качественными изменениями в физических и психических потребностях¹ [5, с. 3].

Целесообразно рассмотреть возрастной этап от 14 до 18 лет, так как уголовной ответственности (в зависимости от деяния) может

подлежать подросток, находясь в юношеском возрасте. Подростки в этом возрасте стараются подражать взрослым, но в силу психики и малого жизненного опыта не всегда способны воспринимать поступки взрослых правильно.

Дети вступают в фазу так называемого «переходного возраста», в их поведении преобладает резкость, грубость, чувствительность к замечаниям со стороны окружающих, появляется излишняя самоуверенность. Данный возрастной период характеризуется кардинальной физиологической и психологической перестройкой личности, ростом физических и интеллектуальных сил, возможностей. Подростки попадают под влияние «авторитетов» — взрослых лиц или ровесников, которые оказывают влияние на еще неустойчивую психику.

В зависимости от возрастного периода складываются особенности развития и становления личности. Каждый этап взросления характеризуется определенным уровнем развития ее познавательных способностей, мотивационной и эмоционально-волевой сферы. Понимание возрастных особенностей и их влияния на психологию несовершеннолетних имеет решающее значение для применения конкретных законов, касающихся дел с участием несовершеннолетних. Это помогает выявить все имеющиеся отношения к делу обстоятельства и грамотно проводить следственные и судебные действия.

Помимо возрастных особенностей, которые оказывают влияние на мотивацию поведения несовершеннолетнего, так же оказывают влияние психологические особенности, которые включают в себя: раздражительность, эмоциональную возбудимость, резкую смену настроения. В связи с этим при работе с несовершеннолетними необходимо учитывать социально-психологические аспекты, которые влияют на формирование личности. Психологическими особенностями выступают нетипичные свойства психической активности личности, выражающиеся в темпераменте, характере, чувствах и эмоциях, а также в проявлении воли.

Л.М. Семенюк выделяет три группы факторов, влияющих на формирование личности подростка, на его психологическое развитие, ими выступают «семья», «школа», «улица» [4, с. 219].

Рассмотрим первый фактор «семья», первое психологическое воспитание, которое получает ребенок, происходит в семье (или например, в центре помощи детям, оставшимся без попечения родителей). Именно благодаря людям, ко-

торые занимаются воспитанием ребенка с младенчества, формируется его отношение к миру и характер. В некоторых семьях законные представители могут злоупотреблять запрещенными веществами, спиртными напитками, вести паразитический образ жизни, что является дурным примером для несовершеннолетнего и откладывается на его подсознании, в дальнейшем влияет на поведение, психику.

Формирующийся и закрепляющийся стереотип поведения, как пример от родителей, входит в привычку, становится чертой характера. Как правило, такие несовершеннолетние имеют извращенное представление о дружбе, обществе и мире в целом. Следовательно необходимо работать с такими детьми крайне осторожно, применяя различные тактики, чтобы ребенок не замкнулся в себе.

«Школа» выступает следующим формирующим личность фактором, здесь отношения складываются между педагогом, одноклассниками и непосредственно самим подростком. Некоторые педагоги в своей работе не характеризуются стремлением ликвидировать порождающие причины, негативно влияющие на несовершеннолетних. Непринятие подростка в коллектив выступает ведущей причиной, которая способствует их вступлению в маргинальные группы.

Третий социальный фактор, влияющий на психологическое состояние несовершеннолетнего это «улица». Подросток, отверженный, не нашедший поддержки и общения в семье и школе, начинает искать их в другой среде. Такой средой выступает так называемая «улица», в которую входят лица маргинального поведения, лица, ведущие незаконной образ жизни, присутствует употребление алкоголя и запрещенных веществ. В такой компании ребенок легко попадет под «дурное» влияние, формируется негативное психологическое воспитание.

Значительное влияние на несовершеннолетних оказывают средства массовой информации, также как Интернет. Негативные тенденции, которые развиваются и набирают популярность в сети, могут влиять на психику и формирование личности подростков. Это постоянная демонстрация сцен насилия, жестокости, сексуальных извращений, пропаганда уголовных норм, принижение общечеловеческих моральных и нравственных ценностей. Под воздействием на личность несовершеннолетнего понимается общественно значимые

формы информационного и духовного влияния, что приводит к снижению интеллектуального уровня, зарождению антиобщественных идей, злости и грубости по отношению к определенным группам или обществу в целом со стороны несовершеннолетнего лица.

Условия жизни и воспитания подростка, уровень психического развития и иные особенности его личности устанавливаются путем: истребования характеристик (по месту жительства, с места работы, с места учебы); проведения медицинского освидетельствования; назначения психологической, комплексных психолого-психиатрической и психолого-педагогической экспертиз; проведения обследования условий проживания подростка; производство допросов законных представителей несовершеннолетнего.

Проведя анализ уголовных дел по преступлениям против собственности, совершенных несовершеннолетними, пришли к заключению, что по делам данной категории целесообразно запрашивать сведения из ПДН о факте нахождения подростка на учете, дате постановки на учёт. К тому же считаем необходимым запрашивать характеризующий материал, в котором должны быть указаны следующие сведения: правонарушения, которые совершал подросток; был ли замечен в употреблении запрещенных веществ, спиртных напитков; участие в общественных объединениях; пропускал ли систематически занятия в учебном заведении; какие меры профилактики применялись к подростку и его родителям.

Социальные роли и статусы в подростковом возрасте достаточно разнообразны. Несовершеннолетний еще не определился с жизненными перспективами, поэтому стремится к тому, чтобы попробовать как можно большее количество различных видов деятельности. Необходимо подчеркнуть, что в данный период за жизнь и поведение подростка ответственность несут законные представители, поэтому важную роль играет именно семейное воспитание. Новые знакомства, расширение дружеских и приятельских знакомств, нацеленность на эксперименты с образом жизни и с внешностью — это все сказывается на социальных ролях и статусе. В данной возрастной период несовершеннолетний может обладать следующими социальными ролями: сын (дочь), сестра (брат), ученик, друг, спортсмен и другие. Подросток пробует для самого себя новые

формы деятельности, которые воспитывают в нем ряд качеств — инициативность, ответственность, целеустремленность и другие.

Важным элементом формирования личности подростка выступает влияние на него со стороны взрослых лиц. Установление факта вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность представляется важным условием изучения личности. Так как взрослые лица чаще всего передают «преступный опыт», искаженное представление об общепринятых ценностях и нормах. Подростка могут заставлять участвовать в преступных действиях под грозой физического и психического насилия, путем обмана, запугивания. Негативно влияют на подростка могут как взрослые знакомые, так и законные представители. Если родители ведут противозаконный, паразитический образ жизни, то ребенок с детства будет считать такой образ жизни «нормой» и будет стремиться жить, как его научили.

С помощью криминалистически значимых сведений о личности несовершеннолетнего преступника можно установить важную для уголовного дела информацию: определить отличительные черты свойств личности подростка при подготовке, совершении и сокрытии преступлений; определить план поисковых работ скрывающегося преступника; установить взаимозависимость и взаимосвязи между социальными, психологическими и биологическими свойствами подростка, содержащиеся в источниках информации о нем; в зависимости от личности, определить тактические приемы, которые целесообразно применять в конкретном следственном действии; рассмотреть вопрос об отражении свойств личности в материальных следах; разработать систему типовых личностей преступников — подростков в зависимости от совершаемого им преступления.

Особенностью криминалистического исследования личности несовершеннолетнего, совершившего преступление против собственности является то, что принимаются во внимание те данные, которые помогут быть полезными при расследовании конкретного преступления.

С учетом вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что следователю необходимо достаточно подробно изучить признаки и свойства личности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) для дальнейшего производства по делу. Подробное изучение поможет выбрать приемлемые тактические приемы, выстроить психологический контакт с подростком

и получить достаточно информации для расследования уголовного дела. Знание психолого-возрастных особенностей необходимо для того, чтобы правильно применять специальные нормы закона, относящиеся к производству, обеспечить выявление всех существенных обстоятельств дела, тактически правильно осуществить следственные и судебные действия, в которых участвуют несовершеннолетние.

Список источников

1. *Ведерников Н.Т.* Личность обвиняемого и подсудимого. Понятие, предмет и методика изучения. Томск, 1978. 174 с.
2. *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. 333 с.
3. *Михеев Р.И.* Возраст. Уголовно-правовые и криминологические проблемы // Проблемы совершенствования борьбы с преступностью. Иркутск, 1985. 17 с.
4. *Семенюк Л.М.* Хрестоматия по возрастной психологии: учебное пособие для студентов / Под ред. Д.И. Фельдштейна: издание 2-е, дополненное. Москва: Институт практической психологии, 1996. 302 с.
5. *Щукина Г.И.* Возрастные особенности школьника. Л., 1955. 33 с.

References

1. *Vedernikov N.T.* The identity of the accused and the defendant. Concept, subject and methods of study. Tomsk, 1978. 174 p.
2. *Gavlo V.K.* Theoretical problems and practice of applying the methodology for investigating certain types of crimes. Tomsk, 1985. 333 p.
3. *Mikheev R.I.* Age. Criminal law and criminological problems // Problems of improving the fight against crime. Irkutsk, 1985. 17 p.
4. *Semenyuk L.M.* Reader on developmental psychology: a textbook for students / Ed. DI. Feldshtein: 2nd edition, supplemented. Moscow: Institute of Practical Psychology, 1996. 302 p.
5. *Shchukina G.I.* Age features of the student. L., 1955. 33 p.

¹ К.Д. Ушинский выделяет следующие основные возрастные периоды: от рождения до 1 года — ранее младенчество; от 1 года до 3 лет — собственно младенчество; от 3 до 6 лет — раннее детство; от 6 до 8 лет — собственно детство; от 8 до 11 лет — предподростковый период; от 11 до 14 лет — отроческий, подростковый возраст; от 14 до 18 лет — юношеский возраст.

УДК 343.141
ББК 67.410.2—32, 67.410.213.1

© С.Д. Милицин. 2023

Серьезные игры серьезных людей или уголовное правосудие в необычном ракурсе

Сергей Дмитриевич Милицин,
доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского
государственного университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. В статье рецензируется монография Ю.А. Цветкова «Игры в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма» (М.: Юнити-Дана. 2023. 383 с.). Рецензент отмечает необычность научного подхода автора монографии и примененных им методов исследования, позволивших по-новому рассмотреть многие стандартные ситуации в уголовном судопроизводстве

Ключевые слова: теория игр, деконструкция, методология правовых исследований, уголовная юстиция, правосудие, процессуальные функции, судебная деятельность

Научная специальность: 5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Для цитирования: С.Д. Милицин. Серьезные игры серьезных людей или уголовное правосудие в необычном ракурсе // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 125—128.

Serious games for serious people or criminal justice from an unusual angle

Sergey Dmitrievich Militsin,
Associate Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure,
Ural State University named after V.F. Yakovlev, Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. The article reviews the monograph by Yu.A. Tsvetkov «Games played by judges. Deconstruction of justice and judicial activity in the paradigm of legal realism» (M.: Unity-Dana. 2023. 383p.). The reviewer notes the unusual nature of the scientific approach of the author of the monograph and the research methods applied by him, which made it possible to consider many standard situations in criminal proceedings in a new way

Key words: game theory, deconstruction, legal research methodology, criminal justice, justice, procedural functions, judicial activity

Взгляды на судопроизводство по уголовным делам как на весьма специфическую и безусловно серьезную сферу человеческой деятельности традиционно преобладают в обществе. Изредка встречающиеся в литературе и искусстве попытки подшутить над отдельными участниками уголовного про-

цесса чаще всего выглядят робкими и деликатными улыбками, чем стремлением их авторов подвергнуть осмеянию то, от чего могут зависеть человеческие судьбы. Вероятно поэтому первая часть названия книги Ю.А. Цветкова — «Игры, в которые играют судьи»¹ может вызвать недоумение у неискушенного читателя

(«Какие еще игры? Как можно играть, рассматривая уголовные дела?»), но на самом деле за необычным названием кроется успешная попытка автора применить интересную научную теорию к столь сложному социальному феномену, как уголовное судопроизводство.

Надо отдать должное оригинальному замыслу: попытки использования теории игр, одним из авторов и популяризаторов которой не без оснований считается известный в нашей стране Э. Берн², в исследованиях, связанных с применением права, практически не встречаются в специальной литературе. Отечественные юристы, прочно стоящие на традиционных позициях правового позитивизма, привычно рассуждают о поведении, поступках и решениях участников уголовного судопроизводства в категориях «должное-сущее», то есть предписанное нормами права и складывающееся в действительности. Но в этих рассуждениях в большей степени содержится поиск и констатация фактов, чем попытки разобраться во всех возможных причинах тех или иных действий. Будучи прекрасно осведомленным об этой особенности отечественной юридической науки, Ю.А. Цветков предпринял нестандартный подход, прибегнув к использованию в своем научном исследовании достаточно необычного для отечественных правоведов метода правового реализма. Удивительное дело: в государстве, где реализм совсем недавно был провозглашен чуть ли не всеобъемлющим методом в культуре и искусстве (правда, с определением « социалистический»...), реализму правовому совсем не нашлось место в арсенале юридической науки! Разумеется, можно утверждать, что практически общеобязательные диалектический и материалистический методы, упоминание о которых встречается во всех диссертациях по общественным наукам в последние сто лет, подразумевают и правовой реализм, но будем откровенны: далеко не всегда исследователи-юристы изучали объект своих научных интересов столь глубоко, пытаясь понять не цели, а мотивы тех или иных действий участников правоотношений.

Правовой реализм — это метод, который был впервые обоснован американским юристом Б. Кардозо в двадцатых годах прошлого века³ и впоследствии развит в работах его последователей. Практически одновременно с работой Б. Кардозо появилась и первая отечественная

публикация на эту же тему⁴. Ее автор, А.С. Тагер, не употребляя самого термина «правовой реализм», тем не менее, призывал к тому же, к чему склоняли и иностранные исследователи — изучению реальных явлений уголовного процесса, включая и те побудительные силы, которые движут его участниками. За рубежом пик интереса к правовому реализму пришелся на шестидесятые годы прошлого века, а в нашей стране это, в какой-то мере модное, научное течение оказалось практически незамеченным, что и неудивительно — опубликованная в давно забытом журнале единственная статья А.С. Тагера, репрессированного по ложному обвинению в 1939 г., просто не могла привлечь большого внимания специалистов в условиях доминирования нормативистских подходов к изучению права. К слову сказать, по наблюдению автора этих строк, интерес к правовому реализму в последние десятилетия не очень силен и на родине его основоположника — в США. По крайней мере, поговорить о научных взглядах Б. Кардозо с американскими коллегами мне удалось лишь однажды. Во всех остальных случаях собеседники-юристы лишь обозначали свое знакомство с громким именем знаменитого правоведа, уходя от дискуссии и обсуждений. Впрочем, поверхностное, а то и вовсе никакое знание классики юридической литературы характерно и для некоторых российских современных молодых ученых...

Но вернемся к интересной монографии Ю.А. Цветкова. Следует отдать должное автору: понимая очевидную неподготовленность читателей к восприятию его работы, он подробно и понятно изложил первооснову своего труда во введении, разъяснив, что следует понимать под деконструкцией как методом научного исследования. Согласимся с ученым — отказ от фокусирования всего внимания на нормах права и перенос его на теорию игр в применении к праву позволил увидеть в правосудии и судебной деятельности то, что раньше было незаметно при обычных научных подходах, и предоставил новые возможности для совершенствования исследуемых явлений. Последовательная приверженность позициям правового реализма помогла автору увидеть факторы, которые, наряду с правовыми предписаниями, влияют на отправление правосудия — всевозможные политические, управленческие и психологические причины и явления.

Удаляясь все дальше и дальше от традиционных научных подходов, применяемых в юриспруденции, Ю.А. Цветков провозглашает своим основным методом в исследовании поведения участников судебного процесса именно математическую теорию игр. И хотя нелюбовь юристов к математике общеизвестна, автор не ограничивается констатацией математических моделей, знакомым по работам иностранных исследователей и адаптированных преимущественно к англо-американскому уголовному процессу, а развивает их и предлагает собственные модели применительно к исследуемой сфере деятельности таким образом, чтобы они были применимы к российским реалиям. Предлагая участникам уголовного судопроизводства оптимальные схемы взаимодействия (для этого автор использует собственный термин «выгодные стратегии»), Ю.А. Цветков стремится показать систему производства по уголовным делам на более глубоком уровне, увидеть механизмы ее функционирования и предложить пути их усовершенствования. Математическая теория игр, а также комплекс примыкающих к ней идей и концепций развиваются автором в шести разделах («Правосудие и судебная деятельность на платформе теории игр», «Большая игра»: направление уголовного дела в суд», «Скрининг-технология подготовки к судебному заседанию», «Невидимая рука» уголовного судопроизводства», «Суд присяжных: тотализатор, подающий государству сигналы», «Ошибка Сократа и суд будущего»). Непривычно звучащие для отечественных правоведов названия многих разделов не должны смущать читателя — в них идет речь о вполне понятных и привычных для российских юристов явлениях, но умение автора по-новому взглянуть на известное и, казалось бы, понятное, приводит подчас к весьма неожиданным и даже парадоксальным выводам. Следует оговориться: для Ю.А. Цветкова парадоксальность и оригинальность не являются целью. Его задача — глубоко и по-настоящему разобраться в том, в чем ранее пытались разобраться другие исследователи, и надо признать, что поставленная задача оказалась вполне по силам автору.

Для выполнения поставленной задачи автор успешно использовал и другие редко применяемые в юриспруденции научные методы: теорию вероятностей (раздел «Судебный риск-менеджмент»), функциональный анализ (раз-

дел «Возвращение уголовного дела прокурору: явные и латентные функции»), теорию коммуникации и математическая логика (раздел «Судебные коммуникации и парадоксы правосудия»), теорию управления (разделы «Независимость судей в механизме судебного менеджмента», «Мировые судьи: симулякры демократии или «предохранительные клапаны» империи?»), «Судебный тайм-менеджмент»), психологические теории и методы когнитивных наук (разделы «Протокол судебного заседания: канон и апокриф», «Как мыслят судьи, рассматривая дела и принимая решения», «Чему учить и как воспитывать судей?», «Судья vs искусственный интеллект: кто победит на рынке труда?»). Используемые названия разделов монографии одновременно показывают не только широту рассмотренных проблем и необычность их формулирования, но и умение автора увидеть явление в необычном и даже неожиданном ракурсе.

Без сомнения, в данном случае очень большим подспорьем для проведения исследования послужил личный опыт автора в уголовном судопроизводстве — уверен, что не-профессионал просто не смог бы так глубоко прочувствовать психологию многих судебных (да и не только судебных) действий и решений. В этом отношении Ю.А. Цветков является последователем другого судьи-ученого, чья переведенная на русский язык работа⁵ послужила предметом пристального внимания и изучения не только представителями судебного сообщества, но и всеми другими юристами.

Но, в отличие от монографии судьи Верховного Суда Государства Израиль А. Барака, исследование российского правоведа имеет еще и мощную теоретическую и теоретико-историческую основу. Именно этому посвящена первая глава монографии Ю.А. Цветкова, которая и называется соответствующим образом — «Судебная доктрина». Автор буквально погружает читателя в многочисленные источники и тем самым вводит в отечественный научный оборот множество новых имен и публикаций, причем не компиляторного толка, а тех, что без сомнения следует обозначить как научную первооснову. Разбираясь во всех хитросплетениях научных взглядов и дискуссий, излагаемых автором, нетерпеливый читатель может решить, что рассмотрению теоретических вопросов уделено даже слишком много внимания, однако полагаю, что подобный вводно-ознакомительный экскурс

все-таки нужен, поскольку слишком непривычная для отечественных юристов трактовка многих процессуальных ситуаций нуждается в предварительной подготовке и объяснениях.

По всей видимости, работая над своей рукописью, автор прекрасно понимал, что обширное изложение теоретических основ применяемого метода может оттолкнуть тех читателей, которые стремятся во всем найти некий практический интерес или почерпнуть «практико-ориентированные знания», и действуя на упреждение, прямо подсказал выход, который состоит в переходе сразу ко второй главе монографии. Вполне возможно, что кто-то сделает именно так, но полагаю, что поступиться ценным и подробным комментарием Ю.А. Цветкова к работам зарубежных коллег все же не следует хотя бы из уважения к автору, вложившему в свою монографию свои знания и труд.

В общепринятом научном обиходе рецензирование предполагает подробный анализ авторской позиции по всем вопросам, рассмотренным в работе. Но рецензируемая работа по-своему уникальна: в ней очень мало научной полемики и, как уже отмечалось, чаще всего автор просто анализирует психологию рассуждений и поступков участников, используя различные математические модели и опираясь на примеры из судебной практики. На мой взгляд, специфика монографии Ю.А. Цветкова такова, что с его выводами нельзя не соглашаться — он описывает реальные уголовно-процессуальные ситуации, связанные с некими узловыми точками производства по уголовному делу. По крайней мере, автор этих строк, имевший в прошлом скромный опыт поддержания государственного обвинения в суде, не смог обнаружить изъянов в рассуждениях ученого.

Полагаю, что особого внимания заслуживает раздел, в котором анализируется возможность применения искусственного интеллекта в правосудии. Модная ныне тема предстает здесь в ином свете: Ю.А. Цветков на примере уголовного дела по обвинению М. Ефремова убедительно показывает, возможные результаты такого применения и приходит к выводу о том, что «правосудие и неотъемлемая его составляющая — институт наказания — продукт человеческого интеллекта, который не сводится к вычислениям. Поэтому ИИ (искусственный интеллект — С.М.), работающий только на основе вычисле-

ний, не сможет превзойти судью в этом «человеческом, слишком человеческом» деле»⁶.

В последнем разделе монографии, носящем интригующее название «Appendix. Ошибка Сократа и суд будущего», автор не стремится к однозначному выводу о том, каким будет правосудие через несколько десятилетий или даже еще больший период времени. Справедливо обращая внимание на то, что многие состоявшиеся изменения уголовно-процессуального закона привели совсем не к тем последствиям, которые предполагались при их введении, Ю.А. Цветков предоставляет право поразмышлять об этом своим читателям, которых, безусловно, должно быть много — написанная хорошим языком интересная по содержанию книга обязательно будет внимательно изучаться заинтересованными участниками уголовного правосудия и учеными.

Список источников

1. Барак А. Судейское усмотрение: Пер. с англ. М.: Норма, 1999.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди и люди, которые играют в игры. М.: Прогресс. 1988. 400 с.
3. Кардозо Б.Н. Природа судейской деятельности: Пер. с англ. по 13-му изд. 1946 г. М.: Статут, 2017.
4. Тагер А.С. О предмете и пределах науки об уголовном суде // Право и жизнь. М., 1924. Кн. 1. С. 51.
5. Цветков Ю.А. Игры в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2023. 383 с.

¹ См.: Цветков Ю.А. Игры в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма. М.: Юнити-Дана. 2023. 383 с.

² По всей видимости, Ю.А. Цветков обыграл в своей работе название широко известной в России книги Э. Берна (См.: Берн Э. Игры, в которые играют люди и люди, которые играют в игры. М.: Прогресс. 1988. 400 с.). Эта книга, впервые увидевшая свет в 1964 г., с большим опозданием была переведена на русский язык, но впоследствии неоднократно переиздавалась в нашей стране.

³ Кардозо Б.Н. Природа судейской деятельности: Пер. с англ. по 13-му изд. 1946 г. М.: Статут, 2017.

⁴ Тагер А.С. О предмете и пределах науки об уголовном суде // Право и жизнь. М., 1924. Кн. 1. С. 51.

⁵ См.: Барак А. Судейское усмотрение: Пер. с англ. М.: Норма, 1999.

⁶ Цветков Ю.А. Указ. соч. С. 358.

УДК 343.98
ББК 67.5

© А.Ф. Волынский. 2023

Судебная экспертиза в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства

Александр Фомич Волынский,
профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы возникновения и развития в России криминалистики и судебной экспертизы как системно организованной деятельности на основе обобщенных научных данных. Проанализированы причины их противоречивого развития. Сделан вывод о том, что процесс выделения судебной экспертизы в качестве самостоятельной науки происходил поспешно, стихийно, без учета особенностей дифференциации знаний прикладных наук, таких как криминалистика. Обоснована необходимость формирования единой государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, включая экспертно-криминалистическую и судебно-экспертную деятельность

Ключевые слова: История, криминалистика, судебная экспертиза, МВД, судебно-экспертная деятельность, экспертно-криминалистическая деятельность, дифференциация, интеграция

Научная специальность: 5.1.4 — Теория криминалистики: современное состояние и тенденции развития, структура и функции. Судебная экспертология, ее предмет, система, задачи и функции

Для цитирования: А.Ф. Волынский. Судебная экспертиза в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 1/2023. С. 129—134.

Forensic examination in the system of scientific and technical support of criminal proceedings

Alexander Fomich Volynsky,
Professor of the Department of Criminalistics Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. The issues of the emergence and development of criminalistics and forensic examination in Russia as a systemically organized activity based on generalized scientific data are considered. The reasons for their contradictory development are analyzed. It is concluded that the process of allocating forensic expertise as an independent science took place hastily, spontaneously, without taking into account the peculiarities of differentiation of knowledge of applied sciences, such as criminology. The necessity of forming a unified state system of scientific and technical support of criminal proceedings, including forensic and forensic activities, is substantiated

Key words: History, criminology, forensic examination, Ministry of Internal Affairs, forensic activity, forensic activity, differentiation, integration

Постановка проблемы

История возникновения и развития в нашей стране криминалистики и судебной экспертизы представлена в основном в виде формальной констатации дат, событий, явлений и причастных к ним лиц [1, 2]. При этом меньше всего обращалось внимание на те процессы в жизни государства и общества, на те социальные условия, в которых проходили соответствующие события. В советский период об этом не принято было говорить и писать по идеологическим причинам.

Между тем, в истории названных наук прослеживаются связи настоящего с прошлым, проявляются ориентиры на будущее; в их истории кроются причины их современных проблем, в том числе в организационном и правовом обеспечении реализации их возможностей в раскрытии и расследовании преступлений; в истории лежат объяснения «традиционных» межведомственных противоречий в отношении экспертно-криминалистической деятельности (ЭКД) в системе МВД России и судебно-экспертной деятельности (СЭД) в системе Минюста России [3]. В связи с этим целесообразно рассмотреть исторические факты в развитии отечественной криминалистики и судебной экспертизы и оценить их во взаимосвязи с принимаемыми организационными и правовыми решениями.

Анализ последних исследований и публикаций. К числу основных научных публикаций, освещающих тему исследования, относятся следующие: Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М.: НОРМА. 1999. 486 с., Колдаев В.М. Из истории практической криминалистики в России. Антология криминалистики. М.: Лекс Эст. 2005. 373 с., Крылов И.Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Ленингр. 1975, 188 с., Россинская Е.Р. Воплощение идей Р.С. Белкина в современной теории и практике судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. М. 2017. Т. 12. № 3. С. 54—61, и другие. Позиция автора по теме исследования также изложена в публикациях: Волынский А.Ф. Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. (45). С. 175—185, Волынский А.Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России // Труды Академии управления МВД России.

2019. № 4. (52). С. 90—100, Волынский А.Ф. Необходимость государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. Том 16. № 1. 2021. С. 130—140.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Необходимость формирования единой государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, включая экспертно-криминалистическую деятельность и судебно-экспертную деятельность.

Формулирование целей статьи. Акцентировать внимание на необходимости формирования общей государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, включая экспертно-криминалистическую и судебно-экспертную деятельность, в которой организационно-правовые формы использования специальных знаний будут соответствовать современному уровню развития науки, техники и информационных технологий.

Изложение основного материала.**Становление и развитие отечественной криминалистики и судебной экспертизы**

В специальной литературе история возникновения криминалистики и судебной экспертизы связывается с ситуативно проявившимися фактами, например, производства медицинских исследований в целях установления причин смерти или «графологических» исследований в целях установления исполнителя рукописного текста [2]. Однако такие факты свидетельствуют о ситуативно проявляющихся потребностях следственной практики в соответствующих знаниях и опыте «сведущих лиц», но не о системно организованной деятельности на основе обобщенных научных данных.

Явно выраженные признаки такой деятельности в раскрытии и расследовании преступлений проявились в Российской империи на рубеже XIX и XX веков, когда в условиях бурного развития капиталистического производства население массово переселялось из сельской местности в города, обуславливая критический рост преступности. Положение в этом отношении осложнилось последствиями неудач в войне с Японией и назревавшими революционными событиями (1905 г.).

Власть и общество все острее ощущали потребность в более гуманных (по сравнению с клеймением и пытками), а вместе с тем в более эффективных средствах и методах борьбы с преступностью. Именно в это время в нашей стране вводится уголовная регистрация лиц, осужденных за совершение преступления; в 1890 г. — антропологическая, а в 1906 г. — дактилоскопическая [4]. Такие лица содержались в местах лишения свободы, находившихся в ведении Минюста России, где и были созданы регистрационные бюро (кабинеты).

Фактически с них начиналась практическая криминалистика как организационная система собирания, исследования и использования источников розыскной и доказательственной информации в целях раскрытия и расследования преступлений. Вновь поступающая в эти бюро информация, естественно, исследовалась в сравнении с ранее зарегистрированной, то есть, по существу, проводились криминалистические идентификационные «экспертизы». Значение таких исследований возрастало по мере распространения объектов регистрации, в частности, включения в их число следов рук, изымаемых на местах происшествий.

Постепенно становилось все более очевидным, что уголовная регистрация (так она называлась в то время) — это средство, прежде всего, раскрытия преступлений и розыска лиц, их совершивших. В 1908 г. ее ведение передано в Департамент полиции, где для этого было создано Центральное регистрационное бюро. Аналогичные бюро были созданы в губернских управлениях полиции, специалисты которых стали привлекаться для участия в осмотрах мест происшествий, производстве иных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Такая организация их деятельности, в которой совмещены функции эксперта и специалиста, сохранена до сих пор, что крайне отрицательно сказывается на производительности их труда в статусе первого и на его результативности — второго, к тому же за истекшие сто с лишним лет техника, как собирания, так и исследования доказательств, стала многосложной конструктивно и более разнообразной функционально. Ее эффективное использование требует специализации и высоко профессиональной подготовки не только экспертов, но и специалистов-криминалистов. Так изначально еще на этапе становления отечественной криминалистики и судебной экспертизы в условиях

организационной неопределенности проявились причины их противоречивого развития в будущем [5].

Своеобразные, во многом противоречивые, а вместе с тем поучительные исторические факты в развитии отечественной криминалистики и судебной экспертизы отмечаются в советское время, начиная с создания Кабинета судебной экспертизы в Центросудебном бюро — первого марта 1919 г. — дата, которая признана днем создания экспертно-криминалистической службы МВД России. И это при том, что спустя два года указанный Кабинет был преобразован в научно-технический отдел, а затем в отдел фактически с теми же задачами и функциями, которые ранее выполнялись регистрационными бюро.

По существу, в МВД России была реанимирована система регистрационных бюро, напомним, действовавших в стране с 1890 г, а в органах полиции России с 1908 года. Фактически из истории отечественной криминалистики и судебной экспертизы, по идеологическим предпочтениям и с революционным пристрастием, было «вычеркнуто» около тридцати лет с весьма поучительным опытом организации, разработки и использования технико-криминалистических методов и средств в раскрытии и расследовании преступлений.

К тому же в то время было положено начало несогласованного и противоречивого отношения правоприменительных и правоохранительных ведомств страны к организации деятельности судебных экспертов (СЭД) и экспертов-криминалистов (ЭКД). В условиях идеологизированной кампании «борьбы с культом личности и преодоления его последствий» (середина 50-х-60-е годы прошлого века), такие отношения приобрели бескомпромиссный характер, с явно выраженным корпоративным интересом и, соответственно, с разрушительными последствиями [5].

В то время было ликвидировано МВД СССР (1960 г.), а во вновь созданных республиканских министерствах охраны общественного порядка (МООП) ранее действовавшие НТО милиции были расформированы, штаты их сотрудников, на четверть сокращенные, были «скрыты» в оперативно-технических подразделениях. Заметим, что это был результат в основном надуманных, голословных обвинений НТО милиции в нарушениях социалистической законности и даже в причастии к репрессиям 30-х годов.

Тогда не придавалось значение тому, что в те трагические годы истории нашей страны в ней действовало не МВД, а НКВД (создано в 1934 г.), в составе которого было два основных главных управления — государственной безопасности и рабоче-крестьянской милиции. Не учитывалось и то, что репрессии осуществлялись по признакам социальной принадлежности — в отношении бывших царских офицеров, попов, кулаков и т.д. Для их выявления и доказывания их «вины» не требовались ни экспертизы, ни эксперты. Странно, что это до сих пор не поняли те, кто сочиняет монографии о «кризисе отечественной криминалистики».

Скорей предлогом, а не только предметом бескомпромиссных дискуссий, стал в то время принцип процессуальной независимости судебного эксперта, который «не соблюдался» экспертами НТО милиции как представителями правоохранительного органа «заинтересованного в исходе дела». В этой связи в то время (1966 г.) в УПК РСФСР появилось дополнение к ст. 67 (п. 3а), запрещающее назначать экспертизы лицам, принимавшим участие в осмотре места происшествия по тому же делу, то есть экспертам милиции. Кстати, судебным экспертам системы Минюста СССР вообще запрещалось ведомственным приказом принимать участие в следственных действиях.

Абсурдность упомянутых организационных и правовых решений того времени в отношении ЭКД и СЭД вскоре была доказана реалиями следственной практики. Уже в 1967 г. было восстановлено союзное МООП (МВД) СССР, а в нем стала возрождаться система НТО милиции в виде экспертно-криминалистических подразделений. Однако проблема процессуальной независимости судебных экспертов в искаженно-абсолютизированном виде представляется до сих пор, причем законодательно (ст. 7 Федерального закона о СЭД в РФ, где упоминается «орган, назначивший экспертизу»). Но экспертизу назначает не орган, а конкретное должностное лицо (следователь, дознаватель, судья), которое несет личную ответственность за выбор эксперта, в том числе не заинтересованного в исходе дела.

К тому же понятие независимости человека в социуме весьма условно, а в деятельности судебных экспертов, что хорошо известно, иногда она определяется суммой гонорара. Следовательно, обеспечить ее можно не формальными ограничениями по признакам ведомствен-

ной принадлежности, а сбалансированной системой организации их деятельности и контроля за ее результатами. Например, в зарубежных странах осуществляется реестр (учет) частных судебных экспертов, что позволяет должностному лицу, назначающему экспертизу, выбрать специалиста требуемой сферы знаний, с соответствующим опытом и, что не менее важно, с наработанной им репутацией как эксперта. Не менее значимой гарантией объективности и достоверности заключения судебного эксперта является возможность назначения альтернативной судебной экспертизы.

Последствия дифференциации научных знаний в сфере криминалистики и судебной экспертизы

«Борцы с культом личности» в судебной экспертизе инициировали ее отпочкование от криминалистики в качестве самостоятельной науки, используя общую обстановку, обусловленную соответствующей кампанией. При этом, как правило, следовали ссылки на одну из общих закономерностей развития наук — их дифференциацию, которая к тому времени, необходимо признать, конечно же, назрела в криминалистике [3]. Но ее поспешное, стихийное проведение, причем с откровенно разрушительной целью в отношении исторически сформировавшейся и в целом успешно действовавшей системы НТО милиции, выразилось в результатах, далеких от желаемых.

Тогда не были учтены особенности дифференциации знаний прикладных наук, таких как криминалистика, в которых рвутся, разрушаются не только учения, теории и научные категории, но и практически значимые интеграционные связи, а вместе с тем традиционные организационные формы их реализации. Само определение предмета криминалистики, данное Р.С. Белкиным и Ю.И. Краснобаевым в 1967 г., с последующим редакционным уточнением, как «науки о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках... собирания, исследования и использования доказательств» оказалось в очевидном противоречии с реалиями следственной практики [3]. Во всяком случае, невозможно себе представить собирание доказательств без оперативно-розыскной деятельности, а их исследование без судебной экспертизы. Не были в то время учтены особен-

ности задач, решаемых органами внутренних дел в порядке реагирования на сообщения о преступлениях и выполнения функций органа дознания, что неизбежно связано с использованием криминалистических методов и средств как собирания, так и исследования материальных источников розыскной и доказательственной информации. В этой связи было бы оправдано, если не оставлять в сфере деятельности этих органов криминалистическую экспертизу, то законодательно признать, с учетом опыта зарубежных стран, доказательственное значение результатов исследования специалистов-криминалистов. Иначе говоря, дифференцируя научные знания, следовало бы дифференцировать и организационно-правовые формы их использования в уголовном судопроизводстве [3].

Однако, отпочковавшись от криминалистики, судебная экспертиза как наука фактически самоустранилась от процесса раскрытия и расследования преступлений в уголовно-правовом смысле этих понятий, сосредоточив свое внимание на проблемах общей теории и совершенствовании методик экспертного исследования отдельных видов доказательств. Уже в 2017 году на одном из публичных мероприятий в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя представители этой науки инициировали дискуссию по вопросу о ее названии (теория СЭД, экспертология, экспертика), которая прекратилась только после реплики из зала: «Какая же у вас наука, если за 60 лет вы не договорились даже о ее названии?».

И тем не менее эта наука откровенно претендует на нечто большее, чем средство доказывания. Предметы судебной экспертизы и криминалистики перекрываются, утверждают представители судебно-экспертного сообщества, следовательно, делается вывод, только в рамках экспертологии возможна разработка единых подходов к получению доказательственной информации с использованием специальных знаний [6]. Таким образом, судебная экспертиза абсолютизируется не только на практике, но и в теории, с явно выраженной попыткой включить в нее, если не всю криминалистику, то как минимум ЭКД. Так создаются проблемы для новых длительных и бесплодных межведомственных дискуссий. И это вместо того, чтобы объединять усилия на формировании общей государственной системы НТО уголовного судопроизводства, включая ЭКД и СЭД; системы, в которой организационно-

но-правовые формы использования специальных знаний соответствовали бы современному уровню развития науки, техники и информационных технологий.

Тем не менее, следует признать, что отпочкование судебной экспертизы от криминалистики способствовало росту ее популярности в общественном сознании правоприменителей, предопределило ее законодательную регламентацию (Федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ) и положительные тенденции ее дальнейшего развития. В современных условиях расширения международных связей судебная экспертиза приобретает черты не только организационно-правовой, но и политико-правовой категории. Ее возможности реализуются при расследовании международных военных конфликтов, при разрешении межгосударственных экономических споров [7]. Но при этом следует понимать, что в уголовном судопроизводстве есть не только СЭД, но и ЭКД, к тому же, они тесно взаимосвязаны, эффективность первой непосредственно зависит от результативности второй.

Несовершенство теории СЭД, а в определенном смысле и ее беспомощность, проявляются в истории имплементации положений резолюции Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию «О судебно-экспертной деятельности», принятой в 2010 году. Рассмотренный еще в 2013 году в Государственной Думе в первом чтении проект соответствующего закона до сих пор остается проектом. Инициированное в этой связи Генеральной прокуратурой России рассмотрение проблем СЭД в Комиссии по общественной безопасности Совета безопасности России (март 2018 г.), завершилось решением, предопределившим создание системы судебно-экспертных учреждений еще в одном правоохранительном ведомстве — в Следственном комитете России (Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 224-ФЗ).

При этом, что принципиально важно, в отличие от ЭКП системы МВД России, эти учреждения организационно обособлены от криминалистической службы, основу которой составляют следователи-криминалисты, осуществляющие поисково-познавательную деятельность при расследовании преступлений с использованием методов и средств криминалистической техники [8]. Опыт их деятельности, как нам подставляется заслуживает более основательного изучения и, возможно, распро-

странения в деятельности органов внутренних дел, тем более в современных условиях практически неконтролируемого распространения высокотехнологичной преступности и особенностей практики борьбы с ней [9].

И в это время практически незаметным остается факт законодательного признания в качестве одного из основных направлений деятельности органов внутренних дел «осуществление экспертно-криминалистической деятельности» (ФЗ «О полиции» № 3 от 07.02.2011). Во всяком случае, до сих пор не предприняты даже попытки научно обосновать методологически важнейшие категории: понятие, содержание, задачи этой деятельности, методы и средства их решения, ее соотношение с судебно-экспертной деятельностью. Получается, что осуществляем деятельность, о которой не имеем системного представления.

Выводы

В настоящее время очевидно, что возможности экстенсивного развития экспертно-криминалистической службы МВД России (расширение сети ЭКП и увеличение их штатов при неизменной с начала XX века организации их деятельности) себя полностью исчерпали. При этом уровень развития криминалистической техники оказался в явном противоречии с организацией ее использования. Попытки разрешить это противотечение с позиции узковедомственных подходов приобретают характер затяжных и бесплодных дискуссий. Очевидна необходимость формирования единой государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, включая ЭКД и СЭД.

Список источников

1. *Белкин Р.С.* История отечественной криминалистики. М.: НОРМА. 1999. 486 с.
2. *Крылов И.Ф.* Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 188 с.
3. *Волынский А.Ф.* Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. (45). С. 175—185.
4. *Колдаев В.М.* Из истории практической криминалистики в России. Антология криминалистики. М.: Лекс Эст. 2005. 373 с.

5. *Волынский А.Ф.* К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4. (52). С. 90—100.

6. *Россинская Е.Р.* Воплощение идей Р.С. Белкина в современной теории и практике судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. М. 2017. Т. 12. № 3. С. 54—61.

7. *Хазиев Ш.Н.* Теоретические основы организации международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности: дис. ... д-р юрид. наук. М., 2016. 462 с.

8. Техничко-криминалистическое сопровождение расследования преступлений: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2016. 249 с.

9. *Прорвич В.Н.* Об интегрированной подходе к организации расследования экономических преступлений. Вестник Московского университета МВД России. № 10. 2015. С. 25—28.

References

1. *Belkin R.S.* The history of domestic criminology. M.: NORM. 1999. 486 p.

2. *Krylov I.F.* Essays on the history of criminology and forensic examination. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University, 1975. 188 p.

3. *Volynsky A.F.* The subject of criminalistics and «scientific separatism»: consequences and possibilities of overcoming them // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1. (45). pp. 175—185.

4. *Koldaev V.M.* From the history of practical criminology in Russia. Anthology of criminology. M.: Lex Est. 2005. 373 p.

5. *Volynsky A.F.* To the centenary of the forensic service of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4. (52). pp. 90—100.

6. *Rossinskaya E.R.* The embodiment of R.S. Belkin's ideas in the modern theory and practice of forensic examination // Theory and practice of forensic examination. M. 2017. Vol. 12. No. 3. pp. 54—61.

7. *Khaziev Sh.N.* Theoretical foundations of the organization of international cooperation in the field of forensic expertise: dis.... Dr. jurid. sciences. M., 2016. 462 p.

8. Technical and forensic support of crime investigation: textbook — Moscow: Yurlitinform, 2016. 249 p.

9. *Prorvich V.N.* On an integrated approach to the organization of the investigation of economic crimes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 10. 2015. pp. 25—28.